

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07920017 0

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Согласно объявленію редакціи Вѣстника западной Россіи, многіе изъ его подписчиковъ прислали деньги на полученіе западнаго Вѣстника вмѣстѣ съ Виленскимъ, въ количествѣ 18 рублей — за оба.

Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, редакція Вѣстника западной Россіи проситъ покорнѣйше всѣхъ, желающихъ выписать это изданіе, не смѣшивать его болѣе съ Виленскимъ Вѣстникомъ, выписывать западный Вѣстникъ отдѣльно отъ Виленскаго и согласно условіямъ на подписку сего послѣдняго.

ВѢСТНИК
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ЯНВАРЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ П.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Р. М. Ромна.

1865.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
648431 A
ASTOR LENOX TILDEN
FOUNDATIONS
R 1983 L

Дозволено цензурою 30 апрѣля 1865 года. Вильна.

ТЕЛЕГРАММА ИЗЪ НИЦЦЫ.

Воля Всевышняго совершилась. Онъ призвалъ къ себѣ Нашего Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича 12 числа въ 12 часовъ 50 минутъ ночи. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ и ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА съ умилениемъ и покорностью переносятъ постигшую ихъ скорбь и преклоняются предъ неисповѣдимыми опредѣленіями промысла Божія.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
 и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Всевышнему угодно было поразить Насъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Сынъ Нашъ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ скончался въ г. Ниццѣ, сего апрѣля въ 12-й день, послѣ тяжкихъ страданій. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество еще въ началѣ прошедшей зимы, во время совершаемаго путешествія по Италіи, не представлявшая повидимому опасеній за столь драгоцѣнную Намъ жизнь, хотя медленно, но казалось уступала дѣйствию предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата, когда внезапно по-

визшіея признаки явной опасности побудили Намъ послѣзнить отъездомъ изъ Россіи. Въ глубокой скорби Нашей, Мы имѣли утѣшеніе свидѣться съ Любопытнѣйшимъ Сыномъ Нашимъ до его кончины, поразившей Намъ и весь Домъ Нашъ ударомъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ и сильнымъ, что печальному событію сему суждено было совершиться на чужбинѣ, вдали отъ Нашего Отечества. Но докорною безрочною Промислу Божию, Мы молимъ Всемогущаго Творца вселенныя, да дастъ Намъ твердость и силу къ перенесенію глубокой горести, Его волею Намъ ниспосланный. Въ твердомъ убѣжденіи, что все истинно Намъ подданные разделятъ съ Намъ душевную скорбь Нашу, Мы на немъ лишь находимъ утѣшеніе и призываемъ ихъ къ усерднымъ вмѣстѣ съ Нами моленіямъ о упокоеніи души возлюбленнаго Сына Нашего, оставившаго миръ сей среди надеждъ, Намъ и всего Россію на Него возложенныхъ. Да освѣтитъ Его дѣлаица Великанъ въ мирѣ лучшемъ, надъже нѣсть болѣзни, ни печали.

Личившись первороднаго Сына и примаго преемника Нашего, нмы въ Божѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы, на точномъ основаніи закона и Престолонаслѣдіи, провозглашаемъ втораго Сына Нашего, Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Александровича Наслѣдникомъ Нашимъ и Цесаревичемъ.

Данъ въ городѣ Никѣѣ, въ двенадцатый день апрѣла, въ 25-то отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ пять, Царствования же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“

(Самръ. Царта.)

Мы ничего не дерзаемъ прибавить отъ себя къ этимъ королевскимъ документамъ. Предъ этою скорбію Отца, покорностию Промислу Христіанна, утратою поразишаго Монарха и Россію, — мы, колѣнопреклоненные, можемъ только безмолвствовать и молиться.

3.

№ 8-й.

ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПОЛОЦКОЙ АРХИЕПИСКОПИИ *).

1.

Инвентарь полоцкой архиепископии 1588 г.

Реестръ альбо инвентарь списанья добръ (имуществъ) именей и сель владычеству полоцкому прислухаючихъ (принадлежащихъ) у земли полоцкой лежащихъ которые я Федоръ Гodeбскій дворянинъ его королевское милости, Велебному (Преподобному) в Бозе его милости архиепископу владыце полоцкому витебекому и метиславскому киръ афанасию терлецкому вмоць подаць еси року теперешнего 1588 мца декабря розными днями.

То есть на перьвей дворъ владычной взамку вышнемъ полоцкомъ внемъ будованя

Светлицы две на подклетахъ напротивно себе одна скорморою межы ними сень.

*) Характеризующіе довольно рельезно древнее состояніе бѣлорусскихъ православныхъ церквей подъ владычествомъ Польши

Светлица поземная изба напротивко межы ними сень
Светлица на под избицы напротивко клетъ наподклет-
те межы ними сень.

Спажарня (кладовая) на пивницы (погребъ) стайня бро-
варь старый лазня (баня) клеточка малая

Ку тому двору замковому фольварокъ у мили отъ по-
лоцка прозываемый на струнѣ (нынѣ Струнь), внемъ бу-
дованье (строенье) светлицы две скоморами (комнатками)
напротивно себе одна с печью а другая безъ печи ме-
жы ними сень непокрытая изба челядная съ сеньми одры-
на (сарай) хоростеная соломою покрытая у гумне осеть одна,
втомъ фольварку и вгумне збожья (хлѣба) ниякого моло-
чоного и немолчоного и на поляхъ засеянаго такъже ниякое
мастности коней и быдла (скота) воборе (въ хлѣвѣ) нетъ
ничого.

Церкъовь передъ дворомъ новопостановленая заложенья
(во имя) светого пророка ильи.

Подданные прыхожья до того фольварку прыслухоучые
(принадлежащіе) меновите на носелицахъ

- 1) старецъ васко якимовичъ дымъ 1.
- 2) стась (Стакій) михневичъ дымъ 1.
- 3) петръ яновичъ дымъ 1.
- 4) савиноя вдова именемъ овдотья дымъ 1.
- 5) андрей схаритономъ дымъ 1.
- 6) подданный церковный иванъ безносики дымъ ... 1.
- 7) андрей илиничъ барверъ дымъ 1.
- 8) Беяринъ на белей водѣ иванъ грышковичъ дымъ 1.

Повинности стыхъ подъданныхъ за рокъ (годъ) тепереш-
ный осмдесять осмой м-ца августа одинадцатого дня черезъ
вроднака зошлого архиепископа полоцкого отца фиофана
Богдана через туковича выбраная,

то есть

старецъ васко якимовичъ далъ грошей кошь 2.

1891 А Г ЭД АИИХ

стась михнович далъ грошей копу 1.

петръ янович далъ грошей копу 1.

савиной вдова именемъ овдотя дала грошей копу 1.

андрей схарытономъ дали грошей копу 1.

чынить (итого) грошей копь шесть

По смерти отца владыки зошлаго феофана Богдана наместникъ полоцкой панъ якубъ семашко стыхже подданныхъ взялъ, то есть

у старца васка якимовича грошей копь 3.

у стася михновича взялъ грошей копь 2.

у петра яновича взялъ грошей копь... .. 2.

у савиноее удовы грошей копь 2.

у андрея и вхаритона грошей копь 2.

чинить грошей копь одинадцать

а надто (а сверхъ) надъ повинность тыхъ подданныхъ служебникъ пана Ленарто (Леонтия) чарнавского станицлаво боровскій прымунаючы (принуждая) ихъ до работы незвычайное (необычайной) ошкоду припрововалъ (вводилъ въ убытокъ) то есть через шесть недель наймуочы работниковъ на каждую неделю по десети грошей даючы на роботу до него посылали в чомъ они каждый знихъ шкодують (имѣють убытка) себе по копе грошей литовскихъ.

Чынить грошей копь пять

Фольфарокъ на тетъчы (Тетча) в немъ будованья то есть светлица новая зъ сеньми, светлочокъ старыхъ такъ же зъ сеньми две одна безъ печи клетей старыхъ две изба челядная зъ сеньми непокрытыми, стайня (конюшня) безъ воротъ соломою покрытая лазня (баня) гумно в котормъ будованья большъ нетъ только осеть одна в томъ фольварку и вгумне збожя ниякого молочоного и немолчочоного и на поляхъ засеяного какъ же ниякое маестности коней и быдда воборе нетъ ничего.

Церковъ передъ дворомъ заложена светого пророка илии

в ней книгъ разныхъ лицьбою (числомъ) семь евангеліе се-
ребромъ оправное позлотисто.

По смерти отца владыки зопшого вроку теперешнемъ
осмдесять-осмомъ, zostало (осталось) збожья пашни двор-
ное у гумне не молочоного, то есть, кошь двадцать пшени-
цы кошь полъ трети, ярыцы кошь тры ечьменю кошь полъ-
торы стого вымолочоно за розказаньемъ (приказанію) пана
наместниковымъ жита бочошь полоцкихъ десеть пшеницы
осминокъ пять ярыцы бочка одна ечьменю осминокъ чо-
тыри.

подданные прихожые кутому фольварку прислухуючыє

- 1) старецъ на име охромей демидовичъ краска дымъ 1.
- 2) андрей алексеевичъ дымъ 1.
- 3) лаврынъ (Лаврентій) юрковичъ дымъ 1.
- 4) ходоръ семеновичъ дымъ 1.
- 5) васко семеновичъ дымъ 1.
- 6) аниско готовчиць дымъ 1.
- 7) сопронъ бородавчыць дымъ... .. 1.
- 8) несторъ антиповичъ бурый дымъ 1.
- 9) алексей петровичъ дымъ 1.
- 10) карпъ семеновичъ дымъ 1.
- 11) иванъ яковлевичъ дымъ 1.
- 12) иванъ шершневичъ дымъ 1.
- 13) матфей ламаць дымъ 1.
- 14) матфей ивановичъ дымъ 1.
- 15) бирна латышь дымъ 1.
- 16) янъко белышевичъ дымъ 1.
- 17) янъко наверкудей дымъ 1.
- 18) курко (Курьякъ) наверкудей дымъ 1.
- 19) никито провада огородникъ 1.

Новинность стыхъ подданныхъ наместникъ полоцкой
панъ якубъ семашко черезъ служебника своего ивана по-
новку выбралъ то есть зовсего села огуломъ (оптомъ) вяль

доли мерою полоцкою зовсякого збожья а меновите (а именно).

жита бочокъ	23.
ярыцы бочокъ	9 $\frac{1}{2}$.
пшеницы бочокъ	5.
ечменю бочокъ	7 $\frac{1}{2}$.
гречыхи бочокъ	5.
гороху бочка 1 и осминогъ	5.

всего того збожья чинить бочокъ сорокъ семь и осминогъ дѣве

которое всего збожья такъ пашни дворное яко и дымное панъ наместникъ нетъ ведома где обернулъ

Къ тому фольварку тетченскому село усвица внемъ люди прыхожые меновите (девять хозяиновъ девяти дымовъ, имена и фамиліи которыхъ пропускаемъ).

Повинность стыхъ подданныхъ зарокъ теперешной осмдесять осмый черевъ пана марка рыпинского сына отца владыки зошлого еще пры животе отца его выбраная то есть

(слѣдуетъ перечисленіе копъ грошей, выбранныхъ изъ девяти дымовъ, которое пропускаемъ).

Сумою чинить грошей копъ чотырнадцать

По смерти небощика (покойника) владыки зошлого феофана Богдана наместникъ полоцкой панъ якубъ семашко знову стыхъ подданныхъ повинности в року теперешнемъ 88 выбралъ а меновите.

(Перечисленіе хозяевъ дымовъ и сколько копъ грошей выбрано пропускаемъ). Сумою чинить грошей копъ чотырнадцать

Иванъ харытоновичъ поповка прыхавшы до села усвицы своволне взялъ на тыхъ подданныхъ веръхо по менсныхъ зо всего села грошей готовыхъ.. ов жыта меры полоцкой 2 а втотъчасъ жыто куповано вторгу по сороку грошей.

Семеню полъмеры который на тотъ часъ куповано меру
 подвадцать чотыры грошей куровъ к
 а самого старца васка плешка безвинне до вензена
 (тюрма) у ланьцугъ сажаль и дособна взяль на немъ гро-
 шей нг

Ку томужь двору тетченъскому село зовечеле поддан-
 ные того села меновите

(перечисленіе подданныхъ и дымовъ, которыхъ числомъ
 13, оставляемъ).

По смерти отца владыки зошлого феофана Богдана вро-
 ку теперешнемъ 88 наместникъ полоцький панъ якубъ се-
 машко повинность стыхъ подданныхъ выбралъ огуломъ во
 всего села взяль доли четвертое зовсякого збожья мерою
 полоцькою.....

Шкоды (убытки) тѣхъ подданныхъ на первой выбранье
 серебщизны, взяль панъ наместникъ зовсего того села отъ
 сохъ семнадцати по грошей тринадцать и по два пенязи

того сумою чынить грошей копь тры и грошей сорокъ
 чотыры пенязи чотыры.

А потомъ в тый день стыхъ подданныхъ сторожовщизны
 надъ звычай и повинность стародавнюю взяль грошей копь
 две и грошей чотыры, у старца сидора ивановича а у луки
 кузминича взяль невинне овса бочки тры,

Церкви у Полоцку

Церковъ соборная светое софіи взамку вышнемъ полоць-
 комъ

добра (имѣнія) напрыделы втой церкви наданые

К прыделу светое тройцы село взамшанехъ наданое отъ
 великого князя полоцкоего андрея чоловѣка тры передъ
 тымъ было

Ктомуужь прыделу село навшачы наданое отъ великого князя полоцкого семена втомъ селе передь тымъ было чоловековъ пять.

Ктомуужь прыделу у месте полоцку напосаде великомъ было передь тымъ дворищъ семь на которыхъ мещане мешкаючи попу поземъ плачывали

Ку прыделу всихъ светыхъ село у кумликахъ наданье землянь полоцкихъ пановъ корсаковъ в томъ селе передь тымъ было чоловековъ семнадцать

Церковь светого спаса у месте полоцкомъ на посаде великомъ

Церковь на томъ же посаде рожества Христова ктой церкви село нарожтовскомъ чоловековъ чотырнадцать огородникъ одинъ то село надъ река двины.

Церковь светого козмы демьяна заложенья вместе полоцкомъ на посаде за полотою (рѣка Полота),

Ку той церкви водругъ давного наданья теперешний священникъ давидъ петровичъ держить село на начы (рѣка Нача), в которомъ передь тымъ было чоловековъ шесть а иншое его и тому отдано,

Што тежъ водлугъ писаня его королевское милости и тежъ водлугъ писаня его милости пана воеводы полоцкого упоминалося у пана якуба семашка наместника полоцкого абы вси доходы за рокъ теперешний 88 зыменей владычныхъ заведомостью его выбранные черезъ мене, его милости архиепископу полоцкому отдалъ на то панъ наместникъ поведилъ ижъ то все штокольвевъ зыменей владычныхъ выбралъ до пана воеводы полоцкого пана своего отослалъ списавшы его милости архиепископу полоцкому киръ афтанасию терлецькому черезъ сына его милости пана Богдана терлецького подъ печатью и подписомъ руки моее властное такъже подъ печатьми и поднаписаньемъ рукъ властныхъ

того возного и тыхъ пановъ шляхты верхо помененыхъ даль
есмь писанъ у полоцку, лета по нароженьѣ хрыста сына
Божого 1588 мца декабръ 13 дня.

(Слѣдуютъ четыре на воску оттиснутыя печатки и подписи).

Федоръ Ивановичъ Кгодсбскій дворянинъ его к. м. власт-
ною рукою подписался.

Дементей прокоповичъ возный рукою вл.

Съмашекъ Телица рукою властною подписался.

Григорей шишка рукою своею подписался.

(Подлинникъ-на трехъ ветхихъ листахъ; писанъ древнею рус-
скою скорописью, доставленъ редакціи полоцкимъ протоіереемъ
А. Юркевичемъ изъ архива полоцкаго Софійскаго собора).

2.

Инвентарь имѣній полоцкой архіепископіи, со- ставленный при передачѣ ихъ во владѣніе архіепископу Гедсону Брольницкому въ 1661 г.

(Помѣщаемъ этотъ документъ въ видѣ извлеченія изъ
довольно пространнаго подлинника, пропустивъ имена и
фамиліи крестьянъ и другія мало интересныя подробности).

Инвентарь списаня сель, бояръ, и подданныхъ прислу-
хающихъ Архиепископии полоцкое, воеводстве Полоц-
скомъ лежащихъ которые я Абрамъ Бедрицкий дворянинъ
Его Кор. милости будучи посланный за листомъ и розказа-
немъ Его Кор. милости пана нашего милостивого маючы
пры себе возного воеводства полоцкаго Станислава Пивоц-
ского, и сторону шляхту людей добрыхъ земянъ Господар-
скихъ тогожъ воеводства полоцкаго Пана Миколая Околова,
А пана Тymoфея Стасевича по недавно зопломъ (преста-
вившемся) Архиепископу полоцкомъ отцу Герману Загор-
скомъ *) в року теперешнемъ 1601 мца апріля 26 дня те-

*) Онъ на брестскомъ соборѣ 1596 года подписалъ актъ уніи
и былъ уполномоченъ прочитатъ его съ кафедръ въ брестской
Николаевской церкви, во время перваго уніятскаго служенія.

перешнему Архіепископу Полоцкому Витепскому и Мсти-
славскому Его милости велебному (преподобному) в Бозе
Кирь Гедиону Бролницкому в моцъ (во власть) вдержане, и
вуживане (пользованье) подалъ есмь. То есть Найпервей
дворъ Архиепископский взамку вышнемъ полоцкомъ, внемъ
будоване ворота уезные покрытые, противъ церкви светое
Софьи, подле тыхъ воротъ по левой руже келья, где По-
номаръ мешкае (живетъ), подле кельи светлица скоморою
и сенкою, подле нее пивница (погребъ), подле пивницы пе-
карня (кухня) противъ пекарни светлица служна, подле
светлицы ворота вкуте (во углу), подле воротъ спижарня
(кладовая), подле спижарни кухня, тамъже светличка пры
кухне броваръ и лажня (баня), далей вволо идучы домъ
великій з кганкомъ (съ крыльцемъ) светлица столовая на-
противъ светлицы другая светлица покоевая скоморою на
горе (на верху) светлица колоней кружганокъ (балконъ,
галерея). За тымъ домомъ повѣтъ где возы ставляють
подле повѣта свиренъ (амбаръ) где тожь ховають (пря-
чуть), подле клетки Стайна (конюшня), подле стайни воро-
та великие уезные, одъ воротъ идучы Свиренъ з кружган-
ками з двоимъ схованемъ. А то есть фольфаркъ *Струня*
(слѣдуетъ перечисленіе дымовъ. — которыхъ 3) На
Носелицахъ (дымовъ 7). *На Беле Воде*
(дымовъ 2). *На Тетчи* подле двора близко церковь ста-
рая вней образовъ неоправныхъ (безъ рамъ) осмнадцать,
крыжы (кресты) простыхъ два, рызы одна и стихарь
одинъ полотненный, патрахиль старый одинъ, Келихъ (ча-
ша) цыновый (оловянный) одинъ, ложка одна, звезда мо-
сендзовая (бронзовая), дыскоси два дересныхъ, книга Еванъ-
телие на престолное оправное серебромъ спозлотою, книги
называемыхъ Теоди (трюдь) два, постная и цвѣтная, книга
называемая Мѣнея, книга охтасецъ, книга Апостоль книга
Псалтырь, книга Служебникъ, книга Уставъ, Крыжъ де-

ревеный одинъ свечъ поставныхъ две, огарковъ два, крыжъ зеленый, на церкви звонъ не великій одинъ; входечи в дворъ Тетчанский ворота старые непокрытые, идучи одъ тыхъ воротъ, полевой стороне светлица старая, подле нее сени скоморкою, напротиво тое светлицы другая светлица старая скоморкою, подле тое светлицы тетя светлица в сенни. В тыхъ всихъ светлицахъ пѣчы з черепицъ белыхъ уробленные, оболонь паперные (бумажные), сырница огнилая пустая. Пекарня старая зсенни, в которыхъ ести робять, подле тое пекарни ворота надъ озеромъ Тетчомъ за ворота ланя зсенцами, подле воротъ в томъ же дворе стайня новая для сѣна другая стайня старая для кони, не далеко одъ тое стайни пивница, подле пивницы клѣтъ старая одна. А новая клѣтъ одна. В Тетчы подданные ... (перечисленіе ихъ — всего 20 дымовъ). Пустовщизны: На Веркеде две. А на Бобровщизне одна ... Сѣло *Усвица* до Тетчи належачое ... (дымовъ 11). Село *Завечеле* ... (дымовъ 13). До того пустовщины. Село *Навличи* до Воронеча ... (дымовъ 16). На *Ворончу* церковь рождѣства пресвѣтое Богородицы вней рызи и стихарь полотненные, патрахиль одинъ, книга Евангелие напресторное Паркгаминовое, Апостоль одинъ, Псартыръ одинъ, Охтанки два, Полуставъ одинъ, Служебникъ одинъ, Треодъ цветная одна, крыжъ деревеный сребромъ позлотою оправный, образъ разныхъ чотирнадцать, свечъ малыхъ мужичкихъ двенадцать, звонъ не великій одо свѣтое Софії, вадило мѣденое одно, недалеко тое церкви надъ рекою Ушачою гора не малая, на которой знать же замокъ былъ збудованный Вороничъ, люде пашутъ недалеко одъ тое горы замковое на гостинцу (большая дорога) стодола (заѣздный домъ) збудованая, подле мѣстечко внемъ людей..... (перечисленіе людей и дымовъ, которыхъ числомъ 37). В *Старынкахъ* село... (дымовъ 4). На *Вороничу* пустошей за-

рекою две, в паскулахъ две. Село *Весницко* (дымовъ 20). Село *Доцца* в томъ селе церковь заложена святыхъ Козми и Дамияна (дымовъ 44). Пустоши в томъ же селе Тарковщина, Савинщица, Синцовско, Обуховщица, Свирковщица, Марасовнево, Цынилово, Грышково, Михалковщица, Москалево, Карташево, Соболево, Кузмино, Ковпино, Вашлево, Тварагово, Понамарково, Денисово, Малашово, Казимерово, Михалково, Мядяловщина. Село *Белое* (дымовъ 7). Село *Крынка* (дымовъ 2). Село *Дегоджи* (дымовъ 12). Село *Сосна* река (дымъ 1). Село *Хороброво* (дымовъ 5). *Монастырь* ва рекою Двиною на Белчицы *Глеба и Бориса* до которого служобъ полтораства, нижли на сей часъ розные особи межъ себѣ безправне (незаконно) разобрали. Село *Марьнецъ*. Село *Заштаны* (дымовъ 3). Которого поданя черезъ мене Абрама Бедрицкого дворанина Е. К. М. тыхъ добръ верху мененыхъ Архиепископству полоцкому належачыхъ всѣ меновите оподостатку на семъ инвентаре списовали Его милости в Бозе Велебному Архиепископу Полоцкому Кирь Гедиону Бролницкому подъ печатью и сподписомъ властное руки моеѣ, также подъ печатми и сподписами рукъ возного, и стороны шляхты пры мне на тотъ часъ будущее, хто з нихъ писать умееть Его милости далъ есми. Писанъ в Полоцку мца Мая двадцать шостого дня року 1601. У того Инвентару печатей притисненыхъ чотыри а подпись рукъ тыми словы. Янъ Бедрицкий дворанинъ Его Кор. милости рукою своею, Станиславъ Пивонский возный воеводства Полоцкого. Миколай Околого Тимофеевичъ.

(Слѣдуютъ печати).

(Подлинникъ доставленъ тѣмъ же протоіереемъ Юревичемъ изъ тогожъ архива).

№ 9-й.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ.

1

Челобитная депутата Виленскаго православнаго братства сеймовымъ чинамъ, о разныхъ насиліяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ православными отъ Кіевскаго уніятскаго митрополита Ипатія Потѣя и Виленскихъ магистратскихъ властей 1603 г.

Освѣцонные, яснѣвельможные и зацнѣ-урожонье, милостивые панове, которые тутъ на тотъ теперешній зѣздъ щастливо пріѣхать рачили (изволили). Не чинячи обширнымъ писаньемъ забавы вашимъ милостямъ, хотяжь короткими словы, але зѣ великимъ жалемъ и оплакиваньемъ тыхъ нещастливыхъ часовъ, въ которыхъ есмы до великихъ уравовъ (оскорбленій) вольностей въ рѣчи посполитой, а звлаца (въособенности) мы послушныя Востоднее Божое церкви у вольномъ уживанью (совершеніи) набоженства (што есть наипереднѣйшій клейнотъ) (сокровище) пришли, овнаймую вашимъ милостямъ своимъ милостивымъ паномъ, яко тымъ, черезъ которыхъ вшелякіе уразы (всякія обиды), за условными прозбами, до маестату его королевской милости нашего милостивого пана бываючи доношоны, углѣченье пріймовати звыкли. Я найнижшій слуга вашихъ милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, до братства церковнаго Виленскаго послушенства религѣи Гредкоѣ уписный, такъ самъ отъ себе яко и именемъ иныхъ всихъ ихъ милостей князятъ, панятъ, сенаторовъ и рыцерства, становъ

шляхетскихъ и иныхъ вцелякоѣ кондиціи (всякая сословія) людей, на розныхъ мѣстцахъ въ тутошнихъ панствахъ его королевской милости мѣшкающихъ (обитающихъ), которые суть до того братства церковного уписаны и послушенство Всиходнее Божое церкви въ цѣлости содержатъ,— доношу о то, ижь што за онымъ всемъ вашимъ милостямъ нетайнымъ отступленіемъ пастыровъ старшихъ въ религѣи нащой отъ послушенства Всиходнее Божое церкви, урядъ мѣста его королевской милости Виленского съ теми самими отступными пастырьми нашими змовившиися (сговорившись), яко бы насъ до того жъ отступленія подъ зверхность (власть) и послушенство велебного (преподобного) его милости отца папы Римского зневолити могли (подъ которымъ есмы ани мы сами, ани продкове наши, отъ осми сотъ лѣтъ, яко тая земля Руская отъ столицы патріарха Константинопольского есть окрещона, не были), заповвали были тое братство наше позвы задворными его королевской милости, и затымъ зломали (нарушили) привилей и вольности, отъ его королевской милости на сеймѣ тому братству церковному на вольное уживанье набоженства нашего звычлого (обычнаго) въ двухъ домѣхъ братскихъ, названыхъ Гомшіевскомъ и Яцковскомъ, наданые, мѣнячи, якобы тые привилья и вольности братскіе на прещкodu (во вредъ) привильямъ ихъ мѣстскимъ мѣли быти выданы. О што на каждомъ сеймику, вездѣ, въ повѣтѣхъ, и на самыхъ валныхъ (главныхъ) сеймѣхъ не занѣхивали (не оставляли) есмы унижоныхъ прозобъ нашихъ вашимъ милостямъ нашимъ милостивымъ паномъ отдавати, просячи о милостивую причину (заступничество) до его королевской милости, нашего милостивого пана, помазанца Божого, ижьбы насъ, за тымъ ихъ бурмистровскимъ позваньемъ, за дворомъ своимъ господарскимъ судить допустити не рачилъ (не изводилъ) окромъ сейму валного, гдѣ вниелакіе привилья

узнаваны бывають, а звлаща, гды ся тычетъ (касается) вольного, звывлого и стародавнего уживанья набоженства религїи Гредкоѣ. На то и сами тые жъ урядники мѣстскіе зезволивши, на недавно-прошломъ сеймѣ, въ року шесть сотъ первомъ черезъ умоцованыхъ (уполномоченныхъ) и коллеговъ (товарищѣй) своихъ урядовыхъ, двухъ радцовъ, а третего писаря ратушного мѣстского Виленского Бенедикта Розымпціуса, росписъ тоѣ sprawy зъ умоцоваными братскими были учинили и руками своими на позвѣ написали, ижъ тоѣ sprawy не мѣли за дворомъ пильновати, але на сеймѣ, дастъ Богъ, близко-пришломъ зъ обу-двухъ сторонъ пильновати (наблюдать) были отложили, и такъ тымъ росписомъ своимъ всехъ насъ въ томъ братствѣ уписныхъ убезпечили. Потомъ, гды его королевская милость щастливо тутъ до Вилни прїѣхавши, суды отправовати рачиль, на тотъ часъ тые панове урядники мѣста его королевской милости Виленского, за тымъ помѣненнымъ позвомъ, у суду его королевской милости задворного, напротивъ братству нашому церковному, въ невѣдомости всехъ насъ, звлаща, людей народу шляхетского до того братства уписныхъ (которые-смы будучи за таковымъ ихъ росписомъ убезпечены, до домовъ своихъ, а иншіе на потребу рѣчи посполитоѣ военную были порозъѣзджалися), право тое перевели, и на сломанье привидѣвъ и вольностей тому братству церковному наданыхъ якобы и декретъ его королевской милости одержать мѣли. За чимъ и тые самыя дома, которымъ тые вольности служатъ, — гдѣ маемъ школы для ученья дѣтокъ хрестіянскихъ, къ тому и духовныхъ людей богомольцовъ господарскихъ и вашихъ милостей, также и убогихъ сиротъ на опатренью (иждивенью) братскомъ ховаемъ, — поотнимати и все наше набоженство старожитноѣ вѣры святоѣ съ тыхъ домовъ вытиснути усилюются. И такъ съ одноѣ стороны, урядъ

мѣстскій Виленскій, принушаючи (принуждая) насъ до того отступленія помѣненныхъ пастыровъ нашихъ подѣ послушенство его милости отца папы Римского, вольное уживанье набоженства нашего отыймутъ; а съ другоѣ стороны, его милость отецъ Ипатій, который непорядкомъ церкви Божое Восточное столицу митрополію одержалъ, священниковъ двухъ тогожъ братства нашего церковного, отца Карпа и отца Григорія, — которые за таковымъ отступленьемъ его, не признаючи ему надѣ собою пастырскоѣ зверхности, *отъ владыки Львовского*, который благословенства Восточное церкви Божое не отступилъ, стань духовный на себе приняли, — условнѣ ихъ до послушенства своего принушаючи и досыть-слухныхъ обмовъ (довольно справедливыхъ оправданій) ихъ не слушаючи, передѣ себе самого ихъ позвавши, самъ же ся на нихъ и жаловалъ, самъ же квалтомъ (насилно) ихъ и судилъ, и на баницю до его королевской милости (чого ани въ свѣтскомъ, ани въ духовномъ правѣ не найдемъ) отославши, у баницю (изгнаніе) ихъ управилъ. Што все ижъ ся надѣ права и вольности наши старожитные дѣветъ, униженнѣ и плачливѣ просимъ вашихъ милостей, своихъ милостивыхъ пановъ, ижъ бы ваши милости на такій плачь нашъ ласкавый (милостивый) взглядъ маючи и повинностью христіанскою порушившися (проникнувшия), той нашъ въ рѣчи посполитой уразъ (обиду) за предѣшій маючи, ласкаво и съ пильностью (прилежаніемъ, ревностью) до его королевской милости прозбами своими причинитися рачили, яко бы его королевская милость, нашъ милостивый панъ, яко панъ побожный, такъ о тотъ злый и заочный переводъ права, мандатъ (указъ) свой господарскій на урядъ мѣстскій Виленскій, для запозванья ихъ на сеймъ, выдати, яко и тую самую баницю черезъ его милость отца Ипатія вынесеную, неправную и неслушную, съ тыхъ

священниковъ братскихъ знести, и во всемъ насъ при волеѣ постяхъ нашихъ старожитныхъ въ уживанью звыклого набоженства нашего зоставити, росказати рачиль.

Современный списокъ, писанный на листъ скорописью, безъ рукоприкладствъ и скръпи, хранится въ архивъ бывшихъ Греко-унитскихъ митрополитовъ, при святѣйшемъ Синодѣ.

2.

Жалованная подтвердительная королевская грамота Литовско-русскимъ и Польскимъ православнымъ обывателямъ, духовнымъ и мирскимъ, о неприкосновенности правъ и привилегій издавна дарованныхъ имъ въ исповѣданіи Греко-восточной православной вѣры, церковныхъ чиновъ и обрядовъ, съ общаіемъ назначать имъ вновь духовныхъ властей на мѣста убылыя 1607 г.

Жигимонтъ третій, Божою милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Рускій, Прускій, Мазовецкій, Жомойтскій, Инфлянтскій, а Шведскій, Готскій и Вандальскій дѣдичный король. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всимъ вобецъ (вообще) и каждому зособно, кому одно то вѣдати належитъ, нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, иже доносили намъ на сеймъ теперешнемъ валномъ генеральномъ Варшавскомъ послове земль Кіевскоѣ, Волынскоѣ, и Браславскоѣ, именемъ братьи своеѣ людей религіи Греческоѣ, якобы надъ стародавныя права и привилегіи, отъ предковъ нашихъ святобливоѣ памяти королей ихъ милости Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ и Рускихъ, предкомъ ихъ, обывателемъ панствъ нашихъ, всимъ станомъ религіи Гре-

ческоѣ Русскоѣ наданые, уближенье (оскорбленіе) и безправье въ вольномъ уживанью вѣры своеѣ поносятъ...; церкви Рускіе безъ порядныхъ пастыревъ, на хвалѣ Божой и на звыкломъ (обычномъ) порядку своемъ...; шлюбовъ малженскихъ, (браковъ супружескихъ) крещенія дѣтей и инныхъ сакраментовъ (таинствъ) христіанскихъ и набоженствъ (богослуженій), водлугъ звичаю, порядку и обрядовъ Греческихъ и уставовъ Отцовъ святыхъ на снодахъ постановленныхъ,... просячи насъ господаря, абысьмо имъ въ томъ кривды, (обиды) утиску (угнетеніе) и уближенья (оскорбленія) поносити не допустили, але при давныхъ звичаяхъ, правахъ и вольностяхъ церкви закону Греческого и всихъ людей тоѣ вѣры въ панствахъ нашихъ заховали; пастыровъ и преложонныхъ (начальниковъ) ихъ духовныхъ, архіепископа, митрополита, владыковъ, архимандритовъ и инныхъ презвитеровъ и священниковъ имъ подали, водлугъ тыхъ же правъ и привилеевъ, и напотомъ завжды (всегда) подавали, и тоѣ вѣры старожитноѣ христіанскоѣ Греческоѣ во всемъ вольно, цѣло, спокойно и безопасно имъ уживати допустили, варовали (гарантировали) и упевнили (обеспечили). Мы прозбы ихъ выслухавши, а хотѣчи, абы подѣ счастливымъ панованьемъ нашимъ... кождыйъ веселился зъ вольности, свободы и права своего, такъ особливо вси станы (сословія) тыхъ панствъ нашихъ которые суть, религіи христіанскоѣ повшехноѣ (вселенскоѣ) Греческоѣ, абы жадного (никакого) уближенья (оскорбленія) кривды и безправья не поносили, але спокойно, вольно и безопасно вѣры и набоженства водлугъ закону Греческого и обрядовъ своихъ уживали (употребляли); всихъ людей тоѣ вѣры, обывателевъ панствъ нашихъ, водлугъ правъ, привилеевъ и вольностей отъ предковъ нашихъ церквямъ вѣры Греческоѣ, а также станомъ и людемъ тоѣ религіи духовнымъ и свѣтскимъ здавна наданныхъ,

во всемъ вцалѣ (вполнѣ) и зуполнѣ (совершенно) заховавши, тымъ листомъ привилеемъ нынѣшнимъ варуемъ (гарантируемъ) ижъ вси станы и особы, люди религіи Греческоѣ духовные и свѣтскіе, вѣры своее водлугъ стародавнего обычаю, порядковъ, обрядовъ и церемоній церкви Греческоѣ оріенталноѣ, вольно, безпечно и спокойно уживати и набоженства свои отправляти мають и вольны будутъ; и яко здавна тая вѣра, вся стародавние порядки церковные, науки и писма Отцовъ святыхъ на синодахъ поданные маючи, трвала (существовала) такъ и теперь ни въ чомъ ненарушено трвати и захована быти маеть. Пастыровъ тежъ альбо преложоныхъ духовныхъ, владыковъ, архимандритовъ, игуменовъ и инныхъ церковныхъ учителей (учителей), водлугъ (по) тыхъ же правъ, привилеевъ и вольностей здавна наданыхъ, подавати и прекладати (поставлять) маемъ и до жадноѣ отмѣны обрядовъ ихъ примушати не кажемо (не велимъ) але яко здавна бывало и яко старые каноны и привилеи ихъ описують... гвалту (насилія) въ томъ и примушенья (принужденія) жадного мѣти не мають, и овшемъ (напротивъ) въ вольности и доброй воли своеѣ въ томъ во всемъ заживати (употреблять) мають, водлугъ правилъ и каноновъ святыхъ Отець и водлугъ давныхъ правъ и привилеевъ, свободъ, вольностей и звывчаевъ своихъ. И на то есмо дали сесь нашъ привилей съ подписомъ руки наше господарскоѣ и съ печатью коронною. Писанъ у Варшавѣ, на сеймѣ валномъ коронномъ, року 1607, мѣсяца Іюня 18 дня, а панованья королевствъ нашихъ, Польского 20, а Шведского 14 року.—
Sigismundus Rex. Zacharyasz Jałowickij, sekretarz y pisarz.

Сія привилегія въ официальной выписи изъ книгъ Главнаго Виленскаго Трибунала, выдана 1621 г. 18 Мая, Кіевскому уніятскому митрополиту Іосифу Рутскому. Выпись современная, по ветхал, хранится въ архивъ Полоцкой духовной консисторіи. См. рукоп. Бѣлор. арх. др. грамотъ, Ч. 2, стр. 225, принадлежащую археографической коммисіи.

КІЕВО ВЫДУБИЦКІЙ СВЯТО-МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ И ЕГО ВЛАДѢНІЯ ДО ЗАНЯТІЯ ЕГО УНІЯТАМИ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ святой Кіевопечерской лавры (около 2 верстѣ), внизъ по теченію Днѣпра, въ ущельи—между двумя горными возвышенностями, покрытыми лѣсомъ, стоитъ уединенно одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ монастырей кіевскихъ—Выдубицкій свято-Михайловскій монастырь. Начало этого монастыря теряется въ глубокой древности, во времени введенія христіанства въ Кіевъ.

Древнее преданіе, записанное въ позднѣйшихъ историческихъ сказаніяхъ, (1) сближаетъ начало Выдубицкаго монастыря съ священными именами святаго князя Владиміра, сокрушителя кіевскихъ языческихъ кумировъ и сотрудника его святителя Михаила, перваго митрополита кіевского. Крестивши своихъ сыновей и кіевлянъ, говоритъ преданіе, святой Владиміръ приказалъ, особенно чтимаго язычниками, идола Перуна, стоявшаго на холмѣ, привязать къ конскому хвосту и тащить въ Днѣпръ, представивши двѣнадцать человѣкъ палочниковъ «да бьютъ его палицами не яко чувственное дерево, но да поругаются бѣсу, иже чрезъ него народъ человѣческій прельщаше.» Идола тащили вблизи нынѣшняго заатверхо—Михайловскаго монастыря, на свату горы, которая отъ того долго называлась чортовымъ беремищемъ,

(1) Оно особенно обстоятельно изложено въ Синописи.

и бросили въ Днѣпръ. Идолъ плылъ по рѣкѣ, а суевѣрный народъ провожалъ его берегомъ съ горькимъ плачемъ и крикомъ: «выдыбай нашъ государю боже, выдыбай!» Идола прибило волнами къ извѣстному урочищу, которое съ того времени стали называть Выдубичами или Выдыбичами «отъ выдыбанья идола.» Тутъ, говорится въ Свнопсисѣ, язычники вздумали было учинить поклонъ своему божеству, — а вѣрующіе, желая воспретить торжеству идолопоклонниковъ, по приказанію князя, схватили идола, привязали къ нему камень и затопили въ Днѣпрѣ (1). На память сверженія идола съ горы, продолжаетъ преданіе, святитель Михаилъ, не далеко отъ чортова беринища, на горѣ посадилъ иноковъ и устроилъ тутъ церковь во имя святаго архистратига Михаила, побѣдителя темныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своего ангела покровителя, которая, вѣроятно, была и домовою церковью святителя. Преподобный Несторъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что святой Владиміръ, вскорѣ послѣ крещенія кievлянъ, «повелѣ воздвизати церкви и составляти монастыри честныи: и постави церковь святаго Василія на холмѣ, идѣже стоялъ Перунъ и прочіи ихъ демонстїи кумиры. Сицежъ и повѣстѣмъ градожъ и по селомъ воздвизахуся церкви и монастыри, и умножахуся священницы и вѣра православная цвѣтаетъ, и сіяше яко солнце (2). Позднѣйшее преданіе дополняетъ это общее сказаніе, прибавляя, что въ это время была поставлена и въ урочищѣ Выдубичахъ церковь въ память чудеси святаго архистратига Михаила, «погрузившаго въ Хіонѣхъ невѣрныхъ люди въ рѣки.» Очень можетъ быть, что на память потопленія въ водахъ, помощію святаго архистратига небесныхъ силъ «выдыбавшаго или выплывавшаго въ болванѣ бѣса, и на Выдыбичахъ была построена церковь и монастырь во имя св. архистратига Михаила, особенно для того, чтобы отвлечь идолопоклонниковъ кievскихъ

(1) По Лѣтописи Нестора идолъ не былъ затопленъ, — а, брошенный въ Днѣпръ, поплылъ внизъ по рѣкѣ; проплылъ днѣпровскіе пороги, и тамъ гдѣ-то приблизился къ урочищу, которое съ того времени стало извѣстно подъ именемъ рѣки перунвей.

(2) Нест. лѣтоп. стр. 94.

отъ суевѣрнаго почитанія мѣста, гдѣ выпалы было ихъ кумирь. Намъ покажутся совершенно непонятными тѣ мѣста лѣтописи преподобнаго Нестора, въ которыхъ упоминается о многихъ монастыряхъ кievскихъ, во дни святаго Владиміра (1) и преподобнаго Антонія Печерскаго, (2) если не допустимъ существованія въ это время между другими монастырями и монастыря на Выдубичахъ.

Первая Выдубицкая церковь, подобно другимъ первымъ церквямъ кievскимъ, могла быть деревянная. Каменная же церковь (вѣроятно, на мѣстѣ прежде бывшей деревянной) была заложена, по словамъ преподобнаго Нестора, великимъ княземъ Всеволодомъ, четвертымъ сыномъ Ярослава, внукомъ святаго Владиміра, въ 1070 г., когда этотъ князь былъ еще на столѣ въ Переяславлі (можетъ быть, на память рожденія у него сына Ростислава). На восемнадцатомъ году отъ заложенія церковь была окончена съ придѣломъ, во имя святаго Благовѣщенія, и посвящена въ честь святаго архистратіга Михаила митрополитомъ всея Россіи Іоанномъ II, съ епископомъ бѣгородскимъ Лукою, епископомъ черниговскимъ Исаемъ и другими, «а игуменство тогда держащу того монастыря Лазарю» (3). Судя по благочестію этого князя, котораго за то особенно любилъ его отецъ, и по теперешнему виду этой церкви, — можно предполагать, что она въ свое время, по красотѣ и благолѣпію, была неслѣднее изъ кievскихъ монастырскихъ церквей (4). Не въ дальнемъ разстояніи отъ этой, вновь выстроенной, церкви, въ правой сторонѣ отъ нея, на пре-

(1) Нест. лѣт. стр. 108.

(2) Нест. лѣт. стр. 140.

(3) Нестор: лѣт. стр. 190. И подъ 1072 годомъ, въ сказаніи о жеренесеніи мощей святыхъ князей стратотерщевъ Бориса и Глѣба, преподобный Несторъ упоминаетъ о Софроніи, игуменѣ святаго Михаила между игуменами печерскимъ Теодосіемъ и святаго Спаса Герасимомъ. Эти замѣчанія преподобнаго лѣтописца еще больше утверждаютъ насъ въ томъ предположеніи, что и до построенія церкви Всеволодомъ на Выдубичахъ уже былъ монастырь.

(4) Мы предполагаемъ, что и эта церковь, если не теперь, то при Рюрикѣ Ростиславичѣ, подобно другимъ древнѣйшимъ церквямъ кievскимъ, была росписана фресковою живописью.

красной горной площади надъ Дѣвпромъ, стоялъ тогда и дворець Всеволожь — Красный дворъ. Сюда, вѣроятно, благочестивый князь уединялся «въ старости своей, въ минуты печали отъ напастей сыновцевъ своихъ, хотящихъ соби власти;» тутъ, въ близъ лежавшемъ, созданномъ имъ храмѣ, вѣроятно, онъ неоднократно изливалъ свои чувства передъ Богомъ. По любви къ своей святой обители, онъ надѣлилъ ее близъ лежавшими звѣринскими, лыбедскими, оеокорскими и другими землями и перевозами на рѣкахъ. Записей князя на эти владѣнія не сохранилось въ монастырѣ, но онъ пользовался ими до позднѣйшаго времени, по силѣ привилегій королей польскихъ и государей русскихъ, подтверждавшихъ его старинныя права. Какова была судьба Выдубицкаго монастыря въ дальнѣйшее время, послѣ его основанія, до монгольскаго ига и послѣ того, до XVI вѣка, по недостатку историческихъ памятниковъ, объ этомъ трудно сказать что нибудь положительное. Впрочемъ, руководясь отрывочными указаніями нашихъ лѣтописцевъ на это время можно, сказать хоть слѣдующее. Очень вѣроятно, что Выдубицкая обитель въ до-монгольское время раздѣляла участь всѣхъ кievскихъ монастырей. Половцы, неоднократно нападавшіе на Кіевъ, вѣроятно, неоднократно опустошали и Выдубицкую обитель, не смотря на то, что она была сокрыта въ дремучемъ лѣсу и въ глубокомъ ущельи. Впрочемъ церковь ея никогда не подвергалась значительнымъ разрушеніямъ отъ руки враговъ, тогда какъ Всеволожь-Красный дворъ, вѣроятно по причинѣ своего открытаго положенія, не устоялъ долго: въ 1096 году, 20 іюня, онъ былъ совершенно сожженъ половецкимъ княземъ Бонякомъ, а монастырь между тѣмъ устоялъ. Въ немъ, по временамъ, въ званіи игуменовъ были тогда такія лица, которые за свои достоинства прямо возводимы были на епископскія кафедры; между ними можно указать, на двухъ игуменовъ — Сильвестра, известнаго продолжателя Несторовой лѣтописи, и Адріана: первый изъ нихъ около 1119 года былъ возведенъ въ санъ епископа передславскаго, а второй, около 1190 года, въ санъ епископа българскаго.

Выдубицкій монастырь, не заключавшій въ себѣ никакой осо-

бенной святыни, привлекалъ однакоже издавна вниманіе благо-
честивыхъ поклонниковъ—князей и народа. Еще подъ 1097 го-
домъ преподобный Несторъ упоминаетъ, что «во четверти Ноем-
бря сюда ко святому архистратигу Михаилу приходилъ поклонит-
ся князь Василько, и ужина тамо.» Послѣ Всеволода, изъ
князей благотворителей Выдубицкой обители, особенно извѣстенъ
великій князь кievскій Рюрикъ, а во святомъ крещеніи Василій
Ростиславичъ. Къ концу XII вѣка, Всеволодова церковь повреди-
лась частью отъ непріятельскихъ набѣговъ, а частью отъ не-
прочнаго грунта: крутая гора, на возвышенности которой она
стояла, болѣе и болѣе подымаясь волнами Днѣпра, стала ма-
ло по малу обваливаться, отчего восточная сторона церкви тоже
обрушивалась. Желая сохранить священный намятникъ своимъ
предковъ, и усердствуя къ обители, Рюрикъ Ростиславичъ рѣ-
шился какъ нибудь поддержать ее; для этого отъ выискалъ изъ
Новгорода (1) знаменитаго строителя того времени Петра Мило-
нѣга, и, посоветовавшись съ нимъ, рѣшился укрѣпить восточ-
ный склонъ горы отъ церкви каменною стѣною. Постройка шла
быстро: начавшись 10 іюля 1199 года, она была окончена къ
24 сентябрю тогоже года, и между тѣмъ была такъ прочна и
искусна, что считалась чудомъ строительнаго искусства того вре-
мени (2). Великій князь, кромѣ того, украсилъ главную церковь
стѣннымъ писаніемъ и надѣлилъ ее нѣкоторыми утварями. Без-
сомнѣнія, кромѣ этихъ князей благотворителей Выдубицкой оби-
тели, были и другіе: такъ, между прочими своими фундаторами
и ктиторами разсматриваемаго нами времени она молитвенно во-
споминаетъ—княгиню Анастасію, жену Всеволода Ярославича,—
князя Владиміра Мономаха, сына ея,—князя Мстислава, сына
Владиміра Мономаха,—князя Ростислава, сына Мстислава Вла-
диміровича,—княгиню Анну, жену князя Рюрика,—князей Рос-
тислава и Владиміра, сыновей Рюрика, и княжъ Предиславу и
Всеславу, дочерей его. Такимъ образомъ Выдубицкій монастырь

(1) Тутъ онъ строилъ церковь во имя Вознесенія Господня.

(2) Эта стѣна неупала до нашего времени.

болѣе или менѣе благоденствовали подъ покровительствомъ князей до 40 годовъ XIII вѣка. Около этого времени гроза монгольская, находившая на Кіевъ, коснулась и Выдубицкой обители. Впрочемъ и тогда церковь монастырская спаслась отъ разрушенія, вѣроятно, благодаря своей беззащитности и уединенному положенію. Въ ней и послѣ того почти непрерывно продолжалось богослуженіе, — въ ней попрежнему приходили на богомолье русскіе князья, бояре и народъ; покрайней мѣрѣ извѣстно, что въ 1250 году сюда приходилъ молиться князь Даниль Романовичъ Галицкій предъ своимъ путешествіемъ въ орду, для поклона татарскому хану. Кромѣ этого случая, наши лѣтописи неупоминаютъ больше ни объ одномъ замѣчательномъ событіи изъ исторіи Выдубицкаго монастыря древнѣйшаго времени, — такъ что XIII, XIV и XV вѣка остаются совершенно темными въ его исторіи. Изъ этого времени неизвѣстно ни одного ктитора, ни одного игумена Выдубицкой обители.

Въ позднѣйшихъ бумагахъ ея объ этомъ времени вообще замѣчается, что тогда и Выдубицкій монастырь, подобно другимъ монастырямъ кіевскимъ, подверженъ былъ татарскимъ разореніямъ, во время которыхъ погибли или были сокрыты всѣ его древнія письменныя записи.

Далеко яснѣе исторія Выдубицкаго монастыря XVI вѣка: изъ этого времени сохранились многія грамоты и другіе документы, касающіеся особенно владннй монастыря. Въ эту эпоху монастырь заботился въ особенности объ оффиціальномъ закрѣпленіи своихъ правъ на прежнія и вновь прибрѣтенныя владннія. Въ числѣ его крупныхъ владннй были: грунта звѣринскіе, лыбедскіе и неводничьи съ перевозами, — багриновскіе, гнилецкіе, подтрипольскіе, осокорскіе, свиноѣдскіе, мозырскіе и др.

Часть грунтовъ звѣринскихъ, лыбедскихъ и неводничьихъ, съ перевозами на Лыбеди и Днѣпрѣ, была надана Выдубицкому монастырю, какъ сказано выше, первымъ его фундаторомъ великимъ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ; такъ покрайней мѣрѣ объ этомъ говорится во многихъ актахъ Выдубицкаго монастыря XVI

вѣка (1). Въ сосѣдствѣ съ этими грунтами на Звѣринцѣ и Лыбеди были грунта и Кіево-печерской лавры. За недостаткомъ опредѣленныхъ границъ, часто выходили недоразумѣнія и споры между этими монастырями, вызывавшіе официальные жалобы съ той и съ другой стороны. Такая жалоба занесена была, между прочимъ, около 1540 года, польскому королю Сигизмунду-Августу игуменомъ Выдубицкаго монастыря Ефремомъ на архимандрита Печерскаго монастыря Софронія. Сигизмундъ Августъ вступился тогда за давнія владѣнія Выдубицкаго монастыря, и въ своей грамотѣ, отъ 3 марта 1541 года, писалъ архимандриту Печерскому: «приказуемъ тебе подзарукою нашою подсту рублей грошей, ажебы еси оныхъ земель монастырскихъ подъ себе не забиралъ и въ озеро затону нечимъся не вступалъ, и дань людемъ своимъ монастыря печерскаго живучимъ въ маснотностяхъ того монастыря на тотъ монастырь святаго архангела Михаила казалъ сполна выдавати, а слугъ и людей того монастыря не сбывалъ и жадныхъ отповедей и похвалокъ на нихъ печинилъ, и во всемъ, абы еси супоконне къ нему ея заховалъ, и чрезъ то жадныхъ кривдъ и втисковъ тому монастырю не дѣлалъ, конечно, абы то иначе не было.» (2)

Не смотря однакоже на королевское приказаніе подъ зарукою «ста рублей грошей», архимандриты лавры и посѣвъ того продолжали свои притязанія, то на звѣринское озеро-Затонъ, то на лыбедскую половинную мельницкую часть, то на другія звѣринско-лыбедскія угоды Выдубицкаго монастыря. Въ этихъ случаяхъ отъ Выдубицкаго монастыря опять были приносимы жалобы какъ къ митрополитамъ, такъ и воеводамъ кіевскимъ; но онѣ мало имѣли успѣха: упоминательные листы, посылаемые Лаврѣ съ той и другой стороны, не оставяли притязаній ея архимандритовъ, пока наконецъ въ 1562 году, іюня 5, не данъ былъ «привиллей» игумену Выдубицкаго монастыря Григорію Швабѣ на звѣринскія

(1) И въ Несторовой лѣтописи подъ 1097 годомъ упоминается о лыбедскомъ перевозѣ на Выдубичахъ. Нест. лѣт. Л. 27, 30.

(2) I кн. акт. стр. 1.

владѣнія съ точнымъ опредѣленіемъ ихъ границъ, учиненнымъ воеводою кіевскимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ. Въ этой грамотѣ такъ опредѣлялись границы звѣринскихъ владѣній Выдубицкаго монастыря: «поченши отъ реки Дибѣра у верхъ озера Затона, изъ того озера въ долину глубокую, ровчакомъ и поточкомъ неводницкимъ простуючи до колодезей у верхъ граничныхъ, въ яки колодезяхъ были и знаки граничныя положены два сошника и жорна, отъ вербъ граничныхъ и колодезей тоюже долиною неводницкою ровчакомъ и поточкомъ на озеро, которое въ долине межѣ лесомъ стоитъ, изъ того озера на борокъ, отъ борочка на Перепелич долину и чрезъ гостинець (трактъ) трипольскій, тою долиною простуючи въ Либець, а тамъ в. Либеци млинъ Выдубицкій — властный пополамъ съ печерскими и оній то млинъ з видубицкими за чотыри дворища на зеринець вимененный, одтоль Либецью на низъ на садки до млина другаго видубицкаго звечистаго на Либеци, тою Либецью зновъ в Дибѣрь.» (1) Такъ окончательно установилось право Выдубицкаго монастыря на его звѣринскія владѣнія. Изъ звѣринскихъ и либецкихъ владѣній Выдубицкій монастырь получалъ тогда не мало доходовъ. Въ реестрѣ пожитковъ его за 1593 годъ говорится, что въ это время «з села нагорного близъ самого монастыря шло къ нему куницы грошевой з огородовъ з садками с каждаго по грошей 19: зо всѣхъ чинить полторы копы и шесть грошей: з пасеки близъ монастыря в рок давали и з дѣрева того садового ште въ логвинне пасечной по молу копо грошей.» Кромѣ того, «з поль монастырскихъ шла десятина, якъ ся въ которомъ року бывасть жита добрыхъ урожаевъ по поль третядцать копъ, а яриць копъ по тридцать, — впрочемъ в року 1593 жита десятиннаго было всего только 5 копъ, а яриць розныхъ копъ сполтретядцать, ижъ великій не урожай былъ того року.» (2)

Другія ближайшія къ Кіеву угоды по теченію Дибѣра (напр.

(1) Кн. актовъ 3, № 4.

(2) I кн. актовъ стр. 60.

«багриновскія») съ давнихъ временъ также принадлежали къ Выдубицкому монастырю. Какъ видно изъ давнихъ документовъ, и эти владѣнія были наданы монастырю Выдубицкому »з вековъ» князьями русскими, и закрѣплены королями польскими. Не смотря на то, что эти владѣнія примыкали одною своею стороною къ лаврскимъ владѣніямъ, а другою къ владѣніямъ златоверхо-Михайловскаго монастыря, онѣ не вызывали никакихъ споровъ, ни съ той, ни съ другой стороны; границы ихъ, вѣроятно, издавна были опредѣлены и установлены: однакоже заботливый игумень выдубицкій Ефремъ, для прочности владѣнія Багриновщиною, поспѣшилъ выпросить королевскую привилегію и на это селище. Въ 1541 году, 5 Марта, онъ получилъ такую грамоту польскаго короля Сигизмунда Августа: «Билъ намъ челомъ игумень светого архангела Михаила выдубицкаго, пишется въ этой грамотѣ, и поведилъ предъ нами, ижъ што великій князь рускіи на тотъ монастырь светого архангела Михаила зъ вековъ надали селище на имя Багриновъ въ повети кievскомъ, въ мили доброй от замку нашего кievскаго надъ рекою Днепромъ и потономъ Любкою, то какъ предки наши государи король польскіи селище то Багриново къ монастырю тому ку той церкви Божой светого архангела Михаила Выдубицкаго подтвердили, и были на то листы привиллей и твердости старіи предковъ нашихъ князей русскихъ и королей польскихъ, которіи селище то Багриново и наши именя многіи и селы церкви той святаго Михаила Выдубицкаго надали нижи згнули въ тотъ часъ, поки Кіевъ и монастырь тотъ былъ отъ непріятели Крижа светого (Татаръ) по килька вротъ збурень..... хотячи прето мы, абы въ томъ монастыри завжды хвала Бога бывала и за насъ государя Бога прошоно, на его челобитье то вчинили и оно селище Багриново, совсима; якъ ея здавна в себе со всеми пожитки маеть, ку той церкви Божой подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность...» (1) Неслѣ этого, Выдубицкій монастырь продолжалъ спокойно владѣть багриновскими владѣніями до 70 годовъ XVI вѣка. Около

(1) Кн. 3 акт. № 4.

этого времени, какъ увидимъ ниже, сторонняя рука, подъ видомъ добротства, стала вмѣшиваться съ дѣла Выдубицкой обители и успѣла оттянуть отъ нея значительную часть багриновскихъ владѣній. Впрочемъ, еще въ 1580 году, Выдубицкій монастырь владѣлъ одною значительною частью Багриновщины, которая выходила къ Годосѣву «по надъ рѣчкою Любкою.»

Къ югу отъ багриновскихъ земель, близъ селенія Лѣсникъ, лежали грунта гнилецкіе; они также входили въ составъ владѣній Выдубицкаго монастыря. Гнилецщина не была надана монастырю князьями русскими—его фундаторами, какъ другія владѣнія, а была приобрѣтена, и закрѣплена другимъ путемъ. Въ гнилецкомъ урочищѣ и теперь еще есть двѣ дѣвнія достопримѣчательности: это древняя пещера преподобнаго Θεодосія Печерскаго, который, по преданію устному и записанному, тайно уходилъ сюда отъ братіи печерской на всю четырехдесятиницу, для большихъ подвиговъ,—и открытые въ землѣ каменные остатки развалинъ древнѣйшаго гнилецкаго Богородичнаго монастыря. Преданіе говоритъ, что гнилецкій монастырь былъ одинъ изъ тѣхъ древнѣйшихъ монастырей «прежде бывшаго весьма пространнаго Кіева, (?)» которые были построены святымъ Владиміромъ, просвѣтителемъ Руси, на мѣстѣ идольскихъ капищъ, и которые посѣщалъ преподобный Антоній Печерскій, по возвращеніи съ Аѳонской горы. Въ гнилецкомъ монастырѣ, говорить преданіе, имѣли свое пребываніе греческіе монахи, прибывшіе съ святителемъ Михаиломъ, первымъ митрополитомъ кievскимъ. Подобно многимъ другимъ монастырямъ кievскимъ, и гнилецкій монастырь стоялъ не долго: скоро половцы и татары разрушили его въ конецъ. Гнилецкій монастырь, съ его угодьями, до разоренія, безъ сомнѣнія, находился въ вѣденіи митрополитовъ кievскихъ; послѣ же разоренія, всѣ его угодья ближайшимъ образомъ должны были перейти и перешли во владѣніе митрополитовъ. Въ послѣдствіи, когда кievскіе митрополиты жили не въ Кіевѣ, а имѣли тутъ только своихъ намѣстниковъ,—владѣнія кievскія, вѣроятно, не много доставляли имъ выгодъ,—и потому они не слишкомъ дорожили ими. Такимъ обстоятельствомъ

воспользовались игумены сосѣдняго Выдубицкаго монастыря и завладѣли Гнилецкиною. Въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ митрополитомъ кievскимъ былъ Іосифъ Солтанъ, проживавшій, то въ Вильнѣ, то въ Новогрудскѣ, то въ Минскѣ; къ нему то и обратился съ просьбою объ уступкѣ Гнилецкины Выдубицкому монастырю бывший въ то время игумень его Іоакимъ. Просьба была успѣшна, тѣмъ больше, что ее подкрѣпили ходатайства со стороны кievскаго воеводы Андрея Немировича, архимандрита печерскаго Антонія и бывшаго намѣстника митрополичьяго, урядника кievскаго, Василія Шишки, который представлялъ, что «съ той земли гнилецкаго монастыря никакой подати и службы ему митрополиту Іосифу и двору его церковному не бываетъ, да и урону съ того не будетъ.» Митрополитъ Іосифъ, 5 Іюня 1504 года, далъ Выдубицкому монастырю грамоту, писанную въ Вильнѣ, которою уступалъ ему тотъ монастырь Гнилецъ «со всимъ зъ тымъ, якъ ея въ себе передъ тымъ издавна мѣлъ. (1)» Черезъ нѣсколько времени митрополитъ Іосифъ далъ и другую подобную же подтвердительную грамоту на гнилецкую землю, которая (грамота) впрочемъ не сохранилась въ актахъ монастыря. Не смотря на эти двѣ грамоты, не смотря на то, что и преемники митрополита Іосифа митрополиты Іона, Іосифъ и Макарій Мартыновичъ подтверждали за Выдубицкимъ монастыремъ его права на Гнилецкину, впослѣдствіи кievскіе митрополичьи власти еще вмѣшивались въ эту «даровизну», и только послѣ окончательнаго отчужденія гнилецкихъ земель отъ митрополитанскихъ владѣній митрополитомъ Макаріемъ,—они уже окончательно прекратили свои притязанія на Гнилецкину. Съ 1564 по 1570 годъ Выдубицкій монастырь уже безспорно и спокойно владѣлъ Гнилецкиною.

Бывшія въ послѣдствіи нападенія на гнилецкіе грунта со стороны то лѣсницкаго державцы Тремы, то воеводскаго намѣстника кievскаго, князя Воронежскаго и другихъ, содѣйствовали только къ болѣе точному опредѣленію границъ и упроченію за монастыремъ владѣній гнилецкихъ. По грамотамъ польскихъ ко-

(1) 3 Кн. акт. № 13.

ролей, къ нимъ принадлежали: озера—Глушець, Заспа, Корича, Потяжъ, Плоское, Святище съ криницами и другія,—угодья—Кальный лугъ, Закотье на Ветъ, Перевесье,—пастьки, сады, селище Куликово, сѣножатъ, Праведницкій борокъ, или Мѣлковщина, землище Халимоновское надъ рѣчкою Борщовкою, нивы около валу, дворище халимоновское и другія. Къ концу XVI вѣка, митрополиты кievскіе измѣнили слову своихъ предшественниковъ; подъ различными предлогами, они отбирали кое—какія владѣнія въ свою пользу. Около этого времени находились и другія личности, которыя тоже успевали пользоваться какими нибудь частями Гнилецщины; такъ, напримѣръ, около 1593 года, какой то панъ «Треска засель было немало вгрунту подъ Гнильцомъ.» Впрочемъ и тогда еще Выдубицкій монастырь владѣлъ значительною частью Гнилецщины. Игуменъ Выдубицкаго монастыря Каллисть, въ реестрѣ доходовъ монастыря за 1593 годъ, упоминаетъ еще о многихъ доходныхъ статьяхъ изъ гнилецкихъ владѣній; напримѣръ, онъ говоритъ, что Выдубицкій монастырь и «тогда получалъ ежегодно отъ атамана Спаскаго за гнилецкую пастьку по копѣ грошей,—что озеро Заспа съ криницами его околичными давало аренды въ рокъ по осьми копѣ грошей и полфунта перцу, что озеро Святище давало аренды по копѣ грошей три и по сотцу рыбъ боковыхъ отъ леду до леду на лѣто, — а въ зимѣ на монастырѣ ловятъ,—что еще одинъ берегъ рѣчки Коричы и тогда былъ во владѣніи монастыря Выдубицкаго при вгрунтехъ и сѣножатехъ заспенскихъ, что стого берега, урядники монастырю поклонъ давать повинны были, а сена тамъ бывалъ закосъ на монастырь стоговъ пять або шесть и проч. (1)»

Ближайшіе къ гнилецкимъ грунтамъ, богатые подтрипольскіе грунта и угодья села Игватова и Игватовцы, съ рыбными озерами Сумовкою, Превлоками и рыбными «Криницами» также принадлежали къ Выдубицкому монастырю. Они издавна были наданы ему Остафіемъ Дамковичемъ и нѣкою панею Ельцевичевою. Въ началѣ XVI вѣка, владѣтели Трипольскіе Федоръ Дѣдьковичъ

(1) См. ревстр. пожит. 1 Кн. акт. стр. 60—63.

и Гришка Обдуля заявляи - было свои притязанія къ этимъ владѣніямъ, но князь Чарторыйскій въ 1517 году помирилъ спорившихся на мѣстѣ, въ присутствіи представителей съ той и съ другой стороны и намѣстника кievскаго Феодора Тити. Чтобы на всегда обезопасить подринольскіе грунты отъ притязанія опасныхъ сосѣдей, игумень Ефремъ просилъ Сигизмунда Августа закрѣпить ихъ за монастыремъ: король уважилъ его просьбу. Въ своей грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю на имя игумена Ефрема, отъ 5 марта 1541 года, онъ писалъ: «чинимъ знаменнѣе симъ нашимъ листомъ: билъ намъ челомъ игумень монастырѣвятаго архангела Михаила Выдубицкаго Ефремъ и повѣдалъ предъ нами, ижъ староста черкасскій и каневскій небожчикъ панъ Остафій Дамковичъ на тотъ монастырь святаго архангела Михаила придалъ выслугу отца своего небожчика пана Явана Дамковича селищю на имя Игнатовцы подле речки Стужмы, а Зеновьява Егоддаевна Яцкова Ельцевичева придала къ томужъ монастырю; Выдубицкому селищю на Стугне на имя Игнатово, на што оны и листы свои подавали, и тѣи вси листы игумень святой Михаилъ передъ нами покладалъ и билъ намъ челомъ, а бисмо ему на то дали нашъ листъ і мы вси вышеописанныи листы надана, што къ тому монастырю надано, подтвердили на тую Церковь нашимъ листомъ. И по егдажъ..... староста черкасскій и каневскій, небожчикъ панъ Остафій Дамковичъ селищю Игнатовцы выслугу отца своего на тотъ монастырь Выдубицкій записалъ, а Зеновьява Егоддаевна Яцкова Ельцевичева придала на тотъ же монастырь селищю на стугне на имя Игнатово, и по то на все оны листы свои подавали; хотячи предъ то, абы въ томъ монастырѣ завжды хвала Божія бывала, а за насъ господаря Бога пропоно сласки наше на его челомъ битѣе то и вчинили, и овій вси листы надана, што къ тому монастырю святаго архангела Михаила надано и то селищю Игнатовцы з ведами и з реками и з сеножатыми, и з бобровскими селы и з дубровами и совсимъ, якъ ся оніи селища з давна в собѣ мають, ку той церкви Божіей подтверждаемъ симъ нашимъ листомъ на вечность; маеть то тепершній игумень и по немъ бучіи игумены къ тому мона-

стырю держати, и того вживати со всімъ водле наданья листомъ тихъ, которіи оны на то въ себе мають, и на то даемъ тому монастырю сесь нашъ листъ з нашею печатью въ Вильнѣ.» (1)

Однако же владѣльцы трипольскіе непереставали и потомъ захватывать игнатовскія урочища, не смотря на частыя напоминанія, дѣлаемыя имъ то со стороны митрополитовъ кіевскихъ, то кіевскихъ городскихъ властей. Въ 1593 году подтрипольскія владѣнія были совершенно присвоены панами Дидковыми. Въ рѣзѣ владѣній Выдубицкаго монастыря за 1593 годъ говорится: «отняли кгрунтъ того же монастыря урочища подтрепольскіе панове Дедкове и луки осетровые и того кгрунта на килька миль не винне держать, съ котораго бывало приходить къ монастырю по 100 бочекъ жита молочонаго, а пшеницы 80 бочекъ комягою привожено къ монастырю, а съ тыхъ осетровыхъ лукъ по 200 осетровъ вялыхъ на монастырь же Выдубицкій давано: на котормы кгрунты и на тми луки подтрипольскіе есть у его милости митрополита въ ризницы Новгородской листъ его королевской милости короля Жигмонта... а монастырь собою николи нѣякимъ способомъ тыхъ кгрунтовъ своихъ неутрачалъ; одно безправне ихъ Дедкове держать, ото позвати ихъ только.» (2) И на самомъ дѣлѣ паны Дидковы не долго владѣли этими «кгрунтами».

По давнему преданію, сохраннымъ въ древнихъ актахъ, фундаторъ Выдубицкаго монастыря, великій князь Всеволодъ Ярославичъ и его преемники, русскіе князья надѣляли монастырь и осокорскими землями, съ ихъ угодыями, лежавшими за Днѣпромъ противъ монастыря; но грамоты русскіхъ князей и на эти владѣнія не сохранилось въ монастырѣ. Въ началѣ XVI вѣка игумень Ефремъ обращался къ воеводѣ кіевскому Андрею Немировичу и просилъ его о закрѣпленіи за монастыремъ осокорскихъ земель, со всіми принадлежавшими къ нимъ угодыями. Немировичъ и далъ было отъ себя листъ, съ подробнымъ ограниченіемъ осокорскихъ владѣній. По смерти воеводы Немировича тотъ же игумень

(1) Кн. 3 акт. 461 стр. на обор:

(2) 1 Кн. акт. стр. 60—63.

Ефремъ обращался съ просьбою о закрѣпленіи за монастыремъ осокорскихъ владѣній и къ польскому королю Сигизмунду Августу, приложивъ къ своему прошенію и граничный листъ покойнаго воеводы. 1538 года апрѣля 26, Сигизмундъ Августъ далъ и отъ себя такую подтвердительную грамоту. «Былъ намъ челомъ игумень светого архангела Михаила Выдубицкаго Ефремъ (писалъ онъ въ грамотѣ) и поведилъ предъ нами, што дѣй великій князи русскіи къ тому монастырю светого архангела Михаилу Выдубицкому зъ вековъ придали именне осокорское, землю за рекою Днепромъ прямо церкви монастыря того з островомъ Николаевымъ и з иными островами при ней лежащими; и предки наши Государѣ король польскіи своими листами наданне оно къ монастырю тому подтвердили: и покладалъ предъ нами листъ граничный подъ печатью и рукою небожчика пана Андрея Немировича воеводы кievскаго: а въ томъ листѣ воеводиномъ границу того именна осокорскаго тако описано: «поченни отъ Днепра гораздо понижей Либеди Днепромъ въ Морвое Днеприще, Днеприщемъ на Лянки въ быстрый Переваль, съ того Перевалу въ Вубчое, потомъ въ другое Вубчое, съ того Вубчаго въ Короповъ, з Коропова въ Чорныи лозы, з Чорныхъ Лозъ на Сосны и Осокори великіе, въ которыхъ и рубежъ, отъ Осокоровъ въ Зачеща, з Зачещъ въ речку Панковскую, речкою въ Тельбинъ, Тельбиномъ въ Коростышевъ, Коростышевомъ въ глубокий Колтобъ, съ Колтоба въ Доманское жерело, жереломъ въ Днепръ, знову Днепромъ въ Наводинцу просто. И былъ намъ челомъ тотъ игумень монастыря светого Михаила Выдубицкаго Ефремъ, абиемо ему на то дали нашъ листъ на то именна осокорское. . . . хотичи прото мы, абы завжды въ томъ монастыру хвала Божія бывала и за насъ государя Бога прошено, на его челомъ битые злaskи: ношою то вчинили, и оное именна Осокорское то къ тому монастырю светого архангела Михаила Выдубицкаго надано, и то за рекою Днепромъ прямо церкви монастыря того лежащую зъ водами, и з реками и сенокосами, зъ островами, зъ островомъ Николаевымъ, з озерами Колтобами, з Бобровыми гонами, з луками осетровыми на Днепръ, з дубровами и лугами и зо всѣмъ آنچه коловъ въ томъ

именно есть, какъ въ листѣ сана воеводы писанно и ограничено къ той церкви Божой подтверждаемъ оныя нашимъ листомъ. Масть тотъ теперешній игумень Ефремъ и по немъ будущіе игумены къ тому монастырю держати и того имени осокорскаго ведле наданья давного, какъ есть въ границахъ зѣ всіми пожитки вживати, и нато дали есмы тому игумену Ефрему и монастырю тому Выдубицкому сей нашъ листъ з нашою печатью.» (1)

Въ этихъ грунтахъ, съ богатыми сѣноносами, было много озеръ: Тисяное, Груаное, Цюское, Подбурная, Синятинъ, два Гачища, Клешня, другая Подбурная,—и речнице Осокорское; къ этимъ грунтамъ также принадлежалъ островъ Осокорекій противъ Лыбеди, называемый Миколаевымъ, съ криницею Вирищею, съ озерами Чепарахою, Татаркою великою и малою, Порубижемъ, Поповицъ озеромъ, Балитою, Кривымъ, Запѣсочомъ противъ Жуковки, Стабымъ и прочее. Всѣми этими землями и угодьями Выдубицкій монастырь спокойно владѣлъ до конца XVI вѣка, получая за арендованье ихъ значительные доходы.—

Съ 1590 по 1595 часть этихъ земель и угодій арендоваль генераль военный воеводства кіевскаго Томко Хомичовъ Воскупъ, и платилъ ежегодно монастырю по тридцати золотыхъ литовскихъ,—а за озера Синятинъ, Попово, Кривое, Татарку, Вирищу, два Гачища и палъ Новосельскаго ежегодно—по полъ копы грошей литовскихъ же.

Неизвѣстно въ какое именно время и кѣмъ были наданы Выдубицкому монастырю другіе задѣпровскіе грунта, лежавшіе въ староствѣ остерскомъ, близъ мѣстечка Лѣтовъ — село Свиноуды на Деснѣ, съ грунтами свиновдскими и рожновскими, островами, озерами и затонами;—только извѣстно, что, съ половины XVI вѣка, они уже считались собственностію Выдубицкаго монастыря. Къ концу этого вѣка, въ свиновдскіе грунта вмѣшивались бояре остерскіе, а въ рожновскіе прежній владѣлецъ ихъ Семенъ Яцковичъ или Рожновскій; аале имъ пажъ Ратомскій староста ихъ заказываль абы вно не заходили большъ того грунту.»

(1) 1 Кн. акт. № 1 Осокор. влад.

нишется въ одномъ документѣ 1593 г. Впрочемъ ни судъ городской, ни судъ королевскій золго не могли удержать владѣльцевъ рожновскихъ отъ «гвалтовныхъ» нападеній на свиновѣдскія владѣнія Выдубицкаго монастыря. Въ 1593 году, пишетъ игумень Каллисть: «игрунтовъ свиновѣдскихъ Рожновскій не мало засеель упоромъ здавна и полъ озера власнаго свиновѣдскаго отнялъ вжо недавно, и людемъ свиновѣдскимъ великіе кривды отъ него дѣются.» При всемъ томъ, къ концу XVI вѣка, и изъ свиновѣдскихъ владѣній шель значительный доходъ въ Выдубицкій монастырь; игумень Каллисть писалъ въ реэстрѣ пожитковъ 1593 года, что «з села Свиновѣдъ приходило въ рокъ грошми копъ двѣ и грошей 15, и 10 ведерець малыхъ меду и десятина съ поля и съ кгрунту самого Рожновскаго десятина пашенная бочекъ но три збожа.» (1)

Кромѣ выше сказанныхъ имѣній, Выдубицкій монастырь владѣлъ въ XVI вѣкѣ и обширными мозырскими землями и угодыями. Онѣ группировались въ южной части нынѣшней минской губерніи. Когда именно, кѣмъ и какъ были наданы эти грунта Выдубицкому монастырю, неизвѣстно. Можетъ быть это произошло не безъ участія кіевскихъ митрополитовъ, которые жили тогда большею частью въ городахъ теперешнихъ губерній виленской и минской, и которые издавна почему то считали себя покровителями Выдубицкаго монастыря и неоднократно вмѣшивались въ его дѣла чрезъ своихъ кіево-софійскихъ намѣстниковъ. Около 1561 года, Выдубицкій монастырь въ мозырскихъ мѣстностяхъ считаль около десяти доходныхъ статей. «Изъ села Оводовичъ, имѣнія пановъ Казимира Александра и Григорія Куривичовъ и Казимира Корсака, Мечника полоцкаго, на Выдубицкій монастырь шло ежегодно меду каменей три; изъ села Зогалець, Оводовичъ и Олексичъ слѣдовала тоже ежегодная медовая дань; изъ села Матвы камней три меду и серебра копъ пять; изъ села Михайловичъ за аренду острова Котошинскаго меду надъ одина; изъ села Копотковичъ за аренду острововъ Лушаго и Печерскаго шло ведро меду добраго, прѣснаго, то есть, безмѣновъ двѣнадцать; а за островъ Солонижскій

(1) I кн. акт. стр. 60.

тоже по ведру меду мѣры мозырской, изъ Сѣкириць за аренду находящагося въ немъ острова Михайловскаго, изъ села Волосовичъ и Нестановичъ за аренду острова Сельца, изъ села Онузь или Вишинець и изъ села Козинрискаго за землю Хохляинскую и изъ другихъ мѣсть тоже шла медовая дань Выдубицкому монастырю» (1). Не рѣдко случалось, что сосѣдніе владѣльцы и поселяне мозырскихъ выдубицкихъ угодій или усиливались отнимать какія нибудь изъ этихъ угодій, или только отказывались платить арендную дань. Выдубицкій монастырь въ этихъ случаяхъ заносилъ жалобы или въ мѣстные, или въ королевскіе суды. Изъ тѣхъ и другихъ судовъ Выдубицкому монастырю даваемы были подтвержденія на его владѣнія, а кому слѣдовало — напомипаніе исполнять свой долгъ свято и нерушимо. Такъ въ 1541 г. отъ 5 марта, Сигизмундъ Августъ въ своей грамотѣ, данной Выдубицкому монастырю, закрѣпилъ за нимъ островъ Котошню, который до того времени, былъ оспариваемъ сосѣдями; онъ указывалъ тутъ на то, что и «врадникъ мозирскій Скуминъ Львовичъ присудилъ на тотъ монастырь сказанный островъ, на что ему и листъ свой судебный далъ, который желаетъ его воевода виленскій, канцлеръ нашъ небожчикъ Ольбрахтъ Мартиновичъ Кгаштольтъ листомъ своимъ тотъ судъ подтвердилъ, на што и листъ свой особливый ему далъ» (2). Въ этой же грамотѣ, данной «державцѣ» мозырскому пану Николаю Нарбутовичу, Сигизмундъ Августъ приказывалъ ему заставить мозырскихъ людей платить дань Выдубицкому монастырю по давнему обычаю». Жаловался намъ игумень святаго архангела Михаила монастыря Выдубицкаго Ефремъ, (писалъ онъ въ грамотѣ) што дей некоторіи люди наши мозырскіи зъ давнихъ часовъ дань даютъ на тотъ монастырь святаго архангела Михаила Выдубицкаго, ино де они той дани на тотъ монастырь теперь исполна выдавати нехочутъ и еще де кривды и втиски великіе тому монастырю дѣлають въ забратіи землѣ и лесовъ, про- . . . ти би и теперь тимъ людемъ приказалъ жебы они оную дань,

(1) Кн. акт. 3 л. 461.

(2) См. тамъ же.

которую повинни будуть давати на тотъ монастырь предъ ся споа- на выдавали водлугъ давняго обычая, яко предъ тимъ давали, а до которыхъ людей нашихъ мозырскихъ будетъ тому игумену дѣло, ти бы ему на тихъ людей нашихъ право далъ и справедли- вость вчинилъ, и справа въ чомъ люди наши винны остануть ти бы то казалъ ему добре отправить, и за то досить вчинити, (удо- влетворить) такъ якобы ему того жаль не было и намъ онъ о томъ больши того не жаловалъ» (1). Подобныя напомниманія писалися и изъ мѣстныхъ городскихъ судовъ. Такъ, въ половинѣ XVI вѣ- ка, подстароста мозырскій, по просьбѣ игумена Выдубицкаго мо- настыря Алексѣя, приказывалъ подданнымъ загальскимъ, оводо- вицкимъ и олексицкимъ «абы тому архимандриту медовую дань всеполно выдали, ижъ бы онъ на томъ себе не шкодовалъ, а цер- ковь Божая а бы для того не оскудѣла» (2). Иногда и митропо- литы кievскіе ходатайствовали предъ кѣмъ слѣдовало за исправ- ную доставку даней въ пользу Выдубицкаго монастыря. Такъ, въ 1571 году, митрополитъ кievскій просилъ мозырскаго судью земскаго Фурса, чтобы онъ приказамъ мужамъ села Козинрискаго доставить Выдубицкому монастырю медовую дань за три года за владѣнія ими хохлинскою землею, а около этого же времени кiev- скій митрополитъ Макарій требовалъ и отъ архимандрита великой Печерской Лавры Софронія, чтобы онъ приказалъ своимъ людямъ платить слѣдуюмую медовую дань Выдубицкому монастырю: «а такъ, писалъ онъ, твою милость богомольца нашего благосло- вяемъ, а би ти медовую дань людямъ своимъ казалъ выдавати и запрошли годы пополнити; при томъ слышимъ, что твоя милость въ затоны монастырскіи михайловскіи кажетъ ся вступати, стар- цевъ людей и слугъ монастырскихъ кажетъ побывати, а такъ твою милость богомольца нашего на впоминаемъ чрезъ сей намъ листъ, штобы еси въ затоны монастырскіи михайловскіи не казалъ нечим- ся вступати, старцовъ и слугъ и людей не казалъ збивати, и во всемъ бы твоя милость тому монастырю нашему далъ впокой под-

(1) Актов. кн. 3. стр. 461. обор. 462.

(2) Кн. 3 акт. л. 435 обор.

зарукою на государя короля его милости 500 копъ грошей и подъ нашимъ благословеніемъ» (1). Однакоже, къ концу XVI вѣка медовыя дани изъ мозырскихъ владѣній сокращались больше и больше. Частію своеволіе владѣльцевъ выше сказанныхъ мозырскихъ селъ, запрещавшихъ давать монастырю дани, а частію своеволіе самихъ крестьянъ—арендаторовъ угодій Выдубицкаго монастыря были причиною того, что, въ 1593 году, какъ значится въ реестрѣ доходовъ Выдубицкаго монастыря, изъ Мозырщины почти только жители Волосовичъ и Нестановичъ были исправными арендаторами—плательщиками. «Въ селѣ королевскомъ староства мозырскаго Воскиричахъ, пишетъ напримѣръ игуменъ Каллисть, дань медовая выдубицкая есть, и не хочуть давати запираются. Въ селѣ Теревовѣ людей пана Ратомскаго дань медовая выдубицкая есть, одножь давати нехочуть. Въ селѣ Перетруговичѣ у людей пана Бартоша Брюханскаго также по ведру въ рокъ и не дають, поведаютъ, же дей панъ нашъ, панъ Бартошъ давати не кажетъ, але ему де самому зъ того острова платимъ по четыре копе грошей, и розделилъ де на осмь частей тотъ островъ, а прозывается тотъ островъ выдубицкій» (2).

Кромѣ обязательныхъ даней, которыя слѣдовали Выдубицкому монастырю за его арендованныя имѣнія, онъ получалъ еще дани добровольныя, по обѣщанію жителей тѣхъ или другихъ поселенъ, жившихъ на грунтахъ стороннихъ владѣльцевъ. Эти дани рѣдко были денежныя, а большею частію были медовыя «для свѣчъ на одправованье хвалы Божое» Болѣе зажиточные и вліятельные въ своихъ селахъ хозяева, посѣщая кіевскіе монастыри, въ качествѣ богомольцевъ, по чувству благочестія, не рѣдко давали тутъ обѣты за себя и за своихъ потомковъ ежегодно служить монастырю чѣмъ нибудь изъ своихъ достатковъ, особенно *пасыкъ*, составлявшихъ тогда не послѣдній предметъ промышленности поселенъ; вѣроятно, по имени жертвователей, эти дани назывались то андреевщинами, то харьковщинами, то др. Такъ

(1) Кн. 3 док. стр. 436.

(2) 1 кн. стр. 62.

получили свое начало добровольныя медовыя дани и для Выдубицкаго монастыря. Въ XVI вѣкѣ давали ежегодную медовую дань Выдубицкому монастырю «Печарскіе люди села Сваромля (два ведерца) Орянова (восемь ведерецъ) Пироговичъ (одно ведро), Ростичъ, Тетерева, Вороповичъ и др.; также люди пана Харлинскаго села Приборцевъ (три кади), люди пана Коташевича, села Пироговичъ, люди пана Немировича села Прибортей и другія.» При строгости благочестивыхъ патріархальныхъ нравовъ того времени, не исполненіе воли предковъ, особенно ихъ «офѣръ на церковь Божию,» тогда считалось дѣломъ самымъ богопротивнымъ. Даже и тогда, когда Выдубицкій монастырь былъ въ рукахъ уніатовъ, въ 1604 году, архимандритъ лавры Елесея Плетеницкій убѣждалъ своихъ подданныхъ не отложно давать дани на церковь Божию: «ипо детки, писалъ онъ жителямъ Сваромля, Тетерева, Воропоня и Пирогова, если предки ваши и вы сами на церковь Божию, на монастырь светого архистратига Михаила Выдубицкій въ каждый годъ меду пресного для свечъ на одправованье хвалы Божое мели есте штобы давати, тогда я вамъ зверхности мои розказую и именемъ Божиимъ васъ упоминаю, аби есте Богови Божое отдавали, не покладаячи того на душахъ предковъ своихъ и на вашихъ самихъ, хочете ли, аби тежъ и вамъ Господь Богъ Вседержитель на семъ светѣ грѣхи одпустивши всемъ добримъ, а у пришлому веку душевнымъ спасеніемъ оддати и нагородити рачиль» (1). Потомки благочестивыхъ жертвователей медовыхъ даней для Выдубицкаго монастыря большею частію старались въ точности выполнить волю своихъ предковъ; но имъ, въ этихъ случаяхъ, нерѣдко мѣшали ближайшіе ихъ управители, обращавшіе ихъ жертвы въ свою пользу. Такъ, въ концѣ XVI вѣка, изъ села Орянова перехватывали около 9 лѣтъ медовую дань урядники печерскіе. Впрочемъ случалось иногда и то, что самые жертвователи старались утаивать отъ монастыря слѣдующія ему дани, а иногда замедляли высылкою ихъ и требовали напоминовеній: «У Ростичахъ, казано штось дани, писалъ игуменъ Каалистъ

(1) Кн. 3 акт. стр. 332.

въ своемъ реэстрѣ пожитковъ, и пыталъ есмы въ томъ селѣ, и не могъ се допытатися, запрелись. У Прибортяхъ пана Немировича людей также штось меду приходитъ, и не даютъ. И инде гдесъ надъ Тетеревою дань медовая въ селахъ задѣялась, а продавнось и допитатися не моглася» (1).

Судя по обширнымъ владѣнiямъ Выдубицкаго монастыря, по количеству обязательныхъ и не обязательныхъ даней, слѣдовавшихъ ему, можно предполагать, что онъ до послѣднихъ годовъ XVI вѣка существовалъ безбѣдно. Правда, не видно изъ документовъ, чтобы въ эту эпоху прибавились въ монастырь какія нибудь капитаальныя, каменные строенiя; но въ деревянныхъ строенiяхъ, кажется, не было недостатка, такъ какъ не было недостатка ни въ работникахъ, ни въ строительныхъ матерьялахъ. Изъ одного «заручнаго» листа выдубицкаго игумена Иоакима, жившаго въ самомъ началѣ XVI вѣка, видно отчасти, что во внутренней экономической жизни Выдубицкаго монастыря были въ это время и порядки и удобства. «Я Якимей игумень светого Михаила Выдубицкаго, писалъ онъ въ этомъ заручномъ листѣ, а такожь доискался есмы старины, что мужи свиноѣдскiи мають выробити избу трапезу у монастырь светого Михаила Выдубицкаго совсимъ на все и тое дерево приприводити подъ монастырь и на берегъ выволочити, а черезъ тое не мають они у монастырь ни которое хоромины робити а ни провадити а ни покрывати (2), и пр.» На выше приведенномъ же основанiи можно предполагать, что тогда и въ инокахъ въ Выдубицкомъ монастырь не было недостатка. Изъ этого времени известень уже цѣлый рядъ игуменовъ Выдубицкаго монастыря. Такъ въ самомъ началѣ XVI вѣка былъ тутъ игуменомъ «Якимей», около 1541 года Ефремъ Кошель, около 1558 Алексѣй, (онъ названъ въ одномъ актѣ архимандритомъ), около 1565 года Антонiй, — около 1570 года Григорiй Швадь, — около 1576 Сергiй, и наконецъ въ 1590 годахъ монахъ Каллисть. Почти всѣ они усердно служили благу своей обители, — это видно

(1) 1 Кн. акт. стр. 62.

(2) Кн. акт. 1-я Выд. мон. стр. 126.

покрайней мѣрѣ изъ ихъ заботливости о матеріальныхъ выгодахъ, обители. Только благодаря имъ, Выдубицкая обитель настолько матеріально была обезпечена, что вызывала нѣкотораго рода зависть въ стороннихъ владѣльцахъ и, къ прискорбію, наконецъ, даже въ своихъ давнихъ благодѣтеляхъ, кіевскихъ митрополитахъ, которые, не за долго предъ своею измѣною православію, успѣли завладѣть немалою долею владѣній Выдубицкаго монастыря.

До митрополита Онисифора, кіевскіе митрополиты необъявляли притязаній на владѣнія Выдубицкаго монастыря. Радѣя о благѣ подвѣдомыхъ имъ монастырей и церквей, они даже неоднократно испрашивали королевскія грамоты на свободу и неприкосновенность ихъ правъ и владѣній, со стороны свѣтскихъ властей, которыя, особенно, въ случаѣ смерти ихъ настоятелей, обыкновенно готовы были попользоваться чѣмъ нибудь изъ церковныхъ имѣній. Такія грамоты, по ходатайству митрополитовъ кіевскихъ, были даны королями польскими Александромъ въ 1499 году, Сигизмундомъ въ 1511 году, и потомъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1585 году (1). Предшественники Онисифора, митрополиты кіевскіе, иногда даже жертвовали своими владѣніями въ пользу монастырей и строго запрещали своимъ намѣстникамъ вмѣшиваться въ непринадлежавшія имъ владѣнія. По крайней мѣрѣ одинъ такой счастливый случай былъ и для Выдубицкаго монастыря: митрополитъ Іосифъ Солтанъ, какъ сказано выше, надалъ ему, по просьбѣ игумена Іоакима, митрополичьи грунта гнилецкіе, а когда одинъ изъ кіевскихъ митрополичьихъ урядниковъ Іосифъ Прокоповичъ вздумалъ было опять присоединить гнилецкіе грунта къ митрополичьимъ владѣніямъ; то митрополитъ Сильвестръ, по просьбѣ выдубицкаго игумена Теофила, приказалъ возвратити навсегда эту землю Выдубицкому монастырю: «мы зъ ласки своея тое вчинили, писалъ митрополитъ, тую землю Гнинецъ со всѣмъ на все якъ ся тая земля зъ давнихъ часовъ со всѣми пожитки въ себе маеть придаемъ къ тому самому монастырю Выдубицкому вечными часы водлугъ листовъ предковъ своихъ, и на то дали свой

(1) Оп. кієво-Соч. соб. приб. № 11, 12.

листъ» (1). По какому праву и какимъ путемъ впоследствии кievскіе митрополиты стали присвоивать себѣ владѣнія Выдубицкаго монастыря, сказать трудно; кажется, въ этихъ случаяхъ они своеобразно пользовались своимъ верховнымъ правомъ покровительства и суда надъ монастырями. Какъ бы то ни было, но въ 1595 году Выдубицкій монастырь недосчитывался изъ своихъ владѣній значительныхъ частей, которыя, то были розданы въ награду, то заарендованы митрополитами въ свою пользу. Въ 1577 году митрополитъ Ілія Куча (2), а въ 1780 году митрополитъ Онисифоръ передавалъ селище Багриново своему софійскому намѣстнику, шляхетному пану Богушу Гулькевичу Глебовскому. До того времени, оно «черезъ вырокъ князя воеводы (Константина Константиновича Острожскаго) было всказано нѣякомусь Ходору Биркозу и вруки намѣстнику кievскому пану Василю Раю въ сороку копахъ грошей литовскихъ заведено.» Это и было основаніемъ, или лучше, поводомъ для того и другаго митрополита завладѣть сказаннымъ селищемъ, какъ своею собственностію. — «Чого бы водле права светого быти не могло, писалъ Онисифоръ въ своемъ поручномъ или умоцованномъ листѣ, ижъ на кгрунты церковные яко на власную речъ государскую кому пенези давать албо выроками сумы пенезей усказовать могбы кожный и окромъ кгрунтовъ церковныхъ слушне на своемъ власномъ обыти и перреставати, а такъ я прагнучи того всего всилностію живота своего жебы за мене вси кгрунты церковные якимъ колвекъ способомъ и чрезъ кого колвекъ забраный высканы будучи за се при церкви Божоей zostали, розказалъ есмы, поручилъ и моць зупольную далъ; и симъ моимъ листомъ даю шляхетному пану Богушу Гулькевичу Глебовскому намѣстнику моему Софейскому селищу Багриново у Ходора Биркоза вдевятинадцать копахъ въ сороку грошехъ и въ пети пенезей окупити въ моць вдержане и уживане свое взяти и имъ владати, и отъ иншихъ всякихъ кривдъ боронити такъ якобы я самъ.» (3). Въ реэстрѣ земель и приходовъ Выдубицкаго

(1) 3 кн. акт. стр. 222 обор.

(2) Онъ и одного года небылъ на митрополичьей кафедрѣ.

(3) Кн. акт. стр. 58.

монастыря, за 1595 годъ, говорится, что тогда «великое поле Багриново держалъ въ заупаи отъ его милости митрополита Рогозы въ сороку копахъ грошей какой то Григорей Манковичъ, что какой то Иванъ Поповичъ Мыза отъ митрополита Девочки не мало кгрунту выдубицкаго держалъ, што до патриарха ему ездилъ по сакру, и то не слушне тотъ держалъ, бо монастырь своимъ добромъ не повиненъ митропольимъ слугамъ службъ ихъ нагрожати, что кгрунтъ куликовскій подле острова Гнильца выдубицкій, пасека садъ добрый и сеножати Богушко небожчикъ врандикъ владице небожчику володимирскому за подарунокъ уступилъ, а владыка якоє спустилъ Вероненцкому наместнику кievскому, и опять то въ руки владычныи, и далъ то владыка былъ Олехнови, а мѣла за то отмена быть дана Выдубицкому монастырю, и не дана, что островъ Котошмо въ Мозырщине тогда держалъ Жудра зъ ласки митрополей на кади меду радъ далъ, а овъ Жудра и островъ тотъ спустошилъ, и ко своимъ кгрунтомъ на полнилъ того острова кгрунту прилучилъ; а то за ласкою митрополитовъ ихъ милостей до животемъ своимъ держалъ, за то што онъ тотъ островъ правомъ и накладомъ своимъ отъ Давидовича передъ королемъ отыскалъ, который се былъ задлявъ; «что тогда былъ отнять отъ монастыря островъ Гнилецъ и зъ садомъ и зъ сеножатами Каннымъ лугомъ на три стоговъ сена кошене зъ озеромъ Глушцемъ, съ котораго аренды по три копъ грошей идетъ на рокъ, и къ тому речка Вета велми рыбная и другая речка Корнчма; и тоє Корнчмы берегъ одинъ то все держалъ певинне Евхимъ Сухопаръ Бояринъ, не чинечи зъ того некоторою пожитку, а ни послушенства монастыру, а бралъ съ тыхъ кгрунтовъ пожитку за косу одъ каждого стога по три гроша, за садъ по двѣ копы грошей (1) и пр.» Словомъ къ концу XVI вѣка, по словомъ одной давней рукописной замятки, «митрополиты кievскіе все добра монастыря Выдубицкаго подъ власть свою были подгорнули, и якъ бы то свои власніи кгрунта, часто кротъ уже и не споминаючи о томъ, же то добра монастыря суть Выдубицкаго, кому хотѣли роздавали, инши зась

(1) 1 Кн. акт. лис. 60. 61.

арендовали; а монастыреви Выдубицкому, яко то опустѣлому иногда по частцѣ тилко зъ добръ видубицкихъ на препитаніе оставляли: а иногда и нѣчого не оставили» (1). Но самую крайнюю обиду для православнаго Выдубицкаго монастыря со стороны митрополитовъ кievскихъ было то, что они увлекли его съ собою въ унию.

Свящ. Павелъ Троицкій.

10 февраля 1865 года.

Ковенскіе Протестанты XVII и XVIII столѣтій.

Въ архивѣ ковенской лютеранской церкви, до сихъ поръ ни кѣмъ не разсмотрѣнномъ, заключается нѣсколько интересныхъ памятниковъ, которые, если не открываютъ чего-либо новаго въ историческомъ отношеніи, то представляютъ много характеристическихъ подробностей и могутъ служить матеріаломъ для того, кто бы занялся подробнымъ и всестороннимъ изложеніемъ судьбы диссидентовъ въ западно-русскомъ краѣ.

По времени, документы эти относятся къ XVII и XVIII столѣтіямъ; языкъ ихъ преимущественно польскій (конечно съ значительною примѣсью латинскаго, особенно въ юридическихъ терминахъ), но и въ самомъ польскомъ проявляется значительное вліяніе русскаго, есть даже много актовъ (напр. городскія судебныя дѣла), въ которыхъ годъ и число, заглавіе (съ краткимъ содержаніемъ акта) писаны на бѣлорусскомъ нарѣчій славянскимъ шрифтомъ, съ обильнымъ употребленіемъ словосокращеній. Многіе изъ документовъ (около трети всей массы) писаны на латинскомъ языкѣ, а переписка лютеранъ съ Пруссіею и виленскими единовѣрцами, протоколы засѣданій церковнаго совѣта и метрическія книги—на нѣмецкомъ. Почти всѣ они писаны на бумагѣ, а нѣсколько привилегій польскихъ королей ковенскимъ лю-

(1) 1 Кн. акт. л. 59 обор.

терапамъ — на пергаминахъ. : Ваяясь беспорядочными книгами въ архивныхъ шкапахъ, многіе изъ памятниковъ попорчены сыростью и мышами, что довольно затрудняетъ ихъ чтеніе.

Разборъ этихъ памятниковъ подтверждаетъ тотъ фактъ, что собственно польской исторіи (какъ исторіи народа) не существуетъ: есть исторія польской шляхты, польско-католическаго духовенства, польскихъ іезуитовъ, а объ народѣ не говорится ничего. Подробности, находящіяся въ нихъ, явственно рисуютъ, до какой грубости и коварства доходили гоненія на диссидентовъ въ Литвѣ, а съ другой стороны — какъ безсильна была власть королей въ Польшѣ, и какъ бесплодны были ихъ распоряженія, если они хотѣли прекратить бѣдственное положеніе иновѣрцевъ: многократные оффиціальныя рескрипты и частныя просьбы болѣе благомыслящихъ изъ польскихъ королей, о прекращеніи преслѣдованій поляками протестантовъ, почти никогда не находили исполненія, такъ что мы убѣждаемся, что притѣсненія, претерпѣваемые диссидентами въ Польшѣ и Литвѣ, происходили не со стороны короля (кромя Сигизмунда III), а изъ деспотизма шляхты и фанатическаго настроенія польскаго общества, бывшаго слѣпымъ орудіемъ іезуитской политики.

Протестанты появились въ Литвѣ при Сигизмундѣ Августѣ II. Гонимые и спасавшіеся бѣгствомъ, нововѣры разныхъ странъ находили здѣсь убѣжище подъ покровительствомъ короля и нѣкоторыхъ вельможъ. Богемскіе Братья (1), лютеране и реформаты основывали въ Литвѣ и Польшѣ свои общины; терпимы были даже и тѣ, чьи воззрѣнія отвергались и Лютеромъ и Кальвиномъ (напр. соцініане, не признававшіе божественности Христа и ученія о св. Троицѣ). Въ Литвѣ, въ половинѣ XVI вѣка

(1) Богемскіе или Чешскіе Братья (религіозная секта, составившаяся изъ остатковъ Гусситовъ), раздѣляясь по степенямъ на начинающихъ, пруслѣвующихъ и совершенныхъ, отвергали святыхъ и іерарховъ католической церкви; вмѣсто пресуещствленія, принимали мистическое соединеніе тѣла Христова съ хлѣбомъ и виномъ, не хотѣли называться единственною, дающею спасеніе церковью, а только членами ея, и церковнымъ благочиніемъ въ духѣ первыхъ вѣковъ христіанства поддерживали у себя строго-нравственную, бѣдную, небожную и вообще очень миролюбивую жизнь.

лютеране и реформаты учредили свои церковныя общины въ городахъ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Слуцкѣ, Кейданахъ и др. Въ Ковнѣ первая лютеранская церковь появилась въ 1558 году (нѣмцы были тутъ уже съ 1408 г.); дѣлами общины управлялъ советъ 12-ти (какъ въ Вильнѣ советъ 30-ти). У католиковъ лютеранская вѣра была извѣстна подъ названіемъ Августанской (можетъ быть потому что Лютеръ былъ Августинскій монахъ) или Саксонской (саксонской) конфессіи; съ половины XVII столѣтія встрѣчаются болѣе названія: религія Аугсбургская, или религія Лютерская. Протестанты получили отъ Сигизмунда Августа права равныя съ католиками, но при Стефанѣ Баторіѣ распространились въ Литвѣ іезуиты, чтобъ возбудить національную и религіозную ненависть католиковъ къ иновѣрцамъ и, дѣйствуя по правилу «divide et impera,» на всеобщемъ разрушеніи и междоусобіи основать свое владычество. Баторій, имѣя въ виду спокойствіе и благо государства, придумывалъ средства, какъ бы предупредить междоусобіа въ подвластныхъ ему народностяхъ; въ 1579 года ковенскій магистратъ получилъ отъ этого короля рескриптъ, въ которомъ онъ высказываетъ, что хотя народонаселеніе города состоитъ изъ литовцевъ, германцевъ и русскихъ, и имъ, поѣтому, было бы свойственно каждому называться своимъ именемъ, но такъ какъ въ этомъ случаѣ всегда будетъ возникать между различными народностями зависть, и онѣ раздѣлятся на враждебныя партіи, то кажется было бы весьма благоразумно, еслибы всѣ жители называли себя общимъ именемъ литовцевъ, преимущественно тѣ, которые имѣютъ постоянное жительство въ городѣ и пользуются правами гражданства и избранія въ городскія должности: эта мѣра особенно необходима для блага государства при «настоящемъ стеченіи обстоятельствъ» (война съ Россією). Сознавая важность нѣмцевъ для края въ торговомъ отношеніи, Баторій въ 1580 г. возстановляетъ ихъ привилегіи, которыми они пользовались издавна, «по древнему обычаю» (Магдебургскому праву), но которыя со временемъ пришли въ забвеніе и не соблюдаются съ эпохи «междоусобія» (т. е. послѣ бѣгства изъ Варшавы Генриха Анжу); поѣтому король приказыв-

васть, чтобы въ городское управленіе, состоящее изъ 6 бургомистровъ, трое избирались изъ нѣмцевъ, и чтобы въ случаѣ смерти городского войта (старшины), жители «безъ различія какъ литовскаго, такъ и герменскаго племени» избрали 4 кандидатовъ, мужей честныхъ, свѣдущихъ въ законахъ, съ достаточнымъ имуществомъ, и этихъ избранниковъ представили королю, который, по своему благоусмотрѣнію, выбираетъ изъ нихъ достойнѣйшаго и утверждаетъ въ должности войта. Этому опредѣленію король даетъ силу закона «на вѣчныя времена.» Приказъ не былъ однакожъ исполненъ, и вслѣдствіе жалобы нѣмцевъ, на стѣсненіе ихъ вольностей, Баторій, черезъ 4 года, долженъ былъ возобновить свой рескриптъ. Слѣдующіе короли: Сигизмундъ III, Владиславъ IV и Янъ Казиміръ подтверждали эти права, когда Польша была въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ (напр. 1612, 1633 и 1639), но все-таки депутаты отъ нѣмцевъ часто заносили жалобы въ Вильнѣ на католическія кривды (1640, 1650, 1655). Въ 1650 г. Янъ Казиміръ очень вѣжливо «упрашиваетъ» ослушниковъ своего приказанія остановить гоненія: «Не можемъ мы похвалить васъ, Вельможныхъ пановъ, что горожанъ ковенскихъ нѣмецкаго происхожденія, отличающихся вѣрностью, приносящихъ пользу, и носящихъ на себѣ всѣ общественныя повинности, исключаете изъ права участія въ городскомъ управленіи и не соблюдаете съ ними единодушія при выборахъ, что совершенно претивурѣчитъ привилегіи его королевскаго величества Сигизмунда Августа, данной въ Вильнѣ 25 мая 1558 года, и подтвержденной послѣдующими Нашими предшественниками». Въ 1654 г., король, въ письмѣ своемъ къ Станиславу Радзивилу, канцлеру великаго кн. Литовскаго, говоритъ, что «жаловались намъ мѣщане города нашего Ковна Августанской конфессіи, что ковенскій магистратъ и общество римской религіи помимо давнихъ ихъ привилегій и обычаевъ не только не хотятъ принять ихъ въ магистратъ, но и съ большими притѣсненіями отказываютъ имъ даже въ общихъ гражданскихъ правахъ; потому прошу васъ, какъ тамошняго старосту: не угодно ли вамъ будетъ серьезно напомнить упомянутому магистрату и руководить его въ томъ, чтобъ онъ безъ

всякаго противурѣчія согласился допустить жителей Августанской конфессіи, по древнему обычаю, какъ къ гражданскимъ правамъ, такъ и въ магистратъ.» Все-таки нѣмцы не могли достигнуть исполненія своихъ привилегій, хотя со стороны королей не было недостатка въ разныхъ рескриптахъ и понуканіяхъ къ тому, какъ на бумагахъ, такъ и на пергаминѣ (1670, 1676, 1698, 1726), а совѣтъ 12-ти и изъ Пруссіи, отъ Кенигсбергскаго городского старшины, получилъ выговоръ, что онъ мало радѣеть о выгодахъ ковенскихъ нѣмцевъ (1699).—Такого рода факты доказываютъ, что многіе изъ польскихъ королей были на столько образованы и гуманны, что желали ввести въ своихъ владѣніяхъ вѣротерпимость. Если не изъ искренняго убѣжденія (потому что въ такомъ случаѣ они не были бы истинными католиками), то изъ политическихъ видовъ и желанія доставить благосостояніе своему государству, они силились уравнивать подвластные имъ народности въ правахъ политическихъ и религіозныхъ. Но королевская власть въ Польшѣ была (какъ показываютъ и упомянутые случаи) однимъ призракомъ, игрушкою магнатовъ. Всякое распоряженіе короля, если оно не было осуществленіемъ догматовъ іезуитизма, соврушалось о гордость и національное высокоуміе польскаго шляхетства, которое принялось ревностно служить гибельной для него-же самаго іезуитской политикѣ.

Гораздо явственнѣе, чѣмъ въ политическихъ притѣсненіяхъ, выказывается іезуитская злоба и шляхетскій фанатизмъ въ преслѣдованіяхъ религіозныхъ. Католическіе поляки смотрѣли вообще недружелюбно на распространеніе протестантизма въ своихъ владѣніяхъ. Но положеніе диссидентовъ было еще сносно, пока не явились іезуиты. Будучи не въ силахъ съ перваго же разу истребить свободу мысли своими умственными средствами, эти представители р. католицизма ухватились за вѣншность и разными унижительными ограниченіями старались возбудить презрѣніе и насмѣшки противъ иновѣрцевъ. Такъ протестантамъ въ Ковнѣ запрещено было строить свои церкви: имъ отведенъ былъ для богослуженія особый домъ у площади, между іезуитскимъ и бернардынскимъ монастырями (точно между двухъ огней); это зданіе

называлось не церковью, а просто домомъ, «сборомъ», или же «Лютерскою синагогою». Кромѣ того іезуиты стали поджигать польскую молодежь къ ученымъ нападкамъ на иновѣрцевъ. Тогда Стефанъ Баторій заступился за гонимыхъ, и католикамъ было дастрога запрещено наносить лютеранамъ обиды; сюда относится слѣдующій любопытный рескриптъ, изданный имъ во время осады Пскова: «Стефанъ, Божіею Милостію, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Жмудскій, Мазовецкій, Лифляндскій, Князь Семиградскій и проч.— Объявляемъ всенародно: Старостѣ Войскому Лидскому и Намѣстнику Виленскому, Господину Яну Абраамовичу. Представлено Намъ было дѣло Господами Нашей Рады Великаго Княжества Литовскаго, Евангелическаго вѣроисповѣданія, которые въ это время были при насъ въ войскѣ, что въ недавнее время произошла немалая сумятица въ Нашемъ столичномъ городѣ Вильнѣ, отъ тѣхъ, которые Римско-Католической Вѣры, противъ людей и старшинъ Евангелической и Сасской церкви; вопервыхъ: что по приказанію Ксендза—Епископа Виленскаго у типографщика были отобраны книги Евангелическаго ученія и сожжены передъ косцеломъ Св. Іоанна. Католики запрещаютъ носить тѣла умершихъ людей на владбище для погребенія, и пѣть по улицѣ при тѣлѣ умершаго, особенно идя мимо косцела Св. Іоанна, осмѣивая ихъ, срамослова и подымая за ними крикъ на улицѣ, и это будто они дѣлаютъ по наущенію католическихъ проповѣдниковъ. Потомъ изъ Святоянскаго училища (іезуитскаго), напавши на двухъ старшинъ сасскихъ и другихъ людей, возвращавшихся съ похоронъ, почти что забросали ихъ камнями, грозя притомъ опустошить и разрушить ихъ церкви. Слыша все это отъ одной стороны, Мы должны преклонить ухо и къ другой, и если это было такъ, то мы приняли бы это съ большимъ неудовольствіемъ. Слѣдуетъ подумать о томъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ насильно мечемъ и огнемъ, а не наукою и добрыми правами, хотятъ утвердить вѣру, происходятъ большія кровопролитія и опустошительныя внутреннія войны, отъ чего насъ Боже сохрани. Въ простомъ народѣ, а особенно между знатными лицами, Мы не охот-

но видѣли бы это, и должны остерегаться отъ того, такъ какъ Намъ должно стараться теперь о всемъ добромъ и объ увеличеніи Польскаго Королевства и Великаго Княжества Литовскаго, вѣрннанаго Намъ Господомъ Богомъ, жертвуя всеми силами и подвергая опасности здоровье Наше въ борьбѣ съ непріятелемъ. По этому Намъ было бы весьма желательно, чтобы всѣ жители, одинаковымъ образомъ хвали Единаго Господа Бога, оставались въ неизмѣнной Древней Католической вѣрѣ; но какъ господь Богъ предсказалъ, что въ концѣ міра долженъ явиться соблазнъ (1), то мы никому не хотимъ насильно навязывать вѣры, но соблюдаемъ Нашу присягу, данную на счастливой коронаціи Нашей, всѣмъ сословіямъ какъ Короны Польской, такъ и Великаго Княжества Литовскаго, *Pacem inter dissidentes de religione tueri et manu tenere*. То есть, желая хранить миръ между различными вѣроисповѣданіями, и защищать его, и желая всегда имѣть предъ глазами эту обязанность Нашей присяги, Мы предоставляемъ религиозныя убѣжденія каждаго на судъ одного Господа Бога всемогущаго; и не только потому, что защищать и сохранять религиозный миръ, вмѣнено въ обязанность Нашей Королевской особѣ отъ всѣхъ сословій обомъ государствъ, но и на основаніи древняго обычая государства, мы терпимъ богослуженіе иновѣрцевъ. Потому приказываемъ вамъ, что какъ только дойдетъ до васъ это, Наше письмо, вы велѣли бы публично въ городѣ, на площади и по улицамъ города Вильна, огласить, чтобы, по обычаю сохраняемому издавна, до настоящаго времени счастливаго Нашего царствованія — всѣ наблюдали спокойствіе и не подавали никакого повода къ волненіямъ. А еслибъ кто нарушилъ общественное спокойствіе упорно и своевольно возбуждалъ какую нибудь неурядицу, то вы каждаго, вамъ подвѣдомственнаго, согласно обязанности вашей, должны держать подъ арестомъ до нашего приговора, и дать Намъ о томъ знать.

(1) Суевѣрное ожиданіе страшнаго суда было тогда распространено по всей Европѣ. Древніе русскіе книжники тоже толковали о томъ, что скоро окончится седьмое тысячелѣтіе отъ сотворенія міра, сатана высвободится изъ неволи, и тогда явится Антихристъ.

а иначе ради милости Нашей не поступать. Данъ въ лагерѣ подъ Цеволовомъ; мѣсяца сентября 30 дня, 1581 года.— Stephanus Векъ (1). Въ иныхъ отношеніяхъ къ протестантамъ находился Сигизмундъ III, взявшій себя въ примѣръ Филиппа Испанскаго, обожателя иезуитовъ и иезуитской политики, лишившій своего сына русскаго царства, возбуждившій непримиримую ненависть казачества противъ Польши и нанесшій жестокой ударъ промышленности въ своемъ государствѣ гоненіемъ противъ диссидентовъ. Обращеніемъ правительственной дѣятельности этого изувѣра можетъ служить присланный ковенскому магистрату рескриптъ 1618 года; въ немъ король высказываетъ, что, паперекоръ его запрещеніемъ и указамъ, граждане Августанской конфессіи строятъ себѣ новыя публичныя зданія, починаютъ старыя (церковь, госпиталь, училища) и даютъ имъ болѣе обширныя размѣры, «во вреду общественнаго благоденствія и противъ древнихъ законовъ и привилегій города»; такъ какъ этому не слѣдуетъ быть въ «его» государствѣ, то онъ на основаніи просьбы Ковенскаго католическаго магистрата, и обсудивъ это дѣло «съ своими совѣтниками» опредѣлялъ: такъ какъ строить новыя общественныя зданія вредно для государства, а старыя, вслѣдствіе недостатка починки, могутъ грозить разрушеніемъ, то приказать лютеранамъ: въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ отъ изданія рескрипта «сломать совершенно» всѣ ихъ публичныя зданія, и впредь, безъ вѣдома и согласія королевскаго, таковыхъ не сооружать, подъ угрозою штрафа въ 10000 злотыхъ.—Что могло быть поводомъ къ этому интересному рескрипту и какія были его послѣдствія, трудно опредѣ-

(1) Этотъ рескриптъ противурѣчитъ мнѣнію г. П. Кукольника, который въ своемъ сочиненіи «Историческія замѣтки о Литвѣ. 1864» приписываетъ причину гоненій на диссидентовъ при Баторіѣ личному его къ нимъ несправедливому и говорить между прочимъ, что иновѣрцы „ожидали отъ него покровительства, или до крайней мѣры благоразумной терпимости; но скоро по вступленіи его на престолъ они жестоко ошиблись въ своемъ расчетѣ. Новый король далъ большія преимущества иезуитамъ, кои постоянно преслѣдовали иновѣрцевъ,“ и далѣе: „онъ счелъ необходимою щадить и даже покровительствовать иезуитовъ.“ Не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, такъ какъ документы, извѣстные намъ, доказываютъ, что самъ Баторій всегда соблюдалъ равноправность протестантовъ съ католиками.

лить по недостатку источниковъ. Виленскіе лютеране, кажется, тоже потерпѣли отъ Сигизмунда гоненіе; объ этомъ можно заключить изъ привилегіи Владислава IV, данной виленскимъ протестантамъ на коронаціонномъ его сеймѣ 1688 г., въ которой онъ «возобновляетъ» и присягою скрѣпляетъ всѣ права и вольности генеральныя и спеціальныя, данныя его Наилучшими предшественниками людямъ аугсбургской конфессіи, именно: возобновляется свобода въроисповѣданія, право говорить проповѣди на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ; при похоронахъ дозволяется нести покойниковъ по улицамъ съ обычными церемоніями, пѣніемъ и свѣчами. Старый каменный домъ, въ которомъ виленскіе лютеране отправляли свое богослуженіе, дозволяется возобновить и украсить, а если надо, то построить новый, также починить госпиталь и кладбищенскую ограду; «а наконецъ дозволяется людямъ Аугсбургской конфессіи имѣть колокола и колокольню при церкви и употреблять также колокольный звонъ при похоронахъ». Въ то-же время и ковенскіе протестанты получили возстановленіе своихъ правъ (но съ нѣкоторыми ограниченіями) по слѣдующему документу: «Владиславъ IV, Божіею милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Пруссскій, Жмудскій, Мазовецкій, Лифляндскій, наследственный король Шведскій, Готскій, Вандальскій, избранный великій царь Московскій (1).—Объявляемъ этимъ Нашимъ письмомъ, кому о томъ слѣдуетъ вѣдать. Дозволяемъ нашимъ ковенскимъ гражданамъ Августайской конфессіи починить свой молитвенный домъ, лежащій на площади, и сдѣлать на немъ крышу, такъ однакоже, чтобъ онъ не имѣлъ фигуры крестца, фундамента-же не распространять и новаго не строить; кромѣ того оставляемъ за ними кладбище ихъ, огороженное каменною стѣною, и самую стѣну позволяемъ починить и покрыть гонтомъ. Приказываемъ также, чтобъ въ этомъ дѣлѣ они ни отъ кого не терпѣли помѣхи и притѣсненія. Въ чемъ,

(1) Владиславъ IV, вступивъ на польскій престолъ, не хотѣлъ, какъ известно, отказаться отъ титула Московскаго царя, изъ за чего произошли войны съ Михаиломъ Теодоровичемъ.

для лучшего удостоверенія подписавшись рукою нашею; повеле-
ди приложить печать вел. княжества литовскаго. Дать въ Виль-
нѣ, 20 днѣ мѣсяца юля, года Господни 1633, царствованія же
нашего въ королевствахъ: Польскомъ въ первый, а Шведскомъ (?)
во второй годъ.— Vladislaus Rex. Эти самыя привилегіи под-
тверждены потомъ въ 1649 года въ Краковѣ на коронаціонномъ
сеймѣ Яна Казимира, но съ добавленіемъ, что лютеранамъ «до-
зволителей, по ихъ собственному желанію, покрыть свой домъ и
кладбищенскую ограду не только галтомъ, но и черепицею.» О
такихъ пустякахъ рассуждаютъ на государственомъ сеймѣ; какъ
будто это дѣло необыкновенной политической важности; да и не
мудрено, если на польскомъ сеймѣ, по праву равенства, участво-
вали шляхтичи-запознани, умственная дѣятельность которыхъ во
всю ихъ жизнь состояла только въ хлопотахъ о своей катѣ.

Между тѣмъ королевскіе лютеране съ своимъ пасторомъ дол-
жны были переносить разныя насмѣшки и обиды, наносимыя имъ
на улицѣ и въ домахъ, по наущенію іезуитовъ; оборонялись ли
они, достоверно не извѣстно, только іезуиты 1650 г. обвинили протестантовъ въ возмущеніи, на что совѣтъ 12-ти далъ слѣдующее
объясненіе: «Мы, старшины Августанской конфессіи города Жол-
на, собравъ отъ нашего проповѣдника достаточно доказательствъ
въ томъ дѣлѣ, въ которомъ обвиняютъ насъ ихъ милость отцы
Іезуиты, отвѣщаемъ такъ: когда проповѣдникъ нашъ въ обычное
время шелъ на богослуженію, неизвѣстно какой-то мальчишка на
улицѣ не только нападъ на него, но и непристойными словами
сталъ надъ нимъ издѣваться и кричать, и наконецъ подступилъ
такъ близко, что проповѣдникъ долженъ былъ его оттолкнуть,
но чтобъ онъ избилъ его до крови, этого никогда не бывало
напротивъ того, идя мимо восцѣла отцовъ Іезуитовъ, какъ чрезъ
площадь, такъ и заукама, и часто терпя срамныя слова и му-
щасмыя за нимъ буски грязи, пасторъ, желая сохранить спокой-
ствіе, все это переносилъ терпѣливо и только сообщилъ старши-
ну отцовъ Іезуитовъ, который просилъ его, ничего не бояться и
увѣрялъ въ спокойствіи на будущее время; однакожь потомъ
1-го мая, когда проповѣдникъ нашъ возвращался съ богослуженія

мимо косцела отцовъ Іезуитовъ, одинъ изъ ихъ студентовъ бросилъ въ него камень; 3-го мая также одинъ студентъ нѣсколько разъ стрѣлялъ въ окно, гдѣ живетъ проповѣдникъ; на все это мы имѣемъ доказательства и предлагаемъ ихъ на разсмотрѣніе. А такъ какъ жизнь проповѣдника нашего въ опасности и дома, и внѣ дома, какъ бы онъ ни шелъ на богослуженіе: черезъ площадь ая, или проулкомъ сзади косцела отцевъ Іезуитовъ, или же въ иное мѣсто по своей обязанности; по этому — рады-не-рады, мы должны, для одного только спокойствія, хлопотать о другой для него квартирѣ. Но чтобы мы, или проповѣдникъ нашъ замыслили какое-нибудь возмущеніе (какъ это выдумали ихъ милость отцы Іезуиты въ своемъ обвиненіи), то этого не дай Богъ: никогда отъ насъ не могутъ произойти подобныя вещи! Епископъ виленскій узналъ объ этихъ происшествіяхъ, но вмѣшательство его ограничилось только тѣмъ, что онъ написалъ старшему Іезуиту, своему «брату», вѣжливое письмо, въ которомъ проситъ не прибѣгать къ подобнымъ необузданнымъ мѣрамъ и не употреблять въ дѣло студентовъ, потому что это можетъ даже нарушить общественное спокойствіе, а обращать заблуждшихся лучше «по указанію Апостольскому» католическимъ вѣрученіемъ. Вслѣдъ за тѣмъ іезуиты снова обвинили лютеранъ въ возмущеніи и занесли въ городской магистратъ жалобу, что нѣкоторые нѣмцы, не обращая вниманія на строгость законовъ противъ осквернителей святыни, и въ обиду католической церкви, изъ давно затаеннаго желанія мести противъ іезуитовъ (слово «мечь» показываетъ, что если лютеране и нанесли іезуитамъ оскорбленіе, то имѣли къ тому причину), подговорили своевольныхъ и буйныхъ людей своей конфессіи къ слѣдующему гнусному дѣлу: «образъ надъ воротами и самыя двери, ведущія въ монастырь, съ намалеваннымъ тамъ именемъ и изображеніемъ Іисуса и Ангеловъ, ко гнѣву Божию и сраму человѣческому, умыслили запачкали грязью и каломъ, также дверь, которою входятъ въ косцель достопочтенныхъ отцовъ Іезуитовъ, разбили каменьями и завалили грязью. И кромѣ этого грубаго и злостнаго поступка, они еще клеветами и скверными пасквилями на отцовъ Іезуи-

товъ хотѣли склонить на свою сторону г. Эрнеста Корфа, сына Вейденскаго воеводы, Жосленскаго старосту, чтобъ онъ защищалъ Августанцевъ въ магистратъ. Все это дѣло касается не только многихъ почтенныхъ духовныхъ особъ, но и большого числа родовитой дворянской молодежи, занимающейся въ монастырскомъ зданіи науками, подъ руководствомъ отцовъ Іезуитовъ. Это происшествіе случилось 9 мая; іезуиты оставили послѣдствія его до 21 мая (вѣроятно, чтобъ показывать народу и вооружать его противъ нѣмцевъ-носрамителей), потомъ подали упомянутую жалобу въ магистратъ; этотъ нарядилъ слѣдственную комиссію, которая снова, со всѣми подробностями, описала и занесла въ городскія книги нанесенный косцелу позоръ и представила на судъ вѣденскому епископу, съ просьбою, чтобъ онъ позволилъ истребить общественныя зданія лютеранъ. Епископъ въ отвѣтъ написалъ 31 мая письмо къ магистрату и іезуитамъ, въ которомъ дѣлаетъ имъ выговоръ, что изъ за пустяковъ они готовы поднять возмущеніе, вредное для церкви Божіей и Ръчи Посподитой, особенно въ эти несчастныя времена (Польша воевала тогда съ Малороссією, Россією и Швецією), далѣе говорится въ письмѣ: «Требуете, чтобъ сломать Сасскій молитвенный домъ! Да кто-же изъ св. Апостоловъ это дѣлалъ? Это свойственно только тому, у кого нѣтъ здраваго смысла. Мыслями св. писанія и богословіемъ надо воевать съ противниками, дѣйствовать на нихъ ученостію и святостію жизни! но подымать шумъ изъ за какой-нибудь ребяческой пакости — вещь глупая и вредная общественному покою! ужъ тутъ надо имѣть такую пустую голову... шиломъ бы вамъ просверлить да мозгу прибавить!... Смотрите, чтобы впередъ такихъ абсурдовъ не дѣлалось. Вѣдь знаете, что со дня на день должно страшиться нашествія Шведовъ, а эти новые апостолы, трутни (т. е. протестанты) могутъ соединиться съ ихъ могуществомъ или бѣжать за границу, гдѣ ужъ и теперь имѣютъ постоянныя сношенія съ Давцигомъ, Кенигсбергомъ, Ригою».

Въ томъ же 1655 году ковенскіе лютеране получили отъ короля разрѣшеніе перестроить свою церковь. Уже раньше (1648)

они просили виленскаго епископа о позволеніи перенести, для большаго удобства, церковь свою изъ верхняго этажа въ нижній, на томъ основаніи, что «ходить покрутымъ лѣстницамъ неудобно, особенно для людей преклонныхъ лѣтъ, или страдающихъ подагрою, или слабаго здоровья, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, особенно беременнымъ женщинамъ (которыя подвергались отъ этого преждевременнымъ болязнямъ)». Епископъ снарядилъ комисію для осмотра зданія, и удостовѣрился, что нижній этажъ и въ длину и въ ширину нисколько не обширнѣе верхняго, и что потому новое помѣщеніе не будетъ благомыслие и величественнѣе прежняго (а на это католики обращали особенное вниманіе), согласился и предложилъ дѣло на разрѣшеніе великому канцлеру литовскому; дѣло тянулось шесть лѣтъ, послѣ чего лютеране получили наконецъ отъ имени короля дозволеніе: «сложивши полъ, раздѣляющій оба этажа, перенесте свой сборъ въ нижній, и построятъ здѣсь олтари, скамьи и другія церковныя принадлежности, или же перенести туда старыя, бывшія во второмъ этажѣ. Имѣя однако въ виду предупредить волненія, которыя могутъ при теперешнихъ обстоятельствахъ произойти въ городѣ отъ самой малой причины, опредѣляемъ, не увеличивать новаго помѣщенія ни въ длину, ни въ ширину; колоколовъ большихъ и малыхъ не употреблять; проповѣдей не говорить ни на какомъ языкѣ, кромѣ нѣмецкаго, а катихизиса никогда не вводить даже и на нѣмецкомъ; тѣмъ болѣе католическихъ дѣтей римской религіи не брать съ собою и не водить къ богослуженію, что строжайше запрещается 1); съ начала богослуженія до конца онаго, каждый разъ

1) Что Лютеране въ Литвѣ пытались иногда обратить въ свою вѣру католиковъ, видно между прочимъ изъ квитанціи (1668) ковнскаго ксендза-пиебана, въ которой говорится: что старшина и граждане лютерской религіи обратили его слугу на свѣю вѣру и помогли ему свѣтами, деньгами и рекомендательными письмами бѣжать въ Кенигсбергъ, вслѣдствіе чего ксендзъ жаловался на это преступленіе магистрату и завелъ процессъ, но помирился съ лютеранами на томъ, что принялъ отъ нихъ 536 золотыхъ (на жасцельный колоколь), за которое удовлетвореніе выдаетъ росписку, и этимъ отказывается отъ всякихъ претензій на своего бывшаго слугу, съ тѣмъ одною условіемъ, чтобы лютеране впредь не совращали католиковъ въ свою вѣру.

должны держать двери на запорты; въ случаѣ нарушенія этого приказа Августанская община заплатитъ штрафъ 1000 червонцевъ въ пользу нашей казны и будетъ на вѣчныя времена лишена своего молитвеннаго дома.» — Опасеніе короля и виленскаго епископа, что на Ковно нападетъ непріятель, сбылось; только не шведы, а русскіе, ратуя съ Польшею за Малороссію, овладѣли Ковномъ въ 1655 г.; францы, ужь и безъ того зануганные, пріѣхавши въ еще болѣе большой страхъ, и боясь, чтобы не потерпѣли икъ коммерческіе обороты, ушли въ Пруссію, преимущественно въ Кенигсбергъ, гдѣ оставались до 1662 г. Возвратясь въ Ковно, они нашли вмѣсто своей церкви только четыре стѣны: домъ этотъ былъ истребленъ пожаромъ (какъ видно изъ послѣдующаго процесса 1676 г.); лютеране стали отправлять свое богослуженіе въ развалинахъ подъ открытымъ небомъ и просили короля о позволеніи произвести починку зданія. Язъ Казиміръ, за собственноручнымъ своимъ подписомъ, присылаетъ въ 1664 г. въ ковенскій магистратъ рескриптъ, которымъ проситъ не возбранять лютеранамъ строить крышу на ихъ соборѣ, но узлавъ, что его воля не исполняется, онъ письмомъ своимъ къ виленскому епископу (1665 г.) проситъ его авторитетомъ епископскимъ содѣйствовать исполненію королевскаго приказанія: «жаждемъ и искренно упрашиваемъ васъ, чтобы, вопреки праву, данному диссидентамъ нами и предшественниками нашими, съ нами такъ сурово не поступали и не запрещали имъ починить ихъ домъ и покрыть кровлею.» Не смотря на то, католики даже запретили лютеранамъ совершать богослуженіе, и въ космелахъ провозглашалась атакема противъ всѣхъ, кто будетъ участвовать въ возобновленіи «вѣтепкой синагоги», съ угрозою штрафа въ 6000 червонцевъ! Виленскій епископъ прислалъ въ Ковно комиссію, обязанную потребовать соблюденія привилегій протестантовъ и надзирать за безразличными произведеніемъ, перестройки ихъ церкви; магистратъ не противурѣчилъ, но его милость господина ковенскій воить не согласился; комиссія, съ старшинами Августанской конгессіи, показывавшему и читали приказъ его кор. величества, но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ и запретилъ постройку.» Протестанты, видя,

что мирными средствами имъ не добиться признанія своихъ правъ, принялись за постройку сами, вооруженною рукою отбиваясь отъ вражескаго нападенія; магистратъ, доноси объ этомъ дѣлѣ въ Вильну, приводить слѣдующія подробности: «Узнавъ о мятежѣ, весь магистратъ, войтъ и бургомистры, съ комендантомъ ковенскимъ, хотѣли остановить противузаконное дѣло, придерживаясь рескриптовъ короля и инструкцій (?) неслыханнаго епископа и епископа ковенскаго. Но августанцы, поступая съ большимъ упорствомъ, и собравшись цѣлою громадою насильно, днемъ и ночью, въ броне, съ оружіемъ, приготовленные къ бою, принялись со стрѣлбою починаютъ и покрывать свое зданіе; притомъ давали грубые отвѣты, вся громада единодушно кричала: «пренебрегаемъ вашимъ запрещеніемъ! вооруженные, мы теперь посмотримъ, кто намъ будетъ препятствовать: не одинъ изъ васъ полежитъ вверхъ ногами!» Старшина же ихъ возглашалъ: «будемъ строить во имя Господне!» а господина войта, протестовавшаго на это и приказывавшаго прекратить постройку, ругали бунтовщикомъ, издали показывая какія-то королевскія привилегіи, а въ руки не давая, и посылая въ магистратъ, если угодно, прочесть копіи тѣхъ привилегій; наконецъ, замкнувши ворота, не выпускали оттуда говоренныхъ и нанятыхъ ими (даже изъ другихъ городовъ) разныхъ ремесленниковъ, и заставляли ихъ день и ночь работать надъ постройкою.» Дѣло кончилось тѣмъ, что лютеране были побѣждены, а церковь ихъ запечатана; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ (1666), по просьбѣ ихъ депутатовъ, король приказомъ своимъ велѣлъ членамъ магистрата снять печать (подъ угрозою штрафа въ пользу короля и обиженныхъ), причѣмъ замѣчаетъ, что если они, возбравъ августанцамъ починаютъ свой домъ, основывались на его рескриптахъ, то эти рескрипты были ими дурно растолкованы (*male narrata*), придерживаясь же инструкцій епископа они не имѣли права, а слѣдуетъ лучше исполнять древнія привилегіи августанцевъ въ свободѣ вѣроисповѣданія, клятвенно подтвержденныя королемъ и сеймовыми конституціями. Преемникъ Яна Казимира Михайлъ (Корвуть-Вишневецкій), вступая на престолъ, на коронаціонномъ сеймѣ 1669 г., подтверждалъ

привилегіи протестантовъ (содержаніе этого документа совершенно сходно съ привилегією 1633 г. Владислава IV), а въ слѣдующемъ году далъ ковенскому магистрату рескриптъ, въ которомъ дѣлаетъ выговоръ ксендзу-пшеору соборнаго костела за его насилія противъ диссидентовъ, которыми нарушается ихъ право *Liberi Exercitii Religionis*, и дается поводъ къ возмущеніямъ, и требуетъ, чтобы магистратъ не только самъ не дѣлалъ никакихъ насилій изъ религіозныхъ причинъ, но и если бы своевольные люди, какому бы званію они ни принадлежали, рѣшились своимъ буйствомъ нарушить спокойствіе города, то таковыхъ жестоко покарать, какъ враговъ общественнаго благоденствія; въ заключеніе король дѣлаетъ (необходимое!) замѣчаніе, чтобы его «рескриптамъ не давали превратнаго смысла и не растолковывали ихъ дурно, ко вреду правамъ диссидентовъ.» Но никакіе королевскіе угрозы не могли улучшить положенія лютеранъ, и депутаты ихъ безпрестанно осаждали короля мольбами о защитѣ. Янъ III Собѣсскій, избранный на престолъ послѣ Михаила, на коронаціонномъ сеймѣ 1676 г., снова даетъ протестантамъ привилегію, подтверждающую всѣ ихъ прежнія права, и посылаетъ въ ковенскій магистратъ рескриптъ, въ которомъ говоритъ, что ксендзъ-пшеоръ и магистратъ, не смотря на столько приказаній, съ 1666 года до настоящаго времени, не позволяли, и теперь еще не позволяютъ, гражданамъ ковенскимъ августанской конфессіи возобновить разоренный, во время нашествія непріятелей, домъ, въ которомъ они съ давнихъ временъ имѣютъ право совершать свое богослуженіе, отчего они терпятъ лишенія, издержки и доведены до окончательной гибели: по этому приказывается магистрату не притѣснять и другихъ удерживать отъ притѣсненій, а въ случаѣ ослушанія взимается штрафъ въ 10000 червонцевъ, изъ которыхъ одну половину должно будетъ уплатить въ государственную казну, а другую жалобщикамъ. Послѣ этого іезуиты, опасаясь, чтобы чрезъ ихъ упорство не лопнуло королевское терпѣніе, условились не противудѣйствовать протестантамъ; злосѣя однакожь, что лютеранская церковь будетъ красоваться у площади между ихъ соборными и бернардинскими костелами, они попросили

вильякскаго епископа призвать лютеранамъ построить свой богослужебный домъ подалше отъ нихъ, гдѣ-нибудь въ глуши. Епископъ, конечно, согласился и прислалъ въ Ковно комисію, которая занялась разсмотрѣніемъ этого дѣла и написала цѣлую тетрадь общихъ фразъ, которыми сжались обвинить протестантовъ въ небывалыхъ преступленіяхъ; обвиняются они, напр., въ томъ, что «частный домъ у площади, посреди католическихъ костеловъ, но всеобщему скандалу костеловъ Божіихъ, обратили въ сборище саскаго богослуженія и выставили свои алтари супротивъ алтарей, осмѣлялись основывать свои училища, и публично и насильственно, вооруженною рукою, передъ всѣмъ народомъ исповѣдывать свою вѣру, чрезъ что происходить не только скандалъ для костеловъ Божіихъ, но и явная опасность возбужденія мятежа и безирестанный случай къ стычкамъ между ими и иезуитскими студентами, которые притомъ шляхетскаго происхожденія»; по этому комисію, такъ какъ происходили возмущенія, «и могли бы впредь произойти», соображаясь съ рескриптомъ 1618 г. «святой памяти» короля Сигизмунда III, настоящимъ своимъ декретомъ обращаетъ помянутый каменный сборъ августанской конфессіи въ частное жилище, съ тѣмъ, чтобъ «августанское богослуженіе не возвращалось въ него никогда, ни подъ какииъ названіемъ и предлогомъ»; въ заключеніе члены комисіи снабжаютъ лютеранъ инструкціею, гдѣ и какъ должно происходить ихъ богослуженіе: «позволяемъ имъ перенести свое богослуженіе въ мѣсто отдаленное отъ городской площади и римско-католическихъ костеловъ, то есть — въ каменный сарай, находящійся въ заулкѣ надъ самымъ берегомъ Нѣмана, минувши лядовскую улицу; и этимъ мѣстомъ пользоваться не иначе, какъ съ слѣдующими условіями: прежде всего, не устраивать зданія своего августанскаго по образцу и формѣ костеловъ святой римско-католической религіи, оконъ на улицу не дѣлать, развѣ на задній дворъ, но все-таки на подобіе частнаго строенія, съ низшею кровлею и безъ башенокъ; богослуженіе свое чтобъ отправляли въ нижнемъ этажѣ, не смѣли также выставлять ни крестовъ снаружи, ни какиихъ-либо другихъ церковныхъ знаковъ;

чтобъ не осмѣивались имѣть колокольни и употреблять колокола; притомъ, чтобъ не отваживались строить школы свои и госпиталь ни у того дома, ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, согласно рескрипту 1618 г. короля Сигизмунда III, исключая только квартиры проповѣднику, принадлежащему къ ихъ богослуженію, которому позволяемъ жить тамъ-же, въ мѣстѣ отъ насъ назначенномъ, для того, чтобъ не осмѣивался кватировать ни у площади, ни на какой улицѣ, и чтобы проповѣдникъ избѣгалъ случая производить стычки и возмущенія; при погребальныхъ процессіяхъ, провожая тѣла умершихъ августанской конфессіи, должны сколь можно остерегаться, чтобъ не идти мимо ни одного римско-католическаго коцела; а если ужъ не могутъ этого избѣгнуть, то идти тихо, и не пѣть при тѣлѣ умершаго, развѣ ужъ совершенно миновавши площадь города Ковна и все коцелы римскаго исповѣданія и находящіяся при нихъ кладбища; а вступивши въ ограду своего кладбища, они могутъ, по древнему обычаю, совершать всякіе обряды, сообразно своему вѣроисповѣданію. А что касается до клеветы, возведенной гражданами ковенскими августанской конфессіи на духовенство кафедральнаго коцела, то они должны будутъ за эту обиду уплачивать теперешнему канцлеру-иниору, нацъ и преемникамъ его, 150 золотыхъ ежегодно, на вѣчныя времена. Лютеранъ zostавили согласиться, и они взданы устранивать себя даркомъ въ указанномъ мѣстѣ (гдѣ она существуетъ и понынѣ) 1). На этомъ однакожъ гоненія не остановились. Ограниченія были со всею суровостью возобновляемы владѣтельными епископами по нѣскольку разъ (напр. 1688, 1725). Чтобы поминать лютеранамъ совершать богослуженіе, католики задумали посадить въ тюрьму единственнаго, находившагося

*) Не будучи въ состояніи на собственные средства произвести постройку, лютеране просили вспоможенія у своихъ русскихъ единовѣрцевъ, и получили изъ Кенигсберга 800 талеровъ добровольнаго приношенія. Такъ какъ этой суммы было недостаточно, то попросили въ займы еще 1000 талеровъ. Важнѣе капиталы въ Пруссіи для протестантовъ было выгодно; тамъ съ нихъ брали 5 процентовъ, а если занимали въ Ковнѣ, у католиковъ, то надобно было платить 10.

въ Ковнѣ протестантскаго проповѣдника: послѣдній въ 1685 г. обратился въ магистратъ съ жалобою на какую-то обиду со стороны ковенскаго аптекаря (бывшаго прежде лютераниномъ); вмѣсто произведенія сѣдети, пастора взяли подъ арестъ и грозили взять съ лютеранъ 1000 червошцевъ штрафа, если будутъ молиться въ своей церкви, такъ что имъ пришлось оставаться безъ богослуженія даже въ свѣтлый Христовъ праздникъ. Протестантскими депутатами было сообщено Яну Собѣскому какъ объ этой продѣлкѣ, такъ и о ежегодномъ поборѣ 150 злотыхъ. Виленскій епископъ находился въ то время въ Варшавѣ и по приказанію короля написалъ всендзу-канонику виленскому, чтобъ онъ избавилъ ковенскихъ лютеранъ отъ побора и освободилъ проповѣдника. Этотъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы, просидѣвши въ ней одну ночь около 4 мѣсяцевъ. Послѣ этого происшествія (напоминающаго намъ пасочный сборъ въ Малороссіи) сѣдуетъ опять цѣлый рядъ королевскихъ рескриптовъ и виленскому епископу о соблюденіи свободы вѣроисповѣданія диссидентовъ, и ректору іезуитскихъ студентовъ въ Ковнѣ, чтобъ онъ велѣлъ своимъ питомцамъ вести себя поскромнѣе и запретилъ бы нападать на похоронныя и свадебныя процессіи протестантовъ. Рескрипты остались, конечно, бесплодны. Лютеране жалуются, что въ первый день Рождества Христова (1702), во время богослуженія, нѣсколько іезуитскихъ студентовъ вломилась въ ихъ церковь, съ громкимъ крикомъ и хохотомъ передразнивали ихъ пѣнопѣніе, мѣшали пастору говорить проповѣдь и, выходя изъ церкви, кричали разныя позорныя и срамныя слова; хотя лютеране и обратились къ ректору іезуитовъ и сообщили имена буяновъ, но не получили никакого удовлетворенія. Безнаказанность сдѣлала іезуитскихъ питомцевъ (польскую «родовитую шляхту», какъ сами іезуиты ихъ называютъ) еще наглѣе: они напали (1707) на причетника лютеранской церкви и, поваливши его на каменное крыльцо своего училища, избили до полусмерти; члены магистрата по жалобѣ совѣта 12-ти отправились къ обиженному для разъясненія дѣла; они нашли его въ постели, харкающаго кровью, видѣли, что вся спина его окровавлена отъ ударовъ дубинами, нога перелом-

лена, лице окровавлено и изуродовано камнями, причемъ больной разсказалъ слѣдующее: «когда меня въ первый разъ ударили господа студенты отцовъ іезуитовъ, то голова моя очутилась на камнѣ, а ноги на землѣ; потомъ мнѣ заткнули ротъ, чтобъ я не кричалъ, а когда ужъ меня избили, какъ хотѣли, и я упалъ съ камня, они прислушивались, живъ ли я еще, и когда я, долго лежавши поднялъ голову, они снова положили меня на камень, и еще крѣпче избили, чѣмъ прежде. Потомъ когда жена моя и г. Антонъ Розенбергъ пришли спасать меня, они и въ третій разъ меня избили, такъ что я едва былъ спасенъ; а когда меня принесли въ домъ г. Розенберга, то и тамъ искали меня съ неистовыми криками, но не могли найти, потому что я былъ хорошо спрятанъ; послѣ этихъ мученій, я теперь сомнѣваюсь въ моемъ излѣченіи, потому что кровь течетъ сильнѣе и я все болѣе ослабѣваю.» Это происшествіе, вполне достойное іезуитскихъ учениковъ, было занесено въ магистратскія книги, но, кажется, осталось безъ всякихъ послѣдствій, (въ противномъ случаѣ сохранилась бы въ лютеранскомъ архивѣ хоть копія съ послѣдовавшей резолюціи); виленскій епископъ только совѣтуетъ магистрату не нарушать древнихъ правъ диссидентовъ, такъ какъ всѣ короли на коронаціи присягою обязуются соблюдать ихъ.

(Продолженіе впереди).

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

In the second section, the author outlines the various methods used to collect and analyze the data. These include direct observation, interviews with key personnel, and the use of specialized software tools. Each method is described in detail, highlighting its strengths and potential limitations.

The third section presents the results of the study. It shows that there is a significant correlation between the variables being measured. The data indicates that certain factors have a positive impact on the overall performance of the system being studied.

Finally, the document concludes with a series of recommendations based on the findings. These suggestions are aimed at improving the efficiency and accuracy of the processes involved. The author believes that implementing these changes will lead to a more streamlined and effective operation.

III.

НОВѢЙШАЯ ПРОПАГАНДА.

Всему міру извѣстно, что нашъ простой южно-русскій народъ выпшелъ, изъ отеческой-dziedzicznej опеки ясновельможныхъ пановъ, не только бѣднымъ, нищимъ, но,—что всего печальнѣе,—грубымъ, невѣжественнымъ, искаженнымъ, искалѣченнымъ душевно и нравственно. Но то еще не бѣда, если нашъ простолюдинъ, благодаря гуманности и сердоболію ясновельможныхъ милостивцевъ, едва умѣетъ затесать колъ для плетня, стачать самую неуклюжую телегу, если онъ, вообще, по дѣламъ техники и коммерціи, совершенный невѣжда, далеко отставшій на пути промысла и мастерства отъ своего собрата великоросса,—самаго предпріимчиваго, промышленнаго и мастераваго человѣка;—все это говоримъ еще пол-бѣды. Не много времени, отдыха—и нашъ простолюдинъ познакомится съ мастерствами и промыслами. Но вотъ горе, достойное глубокаго сожалѣнія,—что нашъ южно-русскій обязанъ попеченію и управленію милостивыхъ самими черными своими пороками!!—Стоитъ ли тутъ изображать мрачную картину нравственности нашего южно-русскаго мужичка, когда она всеѣмъ такъ извѣстна! Могла ли развиваться нравственность нашего крестьянина подъ опекой *dziedziców, rząców, possessorów, ekonomów*,—короче и яснѣе—подъ опекой *toż, pańskóv, kanczuków, arapników*? Панскій деспотизмъ и гнѣтъ, давившій и тормозившій на каждомъ шагу нравственное и матеріальное улучшеніе крестьянина, пріучилъ, принудилъ его лукавить и хитрить: молотить, надримърь, не вымолачивая, вязать снопы, не сжимая ихъ, роняя колосья, пахать, не подрѣзывая земли,

косить въ полтравы. Вѣчный трудъ, горе и нищета приучили горемыку искать утѣшенія, или хоть забвенія своихъ страданій, своей недоли, въ сивухѣ; заливать свои раны и боли ея одурающимъ свойствомъ; непрерывность египетскихъ работъ, подъ которыми стоналъ народъ русскій, заставила его или работать на себя только въ праздники, или бѣгать, въ воскресные и праздничные дни, по ярманкамъ;—такъ называемыя толочи и выписи (расчеты по барщинѣ), назначаемыя панствомъ въ воскресные и другіе св. дни, сѣнокосъ, наприм., жатва, свозъ хлѣба съ полей въ такіе дни, какъ день св. ап. Петра и Павла, Преобр. Господня, Успенія *Божіей Матери*; работа и порка въ дни говѣнія,—все это ослабило любовь народа къ церкви, благоговѣніе къ богослуженію, уваженіе къ праздникамъ православнымъ. Эта мрачная туча, въ теченіи вѣновъ висѣвшая надъ головою нашего народа, хоть и пронеслась, но оставила за собой глубокіе слѣды нравственнаго и материальнаго опустошенія.

Послѣ прекращенія панской надъ народомъ деспотіи, послѣ сдачи въ архивъ разныхъ сортовъ нагаемъ, конечно, стануть заживать и нравственные язвы нашего южно-русскаго народа; но въ томъ-то и несчастіе, что безъ сторонней помощи и участія; онѣ будутъ заживать почти незамѣтно, безъ замѣтнаго вліянія на здоровье народнаго организма. Отъ чего это? *Вельможные и шановныя тамы* прежде деспотизмомъ деморализовали народную нравственность, а теперь ловкими маневрами парализуютъ и уродуютъ христіанскую сторону жизни нашего простаго народа. Они изобрѣли для этого такое средство, которому позавидовалъ бы и самъ незабвенный Лойюла,—это денежный расчетъ съ народомъ за полевые и всѣ хозяйственные работы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Въ эти только дни панство ведетъ свои счета съ народомъ у насъ—во всей околицѣ, и чуть ли не во всѣхъ другихъ. „Чтожь? панство дѣлаетъ, возразятъ намъ, хорошее дѣло, выплачивая народу заработанныя деньги!“ Казалось бы такъ, но въ существѣ дѣла,—въ выборѣ панствомъ времени для такихъ расчетовъ, заключается много зла нравственно-религіознаго, этого главнѣйшаго зла для народной жизни.

Обыкновенно начинаются расчеты или наканунѣ воскреснаго или праздничнаго дня, или рано утромъ въ празд-

нужный день. Въ то время, когда въ церкви совершается вечернее богослуженіе, чаще всего въ то время, когда совершается божественная литургія, въ эти священнѣйшія для христіанина минуты, народъ, по предварительному нанскому оповѣщенію (пошедшему въ привычку) чрезъ своихъ вѣстовыхъ „ассалъ“, — минуя св. храмъ Божій, торопится въ панскій или эконоискій дворъ для расчета, для объясненія по работамъ, для полученія причитающихся денегъ. Помытно, что отъ такой системы расчетовъ, церкви остаются, во время богослуженія, почти пусты, а панскія прихожія, сѣни, даже подворья набиты народомъ, жаждущимъ получить заработанную копѣйку. Можно ли придумать болѣе неприличное время для житейскихъ расчетовъ, вторые весьма легко покончить во всякое другое, хоть бы въ праздничный день вечеромъ? Можно ли найти болѣе хитрое средство для лишенія народа руководительства церкви, освѣщенія и освященія своей души религіей, назиданіемъ и вразумленіемъ, почерпаемымъ изъ пастырскихъ, во время богослуженія, поученій, — для ослабленія и подрыва нравственно-религіознаго начала челоука, безъ котораго онъ нисходитъ на степень животнаго едва ли *разумнаго*? Народъ нашъ, по своей исторической судьбѣ, очутился въ состояніи невѣжества и нравственной грубости. И такъ если онъ, по множеству панскихъ воскресно-праздничныхъ расчетовъ, станетъ бѣгать церкви, по цѣлымъ мѣсяцамъ и полугодіямъ перестанетъ участвовать въ богослуженіи, то что изъ него выйдетъ, въ самомъ не далекомъ будущемъ? Не отемнѣетъ ли онъ окончательно, не огрубѣетъ ли онъ неисправимо? Въ св. храмовъ, неоваряемый свѣтоноснымъ словомъ божественнаго Евангелія, не согрѣваемый благодатнымъ вліяніемъ богослуженія, этотъ народъ будетъ по имени только христіанскій.....

Мало того, что панскіе воскресно-праздничные расчеты отторгаютъ народъ отъ церкви, отъ участія въ богослуженіи, они еще толкаютъ народъ въ самую глубь проповѣди. Чтобы видѣть пагубные результаты выше сказанныхъ расчетовъ, мы расскажемъ просвѣщенной публикѣ эпизоды одного расчета, сцены котораго разыгрывались предъ нашими глазами. Расчетъ этотъ начался съ вечернимъ благовѣстомъ; словно послѣдній былъ сигналомъ для перваго. Когда заунывно разливался въ сельской тиши благовѣстъ

къ вечерни, народъ группами плелся не во храмъ Божій, — принести Богу жертву вечернюю, а въ панскій дворъ. Когда совершалось вечернее богослуженіе, — церковь, въ буквальномъ смыслѣ, была пуста; а панское подворье, въ то самое время, было залито массаи народа. Расчетъ продолжался до разсвѣта — воскреснаго дня. Народъ, получивъ чрезъ ночь деньги, торопился къ шинкамъ, которыхъ, по услужливости евреевъ, явилось довольно въ селѣ, и тамъ предавался разгулу-пьянству, и панскія деньги чрезъ жида возвращались снова къ пану. Когда началась божественная литургія, ночные гуляки или хралѣли, или валялись воелѣ шинковъ, по улицамъ, или продолжали ночную оргію. Послѣ литургіи, спавшіе просыпались и, привлекаемые близостію шинковъ и долетавшими до нихъ веселыми звуками, спѣшили похмѣлиться. Это пьянство, козлогласованья, какой то дикій вой, шумъ, бранный крикъ, драки, начавшись съ разсвѣта воскреснаго дня, продолжались за полночь, противъ понедѣльника. Немного спустя, мы узнали, что въ то время, когда многіе, хватившіе по горло, хралѣли по улицамъ, у одного изъ этихъ несчастныхъ, валявшагося на вучѣ сору у корчмы, украдено 25 р. с., добытыхъ, конечно, длиннымъ рядомъ рабочихъ дней. И вся эта грустная картина, осквернившая святость воскреснаго дня, поправшая самыя святыя обязанности; обязана своимъ исполненіемъ легкой рукѣ панскаго расчета! Ужели подобныя языческія сцены и оргіи должны повторяться, продолжаться? Правда, похожія сцены могутъ совершаться и въ будніе дни, по случаю денежныхъ расчетовъ съ панствомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онѣ будутъ тогда совершаться не въ такомъ ужасающемъ размѣрѣ, такъ какъ въ будніе дни — самая неотложность работъ много можетъ удерживать сельскихъ кутилъ отъ корчемныхъ оргій; а съ другой стороны будничное бражничанье, хотя и не ослабитъ порока, но все таки не будетъ идти, такъ сказать, въ явную борьбу съ намѣреніями церкви, съ святостію воскреснаго или праздничнаго дня, и возлагаемыхъ имъ на христіанина обязанностей.

И такъ, во имя озаренія народа свѣтомъ евангельской истины, во имя чистоты народной нравственности, во имя спасенія этой нравственности отъ растлѣнія и цинизма, — мы рѣшаемся возвысить свой умоляющій голосъ къ властемъ предрѣдающимъ и просить ихъ — обратить свое благо-

творное вниманіе на ту пагубу, какая происходитъ для народной нравственности съ поводу денежныхъ расчетовъ, открываемыхъ панствомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ,—въ самые часы церковнаго богослуженія. Это самая хитрая уловка іезуитской пропаганды, для растлѣнія народной нравственности, подрыва религиозныхъ убѣжденій, возвращенія панскихъ денегъ къ своему источнику и обнищанія народа; противъ нея и мѣры—самыя скорыя и дѣйствительныя. Конечно, голосъ одного—другаго пастыря церкви не пресѣчетъ зла, какъ таящагося въ воскресно-праздничныхъ расчетахъ, такъ и вытекающаго изъ нихъ. Какъ самое панство, ни во что поставляющее сельскаго пастыря, такъ и самый народъ, соблазняемый и увлекаемый возможностью, удобствомъ, съ полученіемъ денегъ, предаться разгулу въ праздничный день,—пренебрегутъ отеческимъ голосомъ священника, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ священники, подъ вліяніемъ своего житейскаго гнета, своихъ тяжелыхъ хозяйственныхъ хлопотъ,—могутъ и не обратить своего вниманія на новую панскую пропаганду, пагубнѣе которой едва ли изобрѣла что либо ксендзошляхетская злость. Чтожь намъ предпринять? Естественнѣе и надежнѣе всего то, чтобы панство было обязано подписками, ни подъ какимъ видомъ и предлогомъ, не дѣлать своихъ денежныхъ расчетовъ съ народомъ, по разнымъ дѣламъ, ни въ воскресные, ни въ другіе праздничные дни, а тѣмъ болѣе въ часы богослуженія, совершаемаго въ эти дни, съ представленіемъ таковыхъ росписокъ высшей административной власти. Съ другой стороны прекрасно было бы, если бы, по всѣмъ церквамъ, или волостнымъ управленіямъ нашего края, было прочитано къ народу возваніе высшей власти—не ходить въ воскресные и праздничные дни, а особенно во время богослуженія, ни къ панамъ за расчетомъ, ни съ отобранными *деньгами* по шинкамъ. Мы увѣрены что для православія и народной нравственности, на которыхъ зиждется благо обществъ, обращено вниманіе не только священниковъ, но и высшихъ властей, тѣмъ болѣе, что всякое ихъ распоряженіе народъ принимаетъ съ послушаніемъ и уваженіемъ.

Православный св. Н. Н.

1864 года 27 октября.

Физическіе и нравственныя элементы сѣверо-западныхъ губерній Россіи.

(По поводу матеріаловъ по географіи и статистикѣ Минской губерніи, собранныхъ *И. Зеленскимъ*. 2 части, 1865 г.)

Ст. I.

Въ описаніи губерніи, въ такъ называемыхъ матеріалахъ для статистики и географіи Россіи, входятъ данныя, объясняющія прошедшее и современное положеніе страны, соединенныя въ одно цѣлое по источникамъ большою частію мало извѣстнымъ нашей русской публикѣ, по массѣ рукописныхъ и печатныхъ статей, по грудамъ нетронутымъ десятками лѣтъ матеріаловъ, валяющихся на полкахъ канцелярій.

Въ особенности такія работы весьма важны въ западныхъ губерніяхъ Россіи, которыя, по своей прошедшей жизни, по своему племенному составу и соціальному быту, не исполнѣ еще изслѣдованы. Наукѣ предстоитъ еще здѣсь громадная работа. И потому появленіе всякаго поваго труда о западныхъ губерніяхъ, къ какой бы области свѣдѣній онъ ни принадлежалъ, мы встрѣчаемъ съ особеннымъ сочувствіемъ. Каждый новый трудъ, принадлежитъ ли онъ къ исторіи, или статистикѣ, или этнографіи, или сельскому хозяйству, или области естественныхъ наукъ - есть не только важное приобрѣтеніе въ литературѣ, но и новый шагъ къ политическому объединенію съ Россіей странъ, на которыя до сихъ поръ русское общество, можетъ быть, не обращало надлежащаго вниманія.

Съ особеннымъ сочувствіемъ мы встрѣтили трудъ Г. Зеленскаго: „*Матеріалы для исторіи и географіи Россіи, Минская губернія.*“ Въ его трудѣ мы видимъ добросовѣстную разработку матеріаловъ, встрѣчаемся со многими живыми картинами современнаго быта, знакомимся съ топографическимъ характеромъ страны и народа въ мелчайшихъ отѣнкахъ - и узнаемъ, какъ еще не удовлетворительны наши отчеты, таблицы и разныя вѣдомости, составляемыя даже мѣстной администраціей, изъ которыхъ приходится черпать главные свѣдѣнія для статистики.

Указываемые автором промахи въ исчисленіи пространства и народонаселенія, въ собираніи данныхъ по различнымъ отраслямъ промышленности, по разнымъ учрежденіямъ, заставляютъ насъ разбирать источники и доказывать неточность и небрежность нашихъ первоначальныхъ данныхъ. А между тѣмъ такимъ даннымъ даютъ авторитетъ и значеніе нѣкоторые изъ нашихъ даже весьма замѣчательныхъ статистиковъ. Незначитъ ли это строить зданіе на гнилломъ фундаментѣ!— Критическому анализу въ подобныхъ трудахъ мы придаемъ особое значеніе. Ошибки и противорѣчія въ цифрахъ, указываемыя авторомъ, убѣждаютъ въ необходимости обратить строгое вниманіе на провѣрку нашихъ, даже официальныхъ данныхъ; надобно еще положить много труда на ихъ разработку, прежде нежели приступать къ полной статистикѣ всего государства.— Если бы каждая губернія была описана съ такою добросовѣстностію, съ такимъ умѣніемъ разоблачать неточность источниковъ, съ такимъ искусствомъ обрисовывать всѣ картины современной жизни, то статистика Россіи приобрѣла бы драгоцѣннѣйшіе матеріалы для изображенія вѣрной картины физическихъ и нравственныхъ элементовъ. Трудъ Тенгоборскаго выигралъ бы весьма много въ цѣломъ, если бы сдѣлана была предварительная разработка всѣхъ частныхъ нашего обширнаго отечества. А эти частности столь разнообразны, и у насъ они такъ мало еще разработаны, что на каждый трудъ, обходящій эти частности, какъ бы ни великъ былъ талантъ автора, приходится смотрѣть съ недовѣрчивостію, опасаясь принять за истину — факты, основанные на неточныхъ данныхъ.

Нашимъ статистическимъ матеріаламъ недостаетъ окончательной точности; и это, конечно, самый крупный ихъ недостатокъ. Не сличая этихъ данныхъ, не подвергая ихъ критическому разбору, легко впасть въ невѣрность и дать силу и значеніе не провѣреннымъ фактамъ. И всякій, принимаясь не статистику страны, прежде всего долженъ взяться за эту кропотливую работу. Много пропадаетъ труда, много испортится крови прежде, чѣмъ установится надлежащая цифра, выльется на бумагу надлежащій фактъ. „Мы бы погрѣшили противъ истины, говорить г. Зелен-

скій, обозрѣвая источники свѣдѣній о населеніи края *), утверждая что у насъ нѣтъ статистическихъ данныхъ. Напротивъ: въ каждомъ губернскомъ городѣ найдутся цѣлыя кипы разнаго рода вѣдомостей и отчетовъ о народонаселеніи, въ которыя, повидимому, должно быть записано каждое явленіе въ человѣческой жизни. Сердце ревностнаго статистика должно было бы исполниться радости, при видѣ этихъ грудъ матеріаловъ, этого безконечнаго числа цифръ, на основаніи которыхъ, казалось бы, можно составить вѣрную и точную картину о состояніи края въ данный моментъ. Но чтобы ознакомиться съ нашими официальными свѣдѣніями, — ему достаточно взять нѣсколько вѣдомостей и сравнить ихъ между собою, тогда радость его будетъ напрасная.“ Въ таблицахъ статистическаго комитета встрѣчаются ошибки.

Статистическій комитетъ имѣетъ много формъ для таблицъ, итоги вездѣ подведены вѣрно. Но въ самыхъ цифрахъ не рѣдко встрѣчаются недосмотры и противорѣчія. Статистическія свѣдѣнія доставляются полиціей. Отчего же разница въ показаніяхъ? Простое сличеніе доказываетъ шаткость данныхъ, которыми нужно пользоваться съ необыкновенною осторожностію; и въ нашихъ метрическихъ записяхъ и ревизскихъ сказкахъ есть также недостатки: послѣднія составляютъ важный документъ для всѣхъ государственныхъ соображеній. Ошибки ревизскихъ сказокъ немогутъ быть открыты никакими мѣрами. „Ни разсылка чиновниковъ на мѣста составленія сказокъ, ни страхъ выисканія за прописныхъ, ни постановленія о бѣжавшихъ, находящихся въ отлучкѣ и безъ вѣсти пропавшихъ, не искоренятъ зла, которое между евреями доходитъ до ужасающихъ размѣровъ“ **). Вотъ фактъ, обращающій на себя вниманіе не въ одной Минской губерніи. Обыкновенно дѣтей до 5 лѣтняго возраста считается отъ 12 до 15 процентовъ. Между тѣмъ евреевъ до 5 лѣтъ въ Минской губерніи считается 2. 2%, въ Гродненской только 2! Христіанъ же до 5 лѣтъ, какъ въ той, такъ и другой на 100 приходится около 14 %.

*) Матеріалы 1,431.

**) Матеріалы; 1,440.

нуть всё ревизскія сказки. Но эти сказки для частных лиц не всегда недоступны, хотя въ нихъ заключаются весьма важныя данныя, драгоцѣнныя для статистики. Многія событія человѣческой жизни, отмѣчаемыя въ ревизскихъ сказкахъ—рожденіе, смерть, сдача въ рекруты, нахожденіе въ неизвѣстной отлучкѣ и въ бѣгахъ, переходъ крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому—остаются достояніемъ казенныхъ палатъ. Равно не всегда точны и метрическія книги, въ которыхъ вносятся рожденіе, бракъ и смерть. Недостатки ихъ доказаны еще Журавскимъ *).

При сличеніи двухъ ревизій 9 и 10 и свѣдѣній изъ метрическихъ книгъ г. Зеленскій, для народонаселенія Минской губерніи, получилъ разные итоги.

	9-й (1850)	10-й (1857)
По переписямъ **).	953,059 об. п.	909,025 об. п.
По метрическимъ книгамъ	1,019,689 —	955,099 —

Въ другомъ мѣстѣ авторъ доказалъ, что народонаселеніе губерніи ежегодно увеличивается отъ вліянія одной естественной причины на 1%, а отъ всѣхъ другихъ болѣе полупроцента. Такимъ образомъ, является новое затрудненіе—оказывается, что въ послѣднюю перепись недописано значительное число людей, и однихъ евреевъ неменѣе одной трети.

Не вполне точны и данныя о пространствѣ. Г. Зеленскій представилъ 8 вариантовъ разнообразныхъ цифръ о пространствѣ Минской губерніи ***). Разница между показаніями наибольшимъ 80,272 кв. вер. и наименьшимъ 75,753 кв. вер. въ 4,519 кв. вер. почти соответствуетъ (а по другимъ даннымъ даже значительно превосходитъ) пространству наименьшаго изъ уѣздовъ Новогрудскаго и составляетъ до $\frac{1}{11}$ доли всей площади губерніи. Такой разницы авторъ необъясняетъ и находится вынужденнымъ принять вычисленіе, сдѣланное астрономомъ Цвейцеромъ. Но и по-

*) Матеріалы 1,452. Доводы Журавскаго, въ большинствѣ своихъ положеній и указаній, не состоятельны. Вообще, для статистическихъ данныхъ православнаго народонаселенія, — самыя надежныя точки опоры заключаются въ церковныхъ записяхъ. *Ред.*

**) Подлежащихъ и подлежащихъ перепискѣ, всѣхъ сословій.

***) Матеріалы I. 63.

казаніе г. Швейцера о пространствѣ Минской губерніи не можетъ быть вполне точнымъ.

Въ частныхъ описаніяхъ Россіи по губерніямъ, при всемъ желаніи, мы не можемъ дать вѣрныхъ цифръ о двухъ главнѣйшихъ отрасляхъ статистики-пространствѣ и народонаселеніи. Если и имѣются объ нихъ свѣдѣнія, то эти свѣдѣнія, говоритъ авторъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ стать на ряду съ подобными же данными въ другихъ государствахъ, въ которыхъ межевыя и кадастровыя работы приведены уже къ концу, и гдѣ переписи, распространяясь одинаково на всѣ классы населенія, не имѣютъ той исключительно финансовой цѣли, какую онѣ имѣютъ у насъ *). Такимъ образомъ всѣ усилія нашихъ ученыхъ—поставить отечественную статистику на должную степень—увѣнчаются успѣхомъ не прежде, какъ послѣ тщательной разработки первоначальныхъ свѣдѣній, въ собраніи которыхъ необходимо прежде всего устранить важныя причины ихъ неточности. Тѣмъ не менѣе, однако, данныя, подверженныя критикой, приносятъ большую пользу для науки; эти данныя легче провѣрить въ каждой губерніи отдѣльно. Обширность труда нельзя ставить ни въ упрекъ, ни въ извиненіе, когда требуется добросовѣстный анализъ и критическія изслѣдованія. Въ результатѣ получаются данныя, если и не вполне вѣрныя, то достаточно вѣроятныя для выводовъ. Въ матеріалахъ, собираемыхъ офицерами генеральнаго штаба, если они тщательно разработаны и провѣрены, статистика Россіи получаетъ важное приобрѣтеніе, потому что имѣется возможность ознакомиться съ физическими и нравственными элементами каждой части, cadaго уголка нашего обширнаго отечества.

Статистика, несмотря на свою молодость, уже работала много фактовъ, для уясненія тѣсной зависимости человѣка отъ окружающихъ его свойствъ и явленій природы. Ни одна наука не заключаетъ въ себѣ такого богатства данныхъ для изученія физическихъ и нравственныхъ элементовъ страны. Еще болѣе обширное предстоитъ ей непрямо, когда разработаются специалистами почва, климатъ, естественныя произведенія, и другія явленія физической природы, отъ которыхъ зависитъ существованіе

*) Матеріалы 1,457.

человѣка. Матерія и духъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, вездѣ тѣсно соприкасаются. Чѣмъ благопріятнѣе физическія свойства природы, тѣмъ легче живется человѣку, тѣмъ менѣе употребляется труда на добываніе средствъ существованія, и напротивъ, чѣмъ онѣ суровѣе, тѣмъ болѣе нужно труда, тѣмъ болѣе нужно употребить энергіи человѣку на добываніе пищи, сбереженіе здоровья, накопленіе богатствъ и многоразличныхъ удобствъ жизни.

Наши сѣверо-западные губерніи имѣютъ скудную почву и не благопріятный климатъ; хлѣбъ и плоды созрѣваютъ медленно и требуютъ хорошаго ухода, много стараній, сопряженныхъ съ лишениями. Въ лѣнливой природѣ безпрерывно выдвигаются обстоятельства, разрушающія надежды земледѣльца. Топографическія свойства мѣстности однообразны. Тутъ не проходимыя болота, тамъ—неменѣе доступныя лѣса; рѣки, текуція большими извилинами, мелководны; дороги весною и осенью представляютъ огромныя затрудненія къ быстрымъ сношеніямъ. Во многихъ мѣстахъ, особенно въ полѣсьи, въ такъ называемыхъ припетскихъ болотахъ, гніющая вода заражаетъ атмосферу злокачественными испареніями, развивающими колтуны, уродующій челокѣка,—лихорадки, горячки; трава, растущая на обширныхъ болотатъ, жестка для пицеворенія животныхъ. Естественныя произведенія, обусловливаемые качествомъ почвы и климатомъ, при излишкѣ влажности, не даютъ человѣку достаточно питательной пищи. Все неблагопріятное въ природѣ выражается здѣсь часто повторяющимися неурожаями; голодъ и болѣзни нерѣдко поглощаютъ людей, отнимая такимъ образомъ у страны нравственныя силы, которымъ суждена тяжкая борьба съ силами физическими.

Сколько неблагопріятныхъ условій соединяется здѣсь для развитія человѣка, сколько препятствій и преградъ тормозитъ его духъ, останавливая способы къ размноженію народонаселенія, къ накопленію богатствъ! Мы не разъ останавливались на причинахъ особенностей въ бытѣ и характерѣ сѣлоруссовъ. Они блѣдны, тощи, недовѣрчивы, апатичны, но вмѣстѣ съ тѣмъ трудолюбивы и честны. Безъ сомнѣнія, кромѣ продолжительнаго гнета, на нихъ отражается сама природа, физическія свойства которой,

по своей скудости, по своему однообразію, положили тяжелый отпечатокъ на духъ и характеръ этого славянскаго племени. При всемъ томъ, въ немъ много живучести, много тихой, упорной энергіи, если онъ при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, устоялъ противъ наплыва враждебныхъ нравственныхъ элементовъ и сохранилъ свои племенные особенности, свой особый типъ, свой языкъ и даже вѣру. На его характеръ, внѣшній видъ, даже на предразсудки вліяло тажкое иго и самая природа. Для полнаго торжества челоуѣка надъ физическими элементами, ему неблагоприятствующими, безъ сомнѣнія необходимъ достаточный запасъ нравственныхъ силъ. При ихъ недостаткѣ, онъ останется рабомъ окружающихъ его физическихъ явленій, осужденнымъ на безнадежную борьбу.— Многія страны въ мірѣ, благодаря энергіи и уму своихъ жителей, успѣвшихъ одолѣть неблагоприятные физическіе элементы, изъ странъ бѣдныхъ, малодоступныхъ, сдѣлались богатыми, промышленными. Тамъ въ трудѣ челоуѣка видно проявленіе мощнаго духа, съ которымъ онъ, послѣ долгихъ усилій, успѣвалъ торжествовать надъ неблагоприятными свойствами внѣшняго міра и, посредствомъ накопленія богатствъ, достигалъ общественнаго развитія. Энергія и правильность въ трудѣ и степень вознагражденія труда у такихъ народовъ составляли первый залогъ, первый шагъ къ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ борьба челоуѣка съ внѣшнимъ міромъ была легка, гдѣ труду благоприятствовали свойства климата и характеръ почвы, тамъ обогащеніе давалось легко, ибо челоуѣку немного нужно было труда на пріобрѣтеніе пищи; тамъ же, гдѣ эта борьба встрѣчала неодолимые затрудненія въ свойствахъ внѣшняго міра—тамъ челоуѣкъ угнетаемъ былъ бѣдностію и, тревожимый неудачами, оставался въ униженномъ состояніи. Мы полагаемъ, что нашъ вопросъ ближе всего можетъ уяснить статистика. Мы обращаемся къ ея выводамъ, чтобы понять, въ какой тѣсной зависимости благосостояніе народа находится отъ физическимъ элементовъ и какъ этими элементами обусловливается степень развитія. А если народъ ведетъ бесплодную борьбу съ внѣшнимъ міромъ, то какія тому причины: одинъ ли физическія условія страны сковали духъ предпримчивости въ народѣ, или, можетъ быть, были другія историческія

причины, подъ вліаніемъ которыхъ ослабѣвали нравственныя силы?

Мы обращаемся къ матеріаламъ для статистики и географіи Россіи, какъ единственному источнику, въ которомъ сгруппировано множество данныхъ, въ высшей степени важныхъ для современнаго изученія статистики Россіи. Мы особенно остановились на вновь выпедшемъ трудѣ г. Зеленскаго какъ потому, что это трудъ замѣчательный, такъ и потому, что Минская губернія значительно обширнѣе каждой изъ сѣверо-западныхъ, что, по внѣшней природѣ, она представляетъ всѣ особенности, свойственныя сѣверо-западнымъ губерніямъ, что, находясь въ центрѣ сѣверо-западнаго пространства, она содержитъ всѣ свойственные ему элементы.— При болѣе или менѣе общихъ всѣмъ губерніямъ сѣверо-западнаго края физическихъ свойствахъ почвы и климата, при однородномъ составѣ народонаселенія и его одинаковой исторической судьбѣ,— все, что сказано будетъ здѣсь о Минской губерніи, въ болѣе или меньшей степени повторяется въ каждой изъ со- сѣднихъ губерній; на пространствѣ отъ Припети до Западной Двины. Мы воспользуемся и другими выпедшими изданіями только для поясненія болѣе крупныхъ фактовъ, и если не дѣлаемъ полнаго статистическаго обвора, то единственно въ ожиданіи появленія въ свѣтъ статистики еще двухъ губерній Могилевской и Витебской *).

Разработка физическихъ элементовъ территоріи сѣверо-западныхъ губерній едва начата, и изъ „матеріаловъ“ видно, что въ изслѣдованіяхъ о почвѣ, климатѣ и производительности чувствуется крайняя необходимость.

Г. Зеленскій съ полною добросовѣстностію воспользовался незначительными, и частію устарѣлыми источниками, дополнивъ изслѣдованія по физической природѣ Минской губерніи нѣкоторыми любопытными замѣчаніями. Тѣмъ не менѣе въ этомъ отдѣлѣ матеріаловъ у него встрѣчаются нѣкоторыя не точности.

*) До сихъ поръ вышли въ печати матеріалы для географіи и статистики 4-хъ губерній: Ковенской, 1861 г., Виленской, 1862 г., Гродненской, 1863 г. 2 час. съ приложеніями и Минской, 2 час.—Всѣ шесть книгъ стоятъ 6 руб., цѣна неимовѣрная!

Минская губернія заключаетъ 78,500 кв. вер. или 8177,000 дес. пространства и составляетъ около одной трети всего низменнаго пространства Россіи *).—По собраннымъ свѣдѣніямъ г. Зеленскимъ, народонаселеніе Минской губерніи въ 1857 г. составляло съ войсками до 1 мил., безъ войскъ—978,012 д. об. п.—Слѣдовательно, при пространствѣ 1622 кв. миль на одну квадр. милю, придется 603 души. Эта губернія населена весьма слабо относительно другихъ сѣверо-западныхъ.

	кв. м.	душъ об.	на одну кв. миль	на 1 кв. в.
Виленская **) ...	751	841,095	1118	23.
Ковенская **) ...	758	959,369	1278	26.
Гродненская **)	697	861,000	1236	25.
Минская **) ...	1622	978,012	603	12.

Населеніе по площади Минской губерніи распределено крайне неравномерно.—Въ Мозырскомъ на одну квадратную версту приходится 5 душъ, тогда какъ въ Новогрудскомъ 31, т. е. въ шесть разъ болѣе.—Вся юго-восточная часть губерніи имѣетъ населенность вообще слабую до того, что въ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ и Бобруйскомъ уѣздахъ приходится среднимъ числомъ на кв. версту 7 душъ; и здѣсь болѣе $\frac{3}{4}$ пространства покрыто лѣсами, болотами и землями неудобными. Пинскій ***) , Борисовскій и Игуменскій уѣзды имѣютъ на кв. версту среднимъ чис-

*) Подъ именемъ низменнаго или сѣверо-западнаго пространства понимаются губерніи—Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская и Могилевская,—общее пространство которыхъ содержитъ 5,533 кв. миль, что почти соответствуетъ пространству Великобританіи съ Ирландіей.—Все сѣверо-западное пространство заключаетъ только 5614,115 д. об. п., т. е. на одну кв. милю приходится едва 1015 д. Въ Гродненской губерніи литовцы составляютъ только 0. $\frac{3}{100}$, тогда какъ русскіе, бѣлорусы и часть малороссовъ—77,8 $\frac{0}{100}$.

**) Для всѣхъ губерній пространство принято по исчисленію военно-топографическаго депо, кромѣ Минской, въ которой по исчисленію депо—75,753 кв. в.—Для народа и населенія взяты цифры 1857 г., а въ Гродненской среднее (за 15 л.), болѣе близкое къ действительному. См. материалы для статистики и географіи Россіи.

***) Пинскій-то уездъ и есть самый болотистый. Смот. путевыя замѣтки Крашевскаго. Ред.

столь до 12 душъ, полями и лугами здѣсь занята $\frac{1}{3}$ ча— пространства.—Наконецъ въ сѣверо-западныхъ уѣздахътъ Слуцкомъ, Минскомъ и Новогрудскомъ на версту прих-с дится 24 души, и пахатныя земли и луга здѣсь составля- ютъ $\frac{3}{5}$, т. е. болѣе половины пространства.

Такое неравномѣрное распределѣніе народонаселенія, уменьшающагося съ запада на Востокъ, конечно обуслов- ливается физическими свойствами природы, съ которой жизнь человѣка весьма тѣсно связана, а общая слабость относительной населенности есть слѣдствіе малой произ- водительности почвы и неблагоприятнаго климата. При скудныхъ дарахъ природы, особенно въ юговосточной по- лосѣ, нравственные элементы столь слабы, что накопле- ніе богатствъ требуетъ необыкновенныхъ усилій.

Дѣйствительно, хозяйственные средства минской гу- берніи скудны, и онѣ распределѣны столь же неравномѣр- но, какъ и самое населеніе:—

Поля	1922,000 дес.	24%
Луга	792,000 дес.	9.
Лѣса и кустарники	4277,000 дес.	52.
Болота	947,900 дес.	11.
Нески и выгоны и проч.	168,100 дес.	2.

Пахатныхъ земель въ Новогрудскомъ уѣздѣ 60%, въ Минскомъ 52%, а въ Мозырскомъ менѣе 12%.— Луговъ, въ первыхъ двухъ уѣздахъ, около 15%, а въ послѣднемъ около 7%, лѣсами покрыто почти $\frac{2}{4}$ пространства: Бори- совскаго, $\frac{7}{10}$ Игуменскаго, болѣе $\frac{6}{10}$ Бобруйскаго, — а въ Новогрудскомъ ихъ едва $\frac{1}{5}$. Сплошными массами болотъ покрыты Мозырскій и Пинскій уѣзды, въ которыхъ общее пространство болотъ равняется почти $\frac{1}{3}$ всѣхъ пахатныхъ земель въ Минской губерніи!

	Полей и луговъ.	Лѣсовъ.	Болотъ и земель неудобныхъ.
	%	%	%
Минская	36	52	12.
Виленская	53	30	17.
Гродненская	55	27	18.
Ковенская	71	20	9.

Только Новогрудскій, Минскій и сѣверная часть Слуц- каго, въ общемъ составѣ производительной почвы, состав- ляютъ счастливое исключеніе, имѣя въ своихъ естествен-

ныхъ элементахъ всё условія для развитія богатства. Всё же прочія, и особенно Полѣсье, представляютъ для достиженія благосостоянія много неблагоприятныхъ условій.

Геологическій и геогностическій составъ почвы Минской губерніи изслѣдованъ, кажется, однимъ только г. Эйхвальдомъ. — Небольшой кряжъ, служащій продолженіемъ Алаунской центральной возвышенности Россіи, и пролегающій по Минской, Гродненской и Виленской губерніямъ, служитъ водораздѣломъ бассейновъ Балтійскаго и Чернаго морей. — По топографическому очертанію, этотъ кряжъ не представляетъ непрерывнаго ряда высотъ, идущихъ въ опредѣленномъ направленіи, а болѣе или менѣе обширныя группы холмовъ. Высшія точки (до 1000 ф.) достигаютъ наибольшей высоты въ западныхъ частяхъ Минской губерніи, гдѣ беретъ начало р. Нѣманъ, и откуда истекаетъ нѣсколько притоковъ въ р. Припеть. — Южный склокъ водораздѣла быстро опускается въ Припетскую долину, представляющую на всемъ пространствѣ обширную котловину, или большую впадину, наполненную обширѣйшими, непросыхающими болотами.

Все пространство кряжа имѣетъ одинъ общій геологическій характеръ, обнаруживающій всюду ясныя признаки поздняго намывного происхожденія: огромными пластами намывной формации вездѣ покрыты системы такъ называемыхъ Виленскихъ формаций, отнесенныхъ Блэде къ южному бассейну, т. е. къ Черному морю. Виленская система, говоритъ Эйхвальдъ *), находится на границѣ обоихъ бассейновъ (т. е. сѣвернаго или бассейна Ледовитаго моря и южнаго или бассейна Чернаго моря), на которые раздѣляется поверхность европейской Россіи и соединяетъ одинъ съ другимъ.“

Непомѣрное развитіе влажности въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, можетъ быть, составляетъ причину богатства лѣсовъ, покрывшихъ эти края въ древнія времена, и такъ еще недавно извѣстныхъ по своей дремучести и мало-доступности. Образчики такихъ лѣсовъ представляютъ теперь нѣкоторыя пуши, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна, побогат-

*) Эйхвальдъ. Геогнозія, преимущественно въ отношеніи къ Россіи 349. Матеріалы „Минская губернія“ стр. 101 и 102.

етву и равнообразію растительныхъ породъ, „Бѣловѣжская пуца“, въ Гродненской губерніи. Все, такъ называемое Полѣсье, нѣкогда „Древлянская земля“, и теперь состоитъ изъ лѣсовъ, которыми покрыты обширныя низменныя пространства. Многіе песчано-глинистыя равнины, по водораздѣльному краю, до того проникнуты влагою, что Наполеонъ, съ горькой и справедливой ироніей, признавалъ здѣшнюю грядь „пятою стихіею“.

Какъ по топографическому очертанію, такъ и въ отношеніи геогностическаго состава почвы, Минскую губернію авторъ дѣлитъ на двѣ части—*сѣверную и южную*.

Къ первой относятся Новогрудскій, Минскій, Игуменскій, Борисовскій и часть Слуцкаго уѣздовъ, къ послѣдней—вся южная остальная половина Минской губерніи. Въ этой послѣдней половинѣ почва представляетъ признаки болотнаго происхожденія. По сосѣдству съ огромными болотами и особенно на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ, находятся и чистые пески. Прилежащая къ песчанымъ буграмъ черная и сѣропесчаная земля есть нечто иное, какъ остатокъ ила, нанесеннаго и оставленнаго здѣсь бывшею когда-то огромною водою. Образованіе болотныхъ осадковъ и теперь продолжается, смѣшиваясь съ наливочными животными, прѣсноводными водорослями и даже деревьями. По этому *торфъ* составляетъ отличительную черту геогностическаго состава почвы всего Полѣсья. При осушкѣ здѣшнихъ болотъ, получаютъ прекрасныя луга и пахатныя поля. Этимъ способомъ можно было бы увеличить пространство производительной земли. Во всѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ хозяйство устроено на осушеніи торфяныхъ болотъ, не заключающихъ желѣзной окиси, поля и луга имѣютъ почву сѣропесчаную, иногда совершенно черную, лежащую на песчаной, глинистой или супесчаной подпочвѣ.— Но въ мѣстахъ болѣе возвышенныхъ надъ окружающею мѣстностію почва песчаная съ глинистой подпочвою.

Вовсемъ Полѣсьи, только правый берегъ долины р. Припечи, отъ Турова до Днѣпра, и часть Пинскаго уѣзда, между Яселдою и Пиною, какъ болѣе возвышенныя, имѣютъ сухую, супесчаную и суглинистую почву, мѣстами весьма плодородную, а по строенію верхнихъ пластовъ, эти незначительныя пространства или большіе острова, среди окружающихъ ихъ торфяныхъ болотъ, имѣютъ характеръ

одинаковый съ возвышенными уѣздами сѣверной половины губерніи.

Г. Зеленскій, въ описаніи почвы сѣверной половины губерніи, основывается на мнѣніи графа Тышкевича. *) Въ Новогрудскомъ, Минскомъ и части Слуцкаго уѣздовъ господствуютъ различнаго рода суглинистыя и глинистыя почвы. Здѣсь глина лежитъ на слоѣ глинистой подпочвы и рѣже на слоѣ супеска. Въ Борисовскомъ же уѣздѣ наносныя глинистыя и песчаныя породы лежатъ на пластахъ мѣловыхъ, но низменныя мѣста сѣверной половины губерніи, долины рѣкъ и болота, построенію наружныхъ пластовъ, совершенно сходны съ долиною р. Припети.

*) Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847, стр. 168—170. См. Матеріалы I, 107 и 108.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ,

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ

ВРЕМЯ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И

СЫНА ЕГО ВОЛОДИМИРА.

(Продолженіе)

Часть II.

VI.

Воевода Волчій Хвостъ отправляется въ походъ противъ ляховъ-радимичей.

Этой лѣта располагалъ великаго князя проводить довольно часто цѣлые дни въ теремѣ на Берестовѣ.

Не проникаемая солнечными лучами тѣнь берестовскихъ дѣбрей, разливавшая упоительную, среди полудневнаго зноя, прохладу, множество свѣтлыхъ, какъ хрусталь, ручейковъ, катившихъ съ вершинъ холмовъ, по серебристому песку, свои струйки, яркая, бархатная зелень вершинъ холмовъ, ароматическій воздухъ, да передъ глазами очаровательное зеркало днѣпровскихъ водъ, а за нимъ синева дали, да заливы Днѣпра, извивавшіеся среди безпредѣльныхъ зеленыхъ луговъ,—улаждали великаго князя, весьма любившаго Берестовое, въ теремахъ коего жило нѣсколько сотъ его приближенныхъ женщинъ.

Въ одинъ изъ знойныхъ дней, великій князь, облегчивъ себя отъ верхней одежды, сидѣлъ подъ дощатымъ навѣсомъ своего терема, окруженный самыми любимѣйшими своими одринницами. изъ коихъ двѣ были гречанки, а большая половина крестянокъ-крещенокъ. Предъ великимъ княземъ стояли огромная *куфа* (баклага) съ медомъ и подлѣ нее турій рогъ.

На скамьѣ, противъ великаго князя, сидѣлъ воевода Волчій-Хвостъ, а изъ за его спины высовывалась сѣдня и страшно блѣдная голова еле еле живого Костаря, который былъ позванъ одринницами-перунницами погадать имъ о судьбѣ ихъ.

Великій князь, послѣ отдыха, вышелъ подъ навѣсъ и усѣлся на любимое свое мѣсто, чтобы въ тѣни нѣсколько освѣжиться отъ зноя въ душной атмосферѣ своей опочивальни.

Взявшись за ручку *куфы* и наливая изъ нее въ рогъ медъ, великій князь обратился къ Костарю и ласково, съ усмиренною, сказалъ:

— Я и забылъ о тебѣ, печенѣжскій кудесникъ; вотъ кого еще слѣдовало послать съ тобою, воевода, противъ тридцатой *лхвы-радимичей*.

Воевода улыбнулся и сказалъ:

— Да, вотъ только его и недоставало ко всемъ, которые отправляются со мною. Ну, да будетъ съ него уже и гречкаго оленьяго огня, который ему, въ покое Игоря, своротилъ голову.

— Да хранить богъ Перунъ тебя, великій князь, и дать тебѣ еще побѣду на супротивныхъ тебѣ поганыхъ *лхвовъ*, да вложить онъ-громосныя стрѣлы свои въ десницу и шуйцу воеводы твоего и да послетъ онъ и самъ громы и молніи на главу *лхвы*, и побѣдишь ты, княже, и данъ снова съ нихъ возмощъ и покоришь ихъ подъ ноги твои... сказалъ вдохновенно Костарь, свѣдѣвъ хрипливъ голосомъ.

— Добръ рѣчьешь ты, кудесникъ! сказалъ, вѣдхнувъ, великій князь Владиміръ, — но я думаю думаю и думаю крѣпкую, — да не о богахъ твоимъ Перунъ. Не пора ли уже и всемъ намъ клянамъ исповѣдать того Бога, котораго мы не видимъ, котораго сами не обтѣсываемъ топоромъ и своими руками, но который создалъ свѣтъ и все, что видимъ и невидимъ, и насъ всехъ, — того Бога, котораго чтятъ крещеные, котораго исповѣдуетъ и стоящій предъ мною воевода....

— Все въ твоей волѣ, великій княже!

— Если победа будетъ надъ тремя-тою поганымъ ляхвою-радимичами, продолжалъ князь, то не захочу съ ними быть единой вѣры, покуда искушать въ вѣры и истинную дрицу самъ и весь народъ мой ее приметъ.

— Великій княже! отвѣдая воевода, нѣтъ вѣры истиннѣе той, которую познала и приняла твоя славная и приснопамятная бабка, великая княгиня Ольга, и твоя мать;—вѣра эта дастъ и мнѣ побѣду надъ погаными нечестивыми ляхами. Я уповаю на Господа Бога и его Единороднаго Сына, истиннаго Бога и Спасителя моего Исуса Христа...

— Если побѣдишь, то приму и я твою вѣру, ту вѣру, которую познала и держала моя бабка и мать моя.

— Великій князь склонилъ голову на руку и на мгновеніе задумался. Потомъ онъ наполнилъ турій рогъ медомъ, поднялъ его вверхъ и, привставши, смотря на небо, произнесъ:

— Не видимый и незнаемый мною, Боже! даруй мнѣ побѣду надъ нечестивою ляхвою-радимичами, и я тебя буду чтить въ своей землѣ и вси народы мои тебя будутъ чтить и приносить угодныя тебѣ жертвы!

Испивши изъ рога, князь подаль рогъ воеводѣ и сказалъ:

— Испей, воевода, со мною: да увѣнчаетъ незримый нами Богъ оружіе твое побѣдою. Я на него надѣюсь, прошу Его одного и ему поручаю тебя и всѣ мои рати, которые пойдуть съ тобою и со мною.

— Волчій Хвостъ принялъ изъ рукъ великаго князя рогъ и, устремивъ глаза къ небу, освѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и произнесъ:

— Господи, Вседержителю! даруй великому князю побѣду надъ нечестивыми врагами нашими ляхами; да увѣруеть онъ въ небесную, всемогущую Твоею благодать и силу, да познаеть Тебя единаго-истиннаго; да престанеть литься праведная христианская кровь, предъ богомерзкими Перуномъ, какъ пролилась она въ прошломъ лѣтѣ, когда были убиты крестные варяги Феодеръ и Иоаннъ! Произнесши эти слова, воевода испилъ изъ рога и, обратясь къ великому князю, продолжалъ:

— Дозволь, великій княже, подать рогъ и кудеснику; пусть и онъ испьетъ въ знаменіе того, что скоро мадутъ въ градъ твоимъ идоламъ, перестанеть литься христианская кровь приносимыхъ въ жертвы людей и до всѣхъ твоимъ землямъ народъ познаетъ единаго истиннаго Бога,

— Дай и ему испить, приказалъ Владиміръ. Смерть несчастныхъ крещеныхъ варяговъ Феодора и Іоанна мучить меня, не дасть покоя моему сердцу. Я раскаиваюсь, что рѣшился тогда исполнить упорное желаніе бояръ и старцевъ градскихъ.....

Видно было по выраженію лица великаго князя, что воспоминаніе о смерти двухъ невинныхъ христіанъ сильно тяготило его душу.

— Великій княже! ты одержалъ побѣду надъ Мечиславомъ королемъ ляхскимъ, который просвѣтилъ святою и истинною вѣрою свой народъ, и ты праздновалъ это торжество, какъ поклонникъ и читатель бога славянскаго-перуна: ты и дозволилъ воеводамъ и старцамъ принести въ жертву людей, но теперь, когда Богъ небесный даруетъ тебѣ вновь побѣду надъ ляхами,— ты уже отвергни требованіе народа твоего: праздновать побѣду пролитіемъ человѣческой крови; иначе Богъ не даруетъ тебѣ побѣды....

— Нѣтъ, нѣтъ! кровавыхъ жертвъ болѣе не будетъ, пока я на отнемъ кіевскомъ столѣ, пока я князь, пока я живъ!..

— Великій Княже! народу твоему не легко будетъ отстать отъ дѣдовской вѣры,—сказалъ Костарь.

— Ты же ихъ научишь забыть истукановъ, съ улыбкой сказалъ великій князь.

Одринницы, бывшія свидѣтельницами разговора, не могли скрыть своего восторга. Двѣ изъ нихъ, гречанки, стоявшія въ самомъ близкомъ разстояніи отъ князя, позади его, даже неоднократно творили на себѣ крестное знаменіе; язычницы же мало понимали къ чему клонилось дѣло.

— Великій князь бесѣдовалъ съ воеводою довольно долго. Солнце замѣтно уплыло къ западу; жаръ замѣнился вечернею прохладою и повѣялъ вѣтерокъ вверхъ по Дуѣпру, у пристани котораго стояли, совершенно изготовленные къ отплытію ладьи.

— Однако, мой милый воевода, приближается година твоего отъѣзда. Еще разъ прошу Бога, создавшаго сей свѣтъ, чтобы онъ даровалъ мнѣ побѣду надъ ляхами; чтобы онъ укрѣпилъ оружіе въ рукахъ твоихъ и всей твоей рати... Приступи ко мнѣ, я хочу тебя обнять. Воевода приблизился къ великому князю, который горячо и искренно заключилъ его въ свои объятія.

— Ты вся моя надежда... Уповаю на незримаго мною Бога, что Онъ утвердитъ твою десницу противъ враговъ и даруетъ

намъ побѣду. Прощай, прощай, дорогой мой воевода! Я поспѣшу во слѣдъ за тобою съ моего дружиною.

Слезы навернулись на глазахъ великаго князя и воеводы, который, поклонясь къ ногамъ великаго князя, поцѣловалъ его руку.

— Господь, Спаситель мой, не оставитъ меня; не оставитъ для тебя, великій князь, и для всего твоего люда; уповай на небеснаго Бога и получишь побѣду.

Еще разъ великій князь прижалъ Волчьего-Хвоста къ своей груди и потомъ, возведши очи къ небу, сказалъ :

— Боже, живый на небесахъ! благослови на битву съ супостатами моего воеводу...

Одринницы наклоненіемъ головъ прощались съ воеводою.

Въ то время пришли къ берестовому терему Петро и Ивой. Они вышли изъ густоты лѣса, среди котораго тянулась дорога во градъ. На лицахъ ихъ выражалась торопливость. Завидѣвъ великаго князя, ухидившаго въ теремъ, они было приостановились, но потомъ, сказавъ другъ другу нѣсколько словъ, еще быстрѣе начали приближаться къ терему.

— Отпустилъ! сказалъ воевода, обратившись къ Ивою и Петру. Время, други, намъ отправляться.

— Да, все уже готово; мы долго ожидали тебя, воевода, у берега, сказалъ Ивой.

— Суда и вои готовы, ждуть у пристани—на Ручаю появленія твоего, что же ты, Костарь-дѣдушка, будешь безъ насъ скучать? спросилъ Петро.

— Пока мы возвратимся, такъ онъ всѣхъ своихъ чурбановъ-боговъ праѣдовскихъ сожжетъ въ печкѣ, проговорилъ Ивой.

— Почему же и не такъ! на все воля великаго князя: повелитъ усь позолотить богу Перуну и позолотимъ, а повелитъ его стацитъ со стояла и сжечь, и то сдѣлаемъ; дѣло не мудреватое...

— Да ужъ пора и очень пора,—проговорилъ Ивой.

— Вотъ то-то и жаль, что вы нѣсколько пораньше не пришли сюда, а то бы услышали рѣчь великаго князя.

— Ну-те, други, что съ нимъ говорить! поспѣшимъ къ нашему старцу, попу Григорію, да благословитъ онъ насъ на путь, и потомъ зайдемъ къ нашимъ—въ пещери, а оттуда уже на пристань. Пойдемте къ конямъ.

Снявъ шапки предъ одринницами, стоявшими еще подъ навѣсомъ терема и смотрѣвшими на воеводу, наши знакомые по-

клонились имъ и ушли въ чащу лѣса. Приблизившись къ своимъ конямъ, конкъ они оставили въ чащѣ лѣса привязанными къ вѣтвямъ деревьевъ, путники повели ихъ на поводахъ за собою, и пошли по направленію къ Аскольдову.

На площадкѣ, предъ церковкою, пошъ Григорій, окруженный многими крещеными, въ числѣ конкъ были мать воеводы, мать Юніи, сама Юнія и еще нѣсколько близкихъ и знакомыхъ воеводы,—ожидалъ Волчяго Хвоста и его друзей.

— Пошъ Григорій и всѣ наши собрались вмѣстѣ наеъ провожать. О, какъ мнѣ тягостна эта разлука! Я оставляю престарѣлую мать и мою Юнію, которую пора бы, и давно пора, назвать мнѣ женою, произнесъ воевода, идя впереди Ивои и Петра. Хотя онъ желалъ казаться спокойнымъ, но глухой и дрожащій голосъ обнаруживалъ его внутреннее смятеніе; видно было, что душа его болѣла.—Если я и послушался великаго князя и рѣшился вести его воевъ на рать противъ радимичей, то только потому, что великій князь обѣщалъ, въ случаѣ побѣды, не приносить въ жертву идоламъ живыхъ людей крещеныхъ, а признаеть побѣду за милость Бога небеснаго и Ему поклонится и Его начнетъ исповѣдывать со всѣмъ людомъ.

— Не печалься, воевода! Богъ милостивъ! онъ даруетъ намъ побѣду, и ты еще болѣе будешь любъ великому князю и Юніи, говорилъ Ивой.

— Будемъ молить Его всемогущую благодѣль и Онъ не оставитъ нашу рать безъ побѣды надъ врагомъ, добавилъ Петро.

— Бесѣдовавшіе такимъ образомъ приблизились къ сидѣвшимъ и ожидавшимъ ихъ друзьямъ. Оставивъ, по обыкновенію, коней у дерева, воевода подошелъ прежде къ пону Григорію.

— Дряхлый старецъ, сидѣвшій на обрубкѣ дерева, едва могъ подняться на ноги, и дрожа весь, поддерживаемый Юніею и матерью воеводы, возложилъ изсохшія руки свои на голову воеводы, который склонилъ се предъ старцемъ, принимая его святое благословеніе. Ивой и Петро остановились позади воеводы; всѣ сняли шапки и головные платы.

— Да благословить тебя Господь Богъ, Вседержитель, произнесъ слабымъ и дрожащимъ голосомъ пошъ Григорій, возведши очи свои къ голубому небу,... какъ въ то самое мгновеніе изъ чащи лѣса, скорыми шагами вышелъ великій князь, съ слѣдовавшими за нимъ двумя отроками и нѣсколькими менниками; вдали изъ чащи лѣса, видны были кони великаго князя и его

проводатыкъ. Великій князь снялъ шапку и съ замѣтныкъ благоговѣніемъ подошелъ къ попу Григорію.

— Я пришелъ сюда, чтобъ и отъ себя попросить тебѣ, мой милый воевода, благословенія отъ старца Григорія. Я здѣсь не въ первый разъ. Сюда меня въ дѣтствѣ приводила за руку бабка моя и мать, а потомъ я и часто самъ сюда бѣгалъ и слушалъ сладостное для души пѣніе богу крещеникъ.. Старче Григорій, благослови моего воеводу на рать, попроси Бога, создавшаго всѣхъ и все видимое и не видимое, даровать побѣду оружію моему надъ сопротивнымъ цамъ ляхскимъ людомъ, и я возблагодарю Бога небеснаго.

— Да благословить тебя, Творецъ всеяго и укрѣпить десницу твою на сопротивныхъ вошь, идущихъ противъ великаго князя нашего, воскликнулъ вдохновенно старецъ Григорій, и въ тоже время, снявъ съ груди своей мѣдный крестъ, далъ его поцѣловать воеводѣ и потомъ, надѣвая на него этотъ крестъ, прибавилъ:

— Прими это непобѣдимое на всякіе супостаты оружіе и побди имъ враговъ, на кошь ведешь вой великаго князя... Потомъ, обратясь къ великому князю, попъ Григорій сказалъ: княже, возложи всю твою надежду на милость Бога незримаго, создавшаго сей міръ; не надѣйся на помощь бездушныхъ идоловъ, кои стоятъ на площадяхъ града твоего, и тебѣ Богъ небесный пошлетъ побѣду надъ ляхскимъ народомъ.....

— Возлагаю всю мою надежду на Бога небеснаго, громко и твердо произнесъ великій князь и принялъ въ объятія старца Григорія.

То мгновеніе было поразительное для всѣхъ присутствовавшихъ. Великій князь, впервые заключаешь въ свои объятія попа крещенныхъ,—того самаго попа, котораго звѣрскіе перуници жаждали въ продолженіе многихъ десятвъ лѣтъ и еще жаждутъ растерзать на мелкія части...

— Молись, молись, Богу небесному, да пошлетъ онъ мнѣ побѣду! Я твердо вѣрю, что твоя молитва будетъ услышана Богомъ, говорилъ великій князь, прижимая къ груди своей старца.

— Молюсь и буду молить Отца Небеснаго, но и ты, княже уповай на Него.....

— Да почиеть надъ тобою благословеніе и бабки моеи—Ольги, да умолитъ она Бога небеснаго о дарованіи тебѣ побѣды, говорилъ великій князь, возложивъ свои руки на голову воеводы,

въ подражаніе попу Григорію. — Если Богъ небесный не услышитъ моей мольбы, какъ мольбы перунича, то, по молитвѣ бабки моей, да услышитъ онъ мое прошеніе!...

Поблагословивъ воеводу, великій князь обнялъ и его, поцѣловалъ въ уста и сказалъ:

— Ну-прощай, прощай, мой милый воевода!..

— Воевода поцѣловалъ руку великаго князя и потомъ подвель ему самъ коня, помогъ сѣсть на него князю и низко ему поклонился. Князь снялъ шапку, обратился къ попу Григорію и произнесъ: прощай, старче, прощайте и вы всѣ, добрые люди! Поворотивъ коня, князь скрылся въ чащѣ лѣса; сопровождавшіе его поспѣшили за нимъ.

Едва великій князь скрылся въ густотѣ лѣса, какъ воевода бросился въ объятія своей матери. Сцена была безмолвная. Поцѣлуемъ въ голову сына мать заключила прощанье свое съ нимъ, на глазахъ матери и сына видны были слезы.

Потомъ воевода простился съ матерью Юніи и съ самою Юнією.

— Быть можетъ вы всѣ видите меня въ послѣдній разъ. Мнѣ жаль васъ покидать, но на все воля Божія,—говорилъ воевода, смотря то на мать, то на Юнію...

— Богъ даруетъ тебѣ побѣду надъ врагомъ,—говорила мать воеводы,—но что чувствовало въ ту минуту ея сердце, то знаетъ, каждая мать, расстающаяся съ сыномъ, отправляющимся на смертный подвигъ.

Простился Ивой и Петро съ попомъ Григоріемъ, который и ихъ напутствовалъ своимъ благословеніемъ, простились они со всѣми, и всѣ православные вмѣстѣ съ попомъ вошли въ церковь.

Отецъ Григорій вошелъ въ олтарь, облачился и, растворивъ царскія врата, вынесъ евангеліе, положилъ его на налои и началъ напутственное моленіе. Всѣ пали на колѣна и начали пламенно молиться.

Крещенаго люда столько собралось подъ конецъ молебствія, что церковка не могла всѣхъ вмѣщать, и много народа стояло на дворѣ, вокругъ церковки.

Кончилось богослуженіе, когда уже совершенно стемнѣло.

Вышли изъ церкви, еще разъ сынъ заключилъ въ объятія мать, еще разъ поклонился предъ матерью Юніи и самою Юнією, и потомъ приблизился къ попу Григорію, принялъ и отъ него въ послѣдній разъ благословеніе, приложился къ иконѣ, вышелъ

изъ церковки, поклонился на всѣ стороны собравшемуся люду, подошелъ къ коню, послѣдній разъ поцаловавъ руку матери и, садясь на коня, сказалъ: прощай! съѣлъ но коня и умчался, за нимъ послѣдовали Ивой и Петро.

Въ сумракъ вечера, народъ, собравшійся на прощанье съ воеводой, разбрелся по своимъ жильямъ, душевно прося ему у Бога побѣды надъ ляхскимъ народомъ радимичами.

VII.

Поруганіе Костаремъ идоловъ.

Три Новгородскихъ *гостя*, пріѣхавшихъ въ Кіевъ для продажи *скоръ*, окончивъ благополучно свои дѣла, принесли къ истукану Перуна черного козла; они ждали принесеніемъ этой жертвы возблагодарить своего славянскаго бога за удачную торговлю, и затѣмъ отправиться въ обратный путь, на родину.

Это совершалось съ восходомъ солнца. Утро было тихое, небо безоблачное, и только что поднявшееся изъ за стѣны бора солнце, освѣтило едва только проснувшійся городъ Кіевъ, и его живописные холмы, удоля, озолотило воды Днѣпра и Почайны и отразилось на серебряной головѣ и золотомъ усѣ Перуна, предъ которымъ стояли, съ торжествующими лицами новгородскіе гости, положивъ предъ жертвищемъ связанное животное, въ ожиданіи прихода старика Мислава, за которымъ они послали, чтобъ онъ пришелъ и принесъ жертву Перуну.

Гости ждали не долго. Посланный челядинъ, который постоянно находился для людскихъ надобностей, при принесеніи жертвъ Перуну, возвратясь, сказалъ, что старецъ Миславъ безъ Костаря самъ ничего не сдѣлаетъ, что Костарь одинъ только знаетъ порядокъ, какъ слѣдуетъ приносить жертву, а онъ только можетъ ему помогать и помолиться Перуну, чтобы жертва была принята.

Послали отыскивать Костаря, о которомъ Новгородцы слышали, какъ о чародѣй и кудесникѣ печенѣжскомъ, но лично его не видѣли и боялись его, чтобы онъ не испортилъ ихъ жертвы, если они какъ либо не угодятъ ему. О старцѣ же Миславѣ слышали, что и онъ часто закаляетъ предъ идолами жертвы и молится имъ о принятіи жертвъ, что онъ не робникъ и напущковъ на жертвы и людинъ не дѣлаетъ.

Костаря въ его жильѣ не застали, а отыскали его въ поселеніи козарскомъ, пьянымъ. Онъ спалъ подѣ деревомъ недалеко отъ почтаевской пристани; и вдругъ его вабавлялась толпа мальчишекъ, которые наложили ему въ разинутый ротъ дистьевъ и привязали за ноги къ дереву. Посланный, разогнавъ мальчишекъ, едва могъ разбудить Костаря; одвизавъ его ноги, помогъ ему подняться. Мальчишки не ундлись. Опомнившись нѣсколько, Костарь пустился было преслѣдовать шалуновъ, но посланный объяснилъ, за чѣмъ пришелъ, прибавивъ, что *Новгородскіе гости*, по принесеніи жертвы, ни сколько не медля, отправятся въ свой городъ, и кое-какъ этимъ уговорилъ его идти къ Перуну и принести жертву.

— А медь будетъ? спросилъ Костарь.

— Будетъ, сколько душъ твоей угодно.

— То-то! не дадутъ меду, и жертва будетъ не въ жертву.

— Налють тебя полного, — какъ куфу какую медомъ. Гости людъ съ серебромъ и златомъ; не поскуются для тебя.

— Ну, добро, такъ жертву принесу, — говорилъ, шатаясь и едва едва переступая съ одной ноги на другую, дряхлецъ — Костарь.

— Много ли тебѣ, труха, надобно, чтобы упоить! двѣ кацаи, вотъ ты и мертвецки пьянъ!

— Лжешь, вышью два турьихъ и еще не буду пьянъ.

— О го.. го! прошло твое, не то теперь! а много ли теперь выпилъ?

— Куфу полную.

— Не бай байки, выпилъ двѣ ложки, вотъ и пьянъ... Ну скорѣе же, вотъ ужъ недалеко...

— Кое какъ дошли къ истукану. Гости отъ нетерпѣнія, ходя вокругъ истукана, устали и одинъ изъ нихъ, досадуя на Костаря, сказалъ:

— Лучше бы по заходѣ солнца было придти...

— Мы-то пришли, а ты, что горланишь? а меду приготовилъ? нѣтъ? ну такъ и жертвы не зарѣжу. Давай меду.

— Меду не было. Чтoby умилостивить кудесника, надобно было послать за медомъ. Послали. Между тѣмъ полупьяный Костарь легъ у подножія стояла Перуна отдохнуть. Гости, въ досадѣ на не своевременное принесеніе жертвы, также усѣлись подлѣ жертвища, гдѣ лежалъ ихъ козель. Народъ, шедшій чрезъ перунову площадь, на *Бабій торгъ* и изъ торга въ

Пасынту бесѣду; Казары и на Лыбедь, остававливаясь на площади и, видя, что будетъ приноситься жертва, да еще Новугородскими гостями, оставался близъ истукана и мало по малу наполнял всю площадь. Безъ праздника сдѣлался праздникъ. Поднялся шумъ и говоръ, какъ и всегда бываетъ при стеченіи большой толпы любонитинго и болтливаго народа, собравшагося поглазѣть на какое нибудь событіе.

Не больше какъ чрезъ часа принесъ челядинъ куфу меда и судину.

— Вотъ тебѣ, кобникъ, медъ и судина; выпьешь? спросилъ гость, у котораго сѣдая и густая борода достигала почти до пояса.

— Выпью, какъ же не выпить; наливай-ка поскорѣе!—

— Гость наполнял судину, а Костаръ, съ помощью другаго гостя, который былъ помоложе двухъ своихъ ближниковъ,— привсталъ на ноги и, подойди къ гостю, намолившему судину, взялъ отъ него судину и, указывая рукою на истукана Перуна, сказалъ:

— Пью медъ, и желаю, чтобы такъ какъ онъ польется въ мое горло, по лилось вамъ отсюду влато и серебро; а что до вашей жертвы, которую вы сюда принесли, то теперь не та година наступила, чтобы людъ за правду думалъ, что этотъ деревянный обтессокъ могъ вамъ принести счастье или несчастье. Вѣдь, что ужъ говорить намъ, когда нетолько воеводы, мужи и старцы градскіе, но даже вся чадь, мечники, гридни, пасынки отроки, дѣтски и юноши — и тѣ нынѣ только головами киваютъ, проходя мимо Перуна или Черикбога, или Мокоса или Страбога, говорилъ Костаръ,—мало по малу выпивая изъ судины хмельной медъ.

Народъ отъ удивленія выпучилъ глаза на жреца Перунова и не могъ взять въ толкъ, что говорить Костаръ. Одни изъ близъ стоявшихъ къ нему говорили, что онъ отъ старости совсемъ потерялъ рассудокъ, другіе утверждали, что онъ пьянъ и не знаетъ что лязкъ его болтаетъ... Но нашлись, преимущественно между женами и юницами, которые высказали такую мысль, что пьяный Костаръ теперь высказалъ то, что краинить на сердце, когда бывасть трезвъ, что презирать Перуна и боговъ славянскихъ научили его ордынницы велико княжескія, которыя въ любви живутъ съ аскольдовскими крещенками, что ордынницы то и дѣло твердятъ великому князю, что боги сла-

вянскіе—не боги, а полѣно дровь—чурбаны, что стыдно такому великому въ міръ князю, какъ князь кіевскій, поклоняться полѣньямъ, а не тѣму Богу, которому поклоняются греки... Словомъ—толковъ было много, и каждый толковалъ по своему, а между тѣмъ Костарь, осушивъ судину, неохотно принялся за козла. Будучи безсильнымъ, онъ попросилъ, чтобы помогли ему положить козла на жертвище. Для этого надобно было выбрать челоуѣка, достойнаго такой чести, словомъ угоднаго богу Перуну, иначе жертва не будетъ ему угодна.

— Кто изъ васъ, люди, ближникъ бога Перуна? съ извѣстною усмѣшкою произнесъ Костарь, шатаясь отъ хмѣля то въ одну, то въ другую сторону

— Кромѣ тебя, кобникъ, нѣтъ истиннаго ближника бога Перуна, сказалъ новгородскій гость съ сѣдою бородою, желая этимъ придать болѣе чести Костарю.

— Нѣтъ, друже, и ты такой же ближникъ, какъ и я. подика подыместъ вмѣстѣ, твоя же жертва, отъ тебя Перунъ и приметъ ее.

— Мнѣ не слѣдуетъ это творить.

— Пустое, друже! подыместъ!

— Нѣтъ, не можно.

— Ну такъ давай кого хочешь, а не то я брошу и уйду, а ты самъ управляйся съ своимъ козломъ.

— Нечего было дѣлать! Гость положилъ козла на жертвище съ помощію Костаря.

— А вотъ еще бѣда: ножъ жертвенный тупъ, надобно его поточить, а поточить можно не чѣмъ другимъ, какъ медомъ. Наливай-ка въ судину меду, говорилъ Костарь, взявши жертвенный ножъ съ стояла перунина и повертывалъ его въ рукахъ.

— Поостри, вотъ тебѣ медъ, проговорилъ гость, снова наполнивъ судину изъ куфы и подавъ ее Костарю. Костарь выпилъ медъ, поставилъ судину на стояло, у ногъ Перуна, чего онъ не смѣлъ и не долженъ былъ дѣлать изъ благоговѣнія къ истукану, а потомъ принялся за жертву.

— Вотъ лучше вы бы мнѣ самому принесли въ жертву этого козла; я за ваше здоровье и за ваше счастье съѣлъ бы его, а то приносите-кому? полѣну, бревну, поганому идолу; пригоже ли теперь кусокъ дерева почитать за бога!...

— Кобникъ, совершай жертвоприношеніе, но не глумись надъ богомъ Перуномъ! помни, что въ его десницѣ грома, а въ шуйцѣ

жолніи небесныя: онъ тебя поразить, говорилъ старикъ гость, вышедши изъ терпѣнія.

— Кто поразить меня? этотъ турбанъ? А поди-ка спроси на аскольдовой-у крещенныхъ, что они тебѣ скажутъ, на какого бога они тебѣ укажутъ?

— Не глумись, не глумись, сдѣлай милость! Богъ нашъ Перунъ, ему предки наши поклонялись и чтили его и были счастливы и жили ладно, будемъ и мы слѣдовать ихъ примѣру, и намъ пошлетъ богъ Перунъ счастье.

— Старая вѣра, старая шутка! теперь ужъ не то; я самъ былъ тридцать лѣтъ кобникомъ Перуна, а что это полѣно мнѣ сдѣлало добраго? что я отъ него получилъ? Бревно, просто бревно, говорю вамъ; а вы еще жертвы ему приносите! Вотъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ принесли въ жертву этому чучелу и людей живыхъ, крещеныхъ врягъ, а какъ теперь великій князь рассказываетъ, какъ жалѣеть, что послушался глупаго народа!.. Ну козла еще ничего, козла, пожалуй! все таки и мнѣ отъ него какой кусокъ мяса останется.

— Ну приноси-приноси жертву! ты больно пьянъ и болтаешь вздоръ, говорилъ гость.

Идолъщики, столпившіеся вокругъ ограды, коеку были окружень истуканъ Перуна разсвирѣбли, слыша поношеніе своего бога Костаремъ. Они хотя и свыкались уже съ мыслию, что времена наступили не тѣ, чтобы безприскословно вѣрить въ всемогущество Перуна и признавать самое вещество, изъ котораго сдѣланъ онъ, за божественное, но закоренѣлое въ сердцахъ ихъ, отъ многихъ лѣтъ изувѣрство не позволяло расудку ихъ понять, что истуканъ, сдѣланный руками человѣка,—не богъ.

— Совершай правдиво и честно жертву! закричалъ старикъ изъ толпы.

Костаръ оборотился въ ту сторону, откуда услыхалъ эти слова и среди толпы увидѣлъ старца Мислава.

— А, старикъ Миславъ! милости просимъ помочь жертву принести великому богу Перуну, славянскому полѣну... насмѣшливо говорилъ Костаръ.

— Ну, чтожъ! и помогу, когда ты хмѣленъ, болтаешь пустое и дѣла святаго не творишь.

— Пью, друже, добрый медъ, значить дѣло доброе творю.

Миславъ пробрался сквозь толпу къ жертвищу и, видя, что Костаръ едва держится на ногахъ, взявъ изъ рукъ его жертвен

ный ножъ и принялся съ особымъ благоговѣніемъ возлагать жертву на жертвище.

— Что такъ ухаживашь за козломъ! вѣдь все равно сторгить, а самъ не съѣшь. Ну, полно съ нимъ возиться! рѣжь его, а я вотъ подожду кладъ, болталъ хмѣльной Костарь.

— Не мѣшай,—не мѣшай! что претишь святое дѣло, твердить! слышались голоса изъ толпы, но Костарь не обращалъ на нихъ вниманія и засуетился подлѣ костра, пылавшаго у подножья Перуна.

— Прочь его! крикнулъ какой то старикъ, стоявшій въ толпѣ.

— Кого - прочь? спросилъ Костарь.

— Тебя! повторилъ старикъ, ты стараго бога нашего не чистишь а безчестишь; ты забылъ, что имъ живешь и дышешь.

— Этимъ чурбаномъ? кажись что нѣтъ, а живу потому, что не умеръ еще, вотъ и все, а Перунъ этоть, что онъ мнѣ или тебѣ? вотъ тотъ Перунъ, что на небѣ, вотъ тотъ дѣло иное!...

— Пьяница, да мы тебя деревянными пилами пополамъ распилимъ, да мы тебѣ желѣзный гвоздь въ голову вколотимъ!... Прежде былъ такой почтительный, такой усердный къ великому богу, а вотъ какъ по наслушался крещеныхъ-аскольдовцевъ, да козарь, такъ и заплѣл иную пѣсенку!...

— Старинушка, не шуми! не то напущу злую годину...

Въ продолженіе этого разговора Миславъ успѣлъ заколоть козла и собрать въ сосудъ его кровь. Послѣ наставленія и упрековъ старика, и Костарь, казалось, началъ усерднѣе ухаживать возлѣ жертвы, когда же онъ разрѣзалъ козла и обнажилъ его внутренности, то къ жертвищу подбѣжали двѣ женщины и хотѣли было гадать по внутренностямъ животнаго, но Костарь оттолкнулъ ихъ и, вырвавъ изъ рукъ ихъ внутренности, хотѣлъ было бросить ихъ въ лице женщинъ!...

— Да-что, онъ, пьянь!...

— Вонъ его!

— Разорвать его на части, кричалъ народъ, недовольный поступками Костаря.

— Да-что я вамъ! да я всѣхъ васъ превращу въ такихъ же козловъ, какъ вотъ этоть, котораго сейчасъ зарѣзали, а васъ, гадальщицы-боярини въ сѣрыхъ кошкехъ...со мною не шутки! о, я хоть, и хмельень, да свое дѣло знаю!

— Незнаешь! гадина подземная, незнаешь, потому что великаго бога Перуна поносишь, онъ тебя въ бараній рогъ согнетъ!...

— Кто? вотъ этотъ чурбакъ? и вотъ ~~это~~ сладкій кусъ! въ остервененіи сказалъ Костарь и бросилъ на истуканъ всю внутренность животнаго.

— Посрамленіе великаго бога!

— Такого сраму отъ вѣкъ вѣчныхъ, не было! да это небывалое и не слыханное богохульство!...

— Смерть ему!

— Растерзать его!

— Убить его! кричалъ народъ.

— Отвезь въ каменный теремъ, пусть судить его великій князь.

— Отвезь!

— Отвезь!

— Берите его, берите!

Костаря схватили. Онъ, дряхлый, хмельной и немощный, конечно, немочь сопротивляться. Его отвели отъ идола и повели по дорогѣ къ терему. Толпа народа перестала смотрѣть на жертвоприношеніе и потянулась за Костаремъ.

— Ну, для чего ведете вы меня къ великому князю?

— Ты повиненъ смерти!

— Тебя казнимъ!

— Ты поругался надъ нашимъ богомъ, ты оерамилъ великаго Перуна.

— Богъ на небѣ, самъ великій князь это знаетъ и говорилъ, а Перунъ, стоящій на площади, кусокъ обдѣланнаго дерева, идолъ, скажите это, и я повторю тоже и предъ княземъ.

— Молчи, не то мы тебя еще здѣсь на части разорвемъ, вопили ведшіе Костаря.

— Не велика бѣда; ну разорвите и не будетъ у васъ Костаря кобника и ближника, а потомъ, что будетъ?...

— Оставьте его, онъ пьянъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ не помнить себя, говорили иные въ толпѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ—оставьте его!...

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ опозорилъ нашего древняго бога; онъ зараза для нашихъ юнцевъ и дѣтей; онъ научаетъ ихъ не чтить древнихъ боговъ, а поклоняться богу крещеныхъ,—мы этого не хотимъ, мы его убьемъ!...

Костаря внесли въ ограду окружавшую каменный теремъ и дворъ теремной наполнился до того народомъ, что если бы бросить въ народъ яблоко, то оно не упало бы на землю.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОВРЕМЕННЫЕ ОЧЕРКИ.

Мимолетная тучка.

III.

Въ концѣ сентября 1864 года, въ воскресный день, крестьянинъ села Ивановки Павелъ Павлюкъ, часу въ пятомъ вечера, возвращался домой изъ ближайшаго отъ его села мѣстечка Чернилова. Надвинувъ на лобъ свою высокую струю баранью шапку, онъ слегка и какъ бы машинально стегалъ батономъ своихъ старыхъ гнѣдыхъ клячъ, а судя по сдвинутымъ съдымъ бровямъ Павлюка, по его унылой и мрачной физиономіи, не трудно было догадаться что онъ былъ чѣмъ то сильно огорченъ. Минувавъ длинную плотину и выѣхавъ въ село, Павлюкъ, не доѣжая еще нѣсколькихъ сотъ шаговъ до своей пространной и опрятной хаты, увидѣлъ уже, что его жена Хылька стояла у воротъ и видимо его ожидала.

— Буде тобі! ой буде, буде! тоскливо проворчалъ Павлюкъ, увидѣвъ свою жену.

А горшки де? заглядывая въ возъ строго спросила Павлюка Хылька, въ ту минуту, когда онъ остановилъ своихъ гнѣдыхъ, подъѣхавъ къ хатѣ. Хылька была права суроваго и Павлюкъ порядочно таки потрухивалъ ее, но на этотъ разъ онъ даже и не отвѣчалъ женѣ на ея грозный вопросъ, а только слѣзши съ воза началъ выпрягать клячъ.

— Ты ты оглухъ, ты ты сказывся (сбѣился)? флегматически, но съ непоколебимою вѣрою въ силу своей власти проговорила Хылька, глядя на своего все еще молчавшаго мужа.

— Буде тобі—сказывся! отвѣчалъ наконецъ Павлюкъ—бида!

— Яка тамъ бида?

— А така що не до гарщикивъ теперь.

— Не до гарщикивъ? Або що?

— На панщину повертають, отъ що!

Хылька остолбенѣла. За секунду предъ симъ она собиралась бранить своего мужа, но, услыхавъ сообщенное имъ громовое извѣстіе, забыла и думать не только что о горщикахъ, но даже и о томъ, что мужъ, вопреки ея воли и безконтрольному приказу, осмѣлился не купить ихъ.

— Тату, тату! а бынды (ленты) кушылы? радостно спрашивала, выскочившая въ эту минуту изъ хаты, шестнадцатилѣтняя красавица Хрыстя, дочь Павлюковъ.

— Видчепысь (отвяжись), не до бындъ теперь,—угрюмо отвѣтила Хрысти мать.

— На своихъ заручинахъ я буду безъ новой бынды, сказала пригорюнясь и надувъ коралловыя губки Хрыстя, и недавняя радость въ одно мгновеніе улетѣла.

— И не до заручинъ теперь! сказала Павлюкъ, грустно махнувъ рукой.

Услыхавъ сказанныя отцомъ слова Хрыстя подумала было не, realized ли ея отецъ въ мѣстечкѣ, а то иначе, какъ бы онъ могъ утверждать, что на бѣломъ свѣтѣ можетъ быть что нибудь важнѣе бындъ и ея обручинъ съ «мылымъ сердцю» Карпомъ? Предположеніе, что отецъ пьянъ, на минуту нѣсколько успокоило Хрыстю, но тутъ же слова отчаянной матери повергнули ее въ неопи- санное уныніе.

— Чыжь ты не чуешь дурна, що мужыковъ на панщину повертають? сказала мать дочери. Хрыстя въ ужасѣ сплеснула руками, барщина казалась ей въ стократъ хуже чумы и въ отчаяніи она начала рыдать.

— Пишла, скажена до хаты! прикривнула мать и, всегда послушная родительской волѣ, Хрыстя сейчасъ ушла.

— Кто же це тобі разказывавъ? спросила, послѣ ухода дочери, Хылька мужа.

— Въ мнѣстѣ, Квятковскій разказывавъ.

— Квятковскій? повторила Хылька и опечалилась больше прежняго.

— Шляхтичъ Квятковскій былъ хорошимъ знакомымъ Павлюковъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти и слылъ вообще чело- вѣкомъ, хотя и хитрымъ, но солиднымъ, который, слѣдовательно вздору молотъ не станетъ. Если бы еще у Квятковского были прежде крестьяне, то пожалуй и можно было бы заподозрить его въ томъ, что онъ мечтаетъ о возвратѣ недавняго залотаго панскаго вѣка, но такъ какъ у Квятковского отъ роду крестьянъ не бывало, слѣдовательно, такъ какъ по всей вѣроятности, его очень мало интересовало и интересуеть работаютъ ли крестьяне барщину или нѣтъ, то собравивъ все это Хылька, такъ же какъ и мужъ ея, рѣшила въ умѣ своемъ, что сообщенное Квятковскимъ извѣстіе не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Квятковскій былъ прежде экономомъ въ Ивасовкѣ; а такъ какъ Павлюкъ былъ самымъ зажиточнымъ тутъ крестьяниномъ, то и неудивительна ихъ старая дружба. Квятковскій, какъ и подобаетъ быть эконому, былъ страшнымъ взяточникомъ, а съ

кого же, въ прежнія блаженныя времена, было всего удобнѣе ему брать взятки, какъ не съ зажиточнаго мужика? Квятковскій и не дремалъ: ежели напимѣръ случалось, что лошади Павлюковы забредутъ на помѣщичье поле, или Павлюковы свиньи поцарапаютъ кое гдѣ барскій огорождъ, то Квятковскій, строго бывало каравшій подобнаго же рода преступниковъ, Павлюка новроетъ, а сей послѣдній, по чувству благодарности и тащить въ этотъ же день миску меду или копу яиць, но Квятковскій былъ себѣ на умѣ.

— Медъ медомъ, говаривалъ онъ при подобныхъ случаяхъ Павлюку, а два золотыхъ, коханный мій братику, таки подавай.

Почешеть, бывало, услыхавъ эти слова Павлюкъ, затылокъ, а все таки кончается тѣмъ, что 30 коп. перейдутъ изъ кожанаго кисета Павлюка въ карманъ Квятковскаго.

Собирая такимъ образомъ, гдѣ золотые, гдѣ гроши, а частую поживившись и на панскомъ гумнѣ, Квятковскій собралъ было таки малую толику на черный годъ, но года три тому назадъ съ нашимъ предусмотрительнымъ шляхтичемъ случился такой казусъ, что онъ обѣднѣлъ. Принципаль Квятковскаго занялъ у всѣхъ своихъ официалистовъ и у сосѣднихъ жидковъ, гдѣ сколько можно было, а вслѣдъ за тѣмъ и обанкрутился. Ивановка продана была съ публичнаго торга. Жидки имѣли векселя и получили по сороку копѣекъ за рубль, а официалисты, давая своему принципалу деньги изъ уваженія къ яеневельможному пану, не взяли, не то что векселей, но даже и простыхъ квитковъ, а потому не получили ни гроша. Отъ такой спекуляціи пропало и три тысячи золотыхъ Квятковскаго, что составляло все его имущество. Сначала приунывъ Квятковскій опустилъ было руки, но потомъ взявшись за умъ, нанялъ у новаго владѣльца Ивановки, *поедынокъ* (9 десятинъ) поля и кое какъ перебивался. Быть можетъ Квятковскій и вполне утѣшился бъ, еслибъ у него не было и другаго постоянного горя, въ видѣ двадцатилѣтняго, какъ говоривалъ самъ Квятковскій, ни къ чорту негоднаго болвана сына. И дѣйствительно молодой Ясъ, былъ таки порядочный болванъ: не смотря на всѣ усилія отца, не смотря даже на постоянную добрую нагайку, старую и добрую знакомую Ясиной спинѣ, онъ не научился ни писать ни читать. Къ полевымъ работамъ Ясъ чувствовалъ шляхетное отвращеніе, да наконецъ и самому старику Квятковскому казалось постыднымъ, чтобы его Ясъ, родной сынъ нана анонома, работалъ на равнѣ съ какимъ нибудь простымъ мужичьемъ. У Яся былъ только одинъ талантъ, а именно: необмывовенная способность съдѣлать огромное количество разной про-

визіи съ непостижимой быстротой. Въ особенности онъ мастеръ былъ уничтожать любимые имъ столько же какъ и его отцемъ гречавыя голушки съ саломъ. По шляхетскому обычаю у Квятковскаго за столомъ вся семья ѣла изъ одной общей миски. Поставять бывало миску съ голушками, старина не успѣетъ еще и оглянуться, а его любимыя голушки одна за другой мелькнутъ въ пасть Яся, скользнуть по его горлу и плотно улягутся въ его животъ. Досадно было Квятковскому, сильно хмуриль онъ свои сѣдыя брови при видѣ пустой миски. Въ прежнія времена достатка Квятковскій сносилъ еще кое какъ сыновній аппетитъ, от *swinia rodła*, бывало скажетъ онъ, и прикажетъ женѣ прибавить изъ горшка галушекъ,—теперь же, когда приходится кровавыиъ потомъ добывать себѣ не только голушки съ саломъ, но даже и черствый кусокъ хлѣба, Квятковскій сильно началъ подумывать о томъ, какъ бы сбыть съ своихъ рукъ да перевести на чужой дворъ обжору. Подумавъ, погадавъ, Квятковскій рѣшилъ, что удобнѣе всего женить Яся и сдать его въ чужую зажиточную семью какого нибудь крестьянина. Шляхетскій говоръ и сильно страдалъ отъ такихъ связей, но все таки онъ обратилъ свой экономическій взоръ на единственную дочь богатаго крестьянина Хрыстю Павлюкову. Дней за десять до описаннаго выше дня, встрѣтивъ Павлюка въ корчмѣ, Квятковскій сдѣлалъ ему предложеніе. Павлюкъ согласился, Хылька не рѣшалась, а Хрыстя отказала на отрѣзъ. Въ тотъ же вечеръ пришли въ Павлюкову хату сваты отъ сына зажиточнаго сосѣда крестьянина Карпа, а Хрыстя, хотя по дѣвичьему обычаю и поколупала стыдливо спину и плечи, но все таки объявила что Карпъ ея воханный, что Карпъ ея жаданы и что она ни чьей, кромѣ Карпа, женой не будетъ.

— На чорта намъ ляшокъ, та ще прыдурковатый, сказала Хылька мужу. Въ домашнемъ совѣтѣ рѣшено было, что за недѣлю «отъ недѣли» будутъ Хрыстя съ Карпомъ заручины.

Въ описанный нами день, т. е. въ день обручинъ, Хылька зарѣзала *курку*, заколола *порося*, наварила, напекла, а между тѣмъ привезенное Павлюкомъ изъ мѣстечка страшное извѣстіе, какъ мы это видѣли, разстроило всѣ планы. Не успѣла покорная родительской волѣ Хрыстя скрыться въ хату, какъ Павлюкъ и Хылька увидѣли, что Квятковскій вошелъ къ нимъ во дворъ.

— Помогай Богъ, куме! Якъ ся маете? сказалъ Квятковскій, снисходя, въ надеждѣ спасенія своихъ голушекъ, съ своего величія до того, что заговорилъ съ Павлюкомъ не на приличномъ его сану польскомъ, а на простомъ мужицкомъ нарѣчій.

— Злецько маемся пане! грустно отвѣтила Хылька.

— А що?

— Тожъ Павло каже, що вы раскаивали въ мисти що насъ на панщину повертають

— Правда, кумо, правда повертають.

— Хто жъ вамъ цѣ казавъ?.....

— Въ барабаны въ Старомиколаевы публикованы.

— Въ барабаны публикованы! всплеснувъ руками повторила Хылька; ноги ея подкосились и убитая горемъ она съла на землю.

Квятковскій вралъ. Правда, что у него не стало бы на столько изобрѣтательности, чтобы самому придумать возстановленіе барщины, но все таки онъ вралъ. Въ дѣйствительности вотъ какъ было дѣло. Не задолго до описаннаго нами дня новый владѣлецъ Ивановки, адвокатъ Вонжаровскій, получилъ отъ народоваго жонду предписаніе, стараться всѣми мѣрами лично и посредствомъ своихъ кліентовъ всячески бунтовать *руссиновъ*. Получивъ предписаніе Вонжаровскій поодиначкѣ призывалъ къ себѣ всѣхъ живущихъ въ Ивановкѣ и въ ея окрестностяхъ шляхтичей и по секрету (по секрету!) объявлялъ имъ, что получилъ самое достовѣрное свѣдѣніе, что снова возстановляется барщина. Сначала эта новость понравилась Квятковскому съ одной только и именно съ поэтической стороны. Онъ припомнилъ себѣ съ какимъ бывало наслажденіемъ давалъ волю своимъ батогамъ! и это воспоминаніе радостно взволновало его шляхетску *крѣвь*. Но увы! Квятковскій уже болѣе не экономъ, а слѣдовательно, по всей вѣроятности, ему не случится болѣе наслаждаться, но всежъ таки ему хоть удастся быть свидѣтелемъ милаго его шляхетско-экономскому сердцу дивертисмента! Впослѣдствіи же, вникнувъ поглубже въ суть дѣла, Квятковскій нашель вѣсть о возстановленіи барщины интересно не только съ поэтической, но и съ практической стороны, вѣдь его Ясь вольный шляхтичъ: на барщину его не закабалить, такъ кто знаетъ, быть можетъ теперь, при перемѣнѣ обстоятельствъ, Павлюкамъ болѣе понравится вольный Ясь чемъ хлопъ Карпо? Вслѣдствіе этаго глубокомысленнаго соображенія, Квятковскій прежде поугалъ въ мѣстечкѣ Павлюка барщиной, а потомъ и явился съ дипломатическою цѣлію во дворъ Павлюковой усадьбы.

— Бачите кумэ, не хтелисте витдаты дочки за мово Яся, а теперъ отдаєте за панщеннаго, угрожающимъ голосомъ сказалъ Квятковскій.

— Не витдамъ за панщеннаго! отозвался первый Павлюкъ.

— Лише въ магылу! добавила Хылька.
 — А поймите за мого Яся заключилъ Квятковскій.

На минуту всё замолчали.

— Чувшь Павло пйдемъ до корчмы; може тамъ щось дови-
 димыся, спохватилась Хылька.

— Пйдемъ, отвѣтилъ Павло.

— Идите, идите, съ увѣренностью проговорилъ Квятковскій. Корчма была не болѣе какъ въ трехъ стахъ шагахъ отъ Павлюковой хаты и черезъ нѣсколько минутъ, Павлюкъ, Хылька и Квятковскій были уже возлѣ нея. Возлѣ корчмы была, какъ это обыкновенно бываетъ не только что въ воскресенье, но часто и въ будніе дни, не смотря на всё запрещенія и мирового и волостнаго,—куча народа. Мѣстный артистъ коваль игралъ на сиринкѣ, молодежь неистово отплясывала, а старики, покуривая люльки важно толковали о мирскихъ дѣлахъ.

— Помогай Богъ, сказалъ Павлюкъ, обращаясь къ громадѣ.

— Помогай Богъ отвѣтили Павлюку.

— А чулыте биду? спросилъ Павлюкъ обращаясь къ иванковскому народному мудрецу Данилѣ Данилюку.

— Яку биду? отозвался Данилюкъ.

— На панщину повертають.

— Що! що кажете протянулъ Данилюкъ, а люлька его такъ и вывалилась изо рта.

— Квятковскій разказуетъ.

Толпа мужиковъ окружила Квятковского.

— Кто цѣ вамъ казавъ? Дѣ вы цѣ чулы? спрашивали на перерывѣ одинъ передъ другимъ мужики.

— Въ Старомыколаеви въ барабаны публикованы.

— Въ барабаны публикованы!

Страшное извѣстіе распространилось въ одну минуту въ толпѣ. Молодежь перестала плясать, артистъ играть, въ ужасѣ всё повѣсили головы.

— Ой лыха годыпа! ой горенько наше! восклицали тамъ и здѣсь въ толпѣ, а Квятковскій! межъ тѣмъ шептался съ Беркомъ, жидомъ арендаторомъ; а Берко весело кивалъ ему своей рыжей бородкой.

— Чы вы показылыся? отозвался наконецъ сельскій староста, высокій и статный мужчина. Квятковскій брешеть, а вы слушаєте! Чыжъ цѣ може буты що бы царь зломавъ свою руку?

— Бреши, Квятковскій, бреши! отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Спытайся соби Берки, отвѣтилъ Квятковскій.

Какъ за минуту предъ симъ Квятковскаго, такъ теперь Берка, окружила толпа, а Берко подтвердилъ, что онъ давно слыхалъ о поворотъ мужиковъ на барщину, но что онъ, боясь опечалитъ громаду, изъ любви къ ней не распространялъ этаго страшнаго извѣстiя; теперь же когда все равно громада объ этомъ знаетъ, то онъ Берко объявляетъ, что мужики опять будутъ работать панамъ барщину!

Однѣ опечалились ивановскiе мужички, а многiе изъ нихъ, разумеется, по преимуществу посѣтители Берки, тутъ же рѣшили, что такъ какъ теперь оброковъ платить не нужно, и такъ какъ все равно приходится погибать на барщинѣ, то и денегъ не для чего хранить, а лучше ихъ пропить. Водка потекла ручьемъ изъ Берковой бочки, а счастливый арепдаторъ, опять шептался съ Квятковскимъ и весело пивалъ ему бородкой.

— Пйдемъ до хаты, сказала Хылька мужу.

И они пошлн. Квятковскiй вмѣстѣ съ ними. Во всю дорогу онъ съ жаромъ описывалъ преимущества своего Яся передъ Карпомъ.

— Биглэ липше за Яся! сказалъ наконецъ, пристально глядя женѣ въ глаза, Павлюмъ въ ту минуту, когда они вошли въ хату.

— Не хочу за Яся—Хрыстя плакаты буде, отвѣтила Хылька.

— Не хочешь за Яся? хочешь за панциннаго, спрашивалъ Квятковскiй. А помятаете кумо, якъ литъ съ пятнадцать тому, разъ въ ночи, прышлы со двора панскiе казаки и повелы васъ до пани. Якъ посла вы хотѣлы въ рѣчцѣ утопытыся, якъ Павло плаковъ?

— Не кажысь, не кажысь! грозно перебила Хылька Квятковскаго, и при воспоминанiи о случившейся съ нею въ ея молодости страшной катастрофѣ, въ глазахъ у нея сверкнулъ огонь.

— Такъ буде и съ Хрыстею добавилъ Квятковскiй.

— Не вытдамъ за панциннаго! не сгублю своей дѣтныи! Липше въ могилу Хрыстю! воскликнула Хылька. Нехай буде воля Божья, — не хай иде за Яся!

Услыхавъ слова матери Хрыстя прежде поблѣдѣла, а потомъ выскочила вонъ изъ хаты и выбѣжала на улицу. Старикъ принялся толковать о предстоящей свадьбѣ, а черезъ нѣсколько минутъ Хрыстя возвращалась уже вмѣстѣ съ блѣдыиъ и дрожащииъ Карпомъ.

— Мамо, тату! Голубоньни вы мои! Чыжъ то може буты?

отеналъ Карпо, войдя въ хату и въ отчаяніи падалъ въ ноги, то отцу, то матери своей недавней еще невѣсты.

— Пйду въ ричку утоплюся! рыдая говорила Хрыстя.

— Не вѣтдамъ за панщиннаго, не сгублю своей дѣтины, повторилъ Павлюкъ.

— Голубонько мой Карпо! Чыжъ тобѣ нема дивка опрнчъ нашей Хрысти? проговорила тронутая Хылька.

— Коханая моя, жаданая моя! Чыжъ я ее не любывъ.

— Ой не любншь ты ее, отозвался Квятковскій.

— Не кажысь, пане Квятковскій! не гнѣвайте Бога!

— Якъ бы ты ее любывъ, то не хтялъ бы сгубыты.

— Хрыстю сгубыты!

— Альбожъ не буде вона сгублена, якъ поженуть отъ недѣли до недѣли на панщину? Пйдутъ и кони, пйдутъ и коровы, а сама якъ не выйде ще до свита на панщину, то и дадутъ въ шкуру!

Странное предвѣщаніе Квятковскаго до того ошеломило Карпа, что онъ растерялся и не зналъ что отвѣтить, а Хрыстя продолжала громко рыдать.

— Бачншь що Квятковскій ма рацію, сказала Павлюкъ Карпу.

— Карпо прѣстоялъ еще молча съ минуту, а потомъ и вышелъ изъ хаты.

— Нехай не Карпа, да не хочу и Яся! воскликнула Хрыстя послѣ ухода Карпа.

— Чы ты скавылася Хрыстя? отозвался отецъ. Маты наварыла, напекла, я взявъ въ корчмѣ видро гарылки, тай щобъ не було заручннъ.

— Не дуры, дивка, пйдешъ за Яся! сказала Хылька, идить пане Квятковскій, кычнн пани и своего Яся.

Квятковскій, разувѣтеса, не заставилъ себя долго просить; съ быстротою юности онъ побѣждалъ за своей дражайшей половиной и за милымъ сынкомъ.

— А галузки будуть? былъ первый вопросъ Яся, когда онъ вошелъ въ хату невѣсты.

— И съ масломъ, и съ саломъ, и щенячнныя, и гречаныя отвѣтила Хылька.

Вскорѣ собрались и гости: пономарь, гумениый съ женой, побережнкъ (полѣсовннкъ) съ дочкой и нѣсколько человекъ почетныхъ крестьянъ. Пани Квятковская, какъ и подобаетъ особѣ аристократическаго происхожденія, услася на почетномъ мѣстѣ, т. е. въ углу подъ образами, Хрыстя все еще продолжала громко рыдать въ углу у печки, а Хылька собиралася было уже тор-

жественно передать родителям жениха обручальную хустку (платок), как неожиданное обстоятельство сразу все повернуло въ верхъ дномъ.

Послышался звонъ колокольчика.

— Чы не становой часомъ? спросилъ Павлюкъ.

— А якъ становой то що? отвѣтилъ Квятковскій. Прихавъ и поиде къ чорту.

— Добре вамъ казаты пане Квятковскій, сказалъ Павлюкъ. Може вонъ прихавъ пытаты за магазинъ, а выжъ знаете, що я магазинный.

— Вставъ коло корчмы, продолжалъ Павло, услыхавъ что колокольчикъ затихъ. Трэ (нужно) мни итты, може буде яки прыказъ. Посѣдять,—я заразы вернуся.

И Хылька и гости, разумѣется, понимали важность дѣла и потому не удерживали Павлюка; онъ вышелъ, а вслѣдъ за нимъ и любопытный Квятковскій. Когда они подошли къ корчмѣ, то увидѣли, что дѣйствительно прихавшій въ село становой сидѣлъ въ своей брычкѣ, а толпа мужиковъ почтительно и безъ шапокъ окружала его.

— Не вѣрьте, это ложные слухи; на барщину васъ никогда не возвратять, говорилъ становой сильно обрадованнымъ мужикамъ. Что сказалъ руескій Царь, того ничто на свѣтѣ измѣнить не можетъ, прибавилъ онъ.

— А бычите, я вамъ казавъ, що Квятковскій бреше, отозвался староста, обращаясь къ толпѣ.

— Доставить Квятковскаго въ становую квартиру, продолжалъ становой, обратясь къ старостѣ.

— А отъ винъ и самъ ваше в-дѣе, сказалъ староста, завидѣвъ приближавшагося Квятковскаго.

— Какъ ты смѣешь распространять ложные слухи? прикрикнулъ становой на Квятковскаго.

— Я тоже слыхалъ, вельможный пане, оправдывался струсившій Квятковскій.

— Кто тебѣ говорилъ..

— Берко говорилъ.

— Неправда, неправда, вопилъ, поблѣднѣвъ, Берко.

— Правда, правда и Берко говорилъ, увѣряли мужики.

— И Берка доставить въ становую квартиру.

— Ясне пане! Да чѣмъ же я виноватъ? Квятковскій говорилъ, что это панъ Вонжаровскій рассказываетъ.

— А! Вонжаровскій? Старый плутъ!—Доставить и Берко и

Квятковского! А васъ, крестьяне, я убѣждаю впередъ не вѣрять ложнымъ слухамъ.

— Ну, пошелъ! крикнулъ становой своему кучеру.

Колокольчикъ станового опять зазвенѣлъ, брычка его завернувъ за уголь корчмы скрылась изъ виду, а восторженные мужики все еще отвѣщивали низкіе за добрую вѣсточку поклоны. Ясъ во время отсутствія Павлюка и контроля со стороны отца до того надѣлъ Хылькѣ требованіемъ гречаныхъ галушекъ съ саломъ, что та, вопреки обычаю, не дождавшись общей трапезы, насыпала ему огромную миску, которую тотъ уничтожилъ съ такой непостижимой быстротой, а потому такъ усердно началъ упрашивать другой миски, что смѣтливая Хылька испугалась и подумала: не наварится мнѣ будущему зятю галушекъ, а въ это время материнское сердце пани Квятковской невыразимо наслаждалось при видѣ блаженства ея сына.

— Сбредхавъ, сбредхавъ! не буде панщыны! радостно воскликнулъ Павлюкъ, вбѣгая въ свою хату.

— Кто сказавъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

Становой!

— Хвалыть Господанька! воскликнула, всплеснувъ руками Хылька.

— Пани Квятковска! идите хутенько (скорѣе) до корчмы.

Вашего челоуѣка въ полицію берутъ! сказалъ Павлюкъ.

Нашлы въ кристовскомъ спискѣ? съ ужимкой спросила Квятковская.

— Не за то, а за тѣ, що сбредхавъ о панщынѣ.

— Изъ этихъ словъ пани Квятковская ни чего не поняла но, разумѣется, все таки полетѣла, къ своему арестанту?

— Иды соби и ты вражый ляхтля! Витдамъ Хрыстю за Карпа, сказала Хылька Ясю, который нимало не смутившись сообщеннымъ ему извѣстіемъ, преспокойно улелетывалъ вторую миску галушекъ.

— Пйду, пйду, нехай галушки доимъ, простодушно отвѣтилъ незлобивый Ясъ.

— Ой мамо, ой тату! Ой серденько ими! восклицала въ то же время восхищенная Хрыстя.

Квятковского и Берка отвели въ становую квартиру; Вонжаровскаго арестовали; Хрыстя въ тотъ же вечеръ обручилась съ счастливымъ Карпомъ, а авторъ этаго разказа порадовался и за Хрыстю и за Карпа, а еще болѣе тѣмъ, что недавній еще предметъ тоски и ужаса въ селѣ—полицейскій колокольчикъ, теперь

уже не тревожить ни сердца, ни кармана его, а волнует душу не тоской и ужасомъ, но противоположными чувствами, безпрестанно извѣщая о благодѣтельныхъ, благоразумныхъ и предупредительныхъ распоряженіяхъ правительства.

Шигаринъ.

12 февраля 1865 г. С. Писаревка.

Письма изъ западнаго края *)

IX.

Г..... Л..... Н..... у,

Вильна 1 іюня 1864 года.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ говорилъ я о старомъ товарищѣ нашемъ, артиллерійскомъ капитанѣ Д... На дняхъ я съ нимъ встрѣтился: все тотъ же; ничего не перемѣнилось.

А сколько ужъ лѣтъ незамѣтно прошло

Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ Польшѣ

И сколько вина ужъ съ тѣхъ поръ протекло

А чистой воды еще больше... и т. д.

(Ширковъ).

Меня судьба гоняла изъ одного края въ другой, Д. все время, т. е. болѣе десяти лѣтъ, не оставляла Польши и западныхъ губерній.

Заговоривши разъ о капитанѣ Д. надобно познать васъ съ этою типическою личностью... Д. еще въ тридцатыхъ годахъ выискалъ изъ фехдубелей дворянскаго полка въ артиллерию, не столько по успѣхамъ въ наукахъ, сколько по отличію во фронтовомъ образованіи. Плавность ординарческаго его шага была изумительна: поставять ему на киверъ полный станаць воды—ни капли не прольетъ, а тѣло вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняетъ должный наклонъ. До одного никогда не могъ онъ дойти, хотя по собственному признанію это его мучило денно и ношно, не умѣлъ онъ ломать приклада при выкидѣ ружья на краулъ, какъ это дѣлахъ Х***, старый кадетъ, занимавшій крайнее мѣсто съ лѣваго фланга на задней скамейкѣ.

Тутъ необходимо сдѣлать маленькое отступленіе. Х*** это тотъ самый пѣхотный офицеръ, который подъ Севастополемъ,

*) Первые восемь писемъ были помѣщены въ «Военномъ Сборникѣ». — *Ред.*

во время самой горячей перестрелки, лежился спиной на брустверъ, поднималъ въ такомъ положеніи ноги, и дрыгая ими въ вѣдущъ, кричалъ непріятелю: «ну—валяй на полную пещію!» Желаніе Х*** не осуществилось, онъ остался съ ногами; въ послѣдствіи, однакожь, на одной изъ ночныхъ вылазокъ, получивъ сильную контузію, удостоился покровительства комитета о раненныхъ, и попалъ въ городничіе; не посчастливилось Х*** на новомъ поприщѣ: этаго гомеровскаго героя выключили изъ службы за взятки.

Хоть грустно, надобно признаться, что Х***ы у насъ явленіе не исключительное. Чтожь это такое? Неужели, какъ утверждаютъ иностранцы, получившизация испортила насъ до костей?— Нѣтъ, мы не испорчены, кости наши цѣлы, кожа только потрескалась отъ нѣмецкаго лоска. Очистимъ же русское поле отъ иноземныхъ плевелъ, засѣемъ его русскою пшеницей — и черноземная сила возьметъ свое; преобразуемъ нѣмецкія наши заведенія въ русскія училища, и мы скоро переживемъ поколѣніе Х***овъ. — Для насъ все еще впереди. Пойдемъ же живѣе ребята! Отъ начальства задержки нѣтъ; тихій шагъ уничтоженъ;— введенъ шагъ бѣглый!

Вернемся однакожь къ капитану Д... Кромѣ ломки приклада при вскидкѣ на краулъ не давался ему еще одинъ предметъ: нѣмецкій языкъ; но это нисколько его не мучило, и понинѣ не мучить. Напротивъ того, онъ гордится отвращеніемъ своимъ къ этому діалекту, такъ, что, подъ веселый часъ, рассказываетъ какъ онъ новичкамъ, говорящимъ по нѣмецки, ловко давалъ под... затыльники.

Независть свою ко всему нѣмецкому Д. перенесъ на все *не русское*; вотъ почему, встрѣтившись съ нимъ послѣ долголѣтней разлуки, я и не счелъ нужнымъ задавать ему обычныхъ политическихъ вопросовъ, съ которыми въ здѣшнемъ графѣ въ настоящее время встрѣчаются русскіе; я только съ извѣстной интонаціей, и употребляя его любимое выраженіе, спросилъ: «ну что батюшка, вы имъ хорошо завинтили?»

— Да, почтеннѣйшій, отвѣтилъ мнѣ Д. съ многозначительной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустной улыбкой: завинтили мы имъ винтъ не простой, а Архимедовъ.

Не зная никогда за Д. никакихъ механическихъ познаній, я полюбопытствовалъ узнать, что онъ подразумеваетъ подъ архимедовымъ винтомъ?

— Вить съ глубокими шаръзани и безъ шляпки!—объяснилъ онъ мнѣ.

«Вотъ оно что! ну теперь понимаю.»

— Противу польскихъ агитаторовъ, продолжалъ Д., это единственно дѣйствительная система....

«Да вы уже понѣмецки выучились говорить, остановилъ я его. *Агитаторы, система.*

— Время почтеннѣйшій такое, что поневолю у прапорщикова и по нѣмецки выучишься!

Я вздохнулъ съ добрымъ Д., но собственно за него успокоился, когда онъ объяснилъ мнѣ, что *агитаторъ* по польски значить шляхтичъ, а *система* — висѣлица. Заинтересованный такимъ гуманнымъ взглядомъ моего стараго товарища, я разговорился съ нимъ, и вотъ что повѣдалъ онъ мнѣ:

— Вы удивляетесь, что я русскую рѣчь свою искажаю иностранными словами. Скажу вамъ болѣе: русская душа моя чуть было не искажилась иностранными понятіями. Да-съ, много я въ эти послѣдніе годы перестрадалъ, многому и научился, много передумалъ, Богъ знаетъ чѣмъ бы кончилось, — да польскій мятежъ отрезвилъ.—Помните-ли, кромѣ устава да зеленой книжки **) я ничего не читалъ; въ послѣднее же время я все вычиталъ, я исчерпалъ всю глубь человѣческихъ знаній... я почти ученый... Замѣчаете ли вы, что я ужъ не говорю по прежнему, какъ прилично всякому почтенному капитану? Рѣчь у меня сдѣлалась плавная, катковская.

Я глядѣлъ съ недоумѣніемъ на Д. При послѣднихъ словахъ у него глаза даже загорѣлись зловѣщимъ огнемъ; я не узнавалъ стараго товарища. Каково же было мое удивленіе, когда онъ глухо и таинственно признался мнѣ:

— Я, почтеннѣйшій, Бокля прочиталъ!...

Я отшатнулся.—«Что же это съ вами сдѣлалось? Чтоже вы вынесли изъ этого чтенія?»

— Какъ вынесъ? выпучивъ глаза возразилъ мнѣ Д.:—я читаю всегда лежа предъ сномъ.

«Но скажите мнѣ, какъ это вамъ вздумалось заниматься такой дребеденью?»

— Вы знаете мою слабость... то есть на счетъ женекаго пола? вы также знаете, что я владѣлъ умѣньемъ...

**) Зеленою книжкой называли артиллеристы маленькое руководство или уставъ для практическихъ занятій, т. е. для стрѣльбы.

«Прельщать?» хотѣлъ я докончить рѣчь потупившаго взоры Д. Но онъ со скромностію поправилъ :

— Не быть противнымъ. Да, за нѣсколько лѣтъ это было не трудно; выучишься бывало: *о кобеты пухмарны или тихо вшендзе, глухо вшендзе*,—и достаточно при нѣкоторой ловкости. Но съ нѣкоторыхъ поръ все начало измѣняться, пошли *высшія воззрѣнія, прогрессъ, гуманность*,—нашъ братъ не суйся! Начнется разговоръ... ничего не понимаешь, сидишь какъ дуракъ. Я не говорю уже о какомъ нибудь высшемъ кругѣ, и поссессорскія дочки туда же! Бывало чины уважають, вдругъ начали къ прапорщикамъ да къ юнкерамъ лънуть! Скажешь: моя панна, что вы въ такомъ то прапорщикѣ нашли? вамъ болѣе къ лицу быть капитаншей!... а она отвѣчаетъ: не въ чинѣ дѣло, а въ сродствѣ идей; что же это за мужъ, съ которымъ не объ чемъ поговорить, который ничего не читаетъ, у котораго не выработаны убѣжденія? Дошло до того, что я сдѣлался какимъ то отверженцемъ. Подойду къ кружку молодыхъ людей и паненокъ, сейчасъ же всѣ замолчатъ или предложатъ такой... вопросъ, что сконфузишься, а они примутся шушукаться, да зубоскалить... что тутъ дѣлать! пришлось куриць у яйцъ учиться!

Изо всей молодежи пришелся мнѣ болѣе всѣхъ по нраву прапорщикъ В... Онъ хотя и изъ университетскихъ, менѣе всѣхъ носъ задиралъ, да и по службѣ былъ старателенъ: даже на *пльшее по конному* не опаздывалъ. Залучилъ я его къ себѣ; пошли тары—бары, говорю: что вы совсѣмъ отъ насъ стариковъ отшатнулись, контру завели,—не хорошо, молодой человекъ! А онъ то мнѣ въ отвѣтъ про молодое поколѣніе, да опять про сродство идей, что вѣкъ уже не тотъ, надо-моль учиться. «Да что вы, капитанъ, говорить онъ мнѣ наконецъ, въ старики записались, вы изъ пашихъ; съ вашимъ умомъ вы истинно къ намъ льпете, стоитъ только отъ старой рутины вамъ отдѣлаться! Зачѣмъ вы гнушаетесь всего печатнаго? Зачѣмъ съ нашимъшкою пазываете насъ *учеными*? Развѣ учиться хуже, чѣмъ по цѣлымъ днямъ въ преферансъ рѣзаться.» Я задумался; а онъ этимъ воспользовался, сперва самъ началъ мнѣ вычитывать разныя вещи; потомъ далъ мнѣ книжку, другую, третью... дошло и до запрещенныхъ.

— Что со мною въ это время дѣлалось—не могу рассказать! Нашель, какой-то туманъ. Читаю, бывало, читаю—ничего не понимаю, а кинуть не хочется—какъ то лестно. Новымъ словамъ выучился... всѣ одобряють... паненки не гнушаются... какъ-то помолодѣлъ! Съ другой стороны совѣтъ начала мучить,

чувствую что-то не то... похоже на правду, да неправда... не вѣрится, а отвѣта дать не могу: повѣрьте, ночи безсонныя проводилъ! Все это продолжалось года,—почтеннѣйшій,—два.. вспыхнулъ мятежь.

Мы всѣ давно знали, что онъ готовится; при насъ не стѣснялись говорить; мы продолжали ѣздить въ дома, гдѣ насъ просто-таки въ глаза ругали. Всего не перескажешь; ну чегоже болѣе: я самъ—повѣрите ли?—подтягивалъ въ хорѣ *съ дымомъ пожаровъ...* *) Какъ все это дѣлалось? Какъ произошло?—Не могу дать себѣ теперь отчета! Туманъ, просто туманъ! Свобода національностей! Духъ примиренія! Борьба цивилизаціи противъ варварства... и Богъ знаетъ еще какая фанаберія!

— Мятежь вспыхнулъ. Вы думаете, мы опомнились? Я уже не говорю о людяхъ польскаго происхожденія—это исключеніе. Я вамъ скажу о себѣ и о многихъ другихъ; которые, какъ я, подъ старость вздумали учиться прогрессу у прапорщиковъ: мы всѣ разумѣется остались вѣрными своему знамени; но, стыдно вспомнить, не только прощали, даже находили натуральнымъ это, какъ мы называли, *стремленіе къ оводобѣ и возстановленію независимости своей отчизны!* Мы укоряли солдатъ нашихъ въ жестокости! Были случаи, что, подходя къ опушкѣ лѣса, въ которомъ укрывалась шайка, мы заводили перестрѣлку, чтобы дать средство *несчастнымъ* разбѣгаться. Къ счастью нашему въ одно прекрасное утро польскій туманъ разсѣялся.

И этому вы обязаны, замѣтилъ я, *великому возстановителю русской народности въ здѣшнемъ краѣ.*

— Вы знаете, я не вольнодумецъ, всегда уважалъ и буду уважать начальство, но я долженъ вамъ сказать, что вы ошибаетесь... Тутъ Д. таинственно понизилъ голосъ: обязаны мы не ему, а деньщику моему Ивану!

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Д.

— Слушайте, продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое изумленіе. Послѣ одной стычки съ мятежниками, въ которой, по принятому нами правилу, мы *повеликодушничали*, я легъ отдохнуть. Заснуть не могу! ворочаюсь съ боку на бокъ... то потушу, то опять зажгу свѣчу... закурю папироску,—не могу заснуть. Все мысли тревожатъ! чувствую, что идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ... дисциплина не та... въ себѣ какъ-то нѣтъ у-

*) Одна изъ современныхъ математическихъ пѣсенъ.

вѣренности... въ войскахъ будто ропоть... вотъ я и говорю Ивану: что это Иванушка мнѣ не спится? все нездоровится!— А Иванъ-то у меня, знаете, какой антикъ? прямо мнѣ въ лицо: «не спится, значить совѣсть не чиста!»—

Что ты, дуракъ, не чиста?

«Да такъ—нечиста. Не на чистоту дѣло дѣлаете! Какъ бы разомъ съ поляками порѣшили, такъ и заснули-бы спокойно». Ахъ братъ, Иванушка, порѣшить-то можно, да слышалъ ли ты, что умные люди говорятъ: что мы завоевали ихъ страну, что они за свободу свою встали! Ну, разумѣется, надо ихъ усмирить, да надо и пожалѣть!

«Не знаю я, что ваши умные люди говорятъ, а мы дураки такъ другое говоримъ... мы говоримъ, что тутъ нѣтъ Польши, одни паны тутъ поляки; а мужички все русскіе, что на сто мужичковъ вѣдь только полъ-пана; стало быть тутъ не Польша, а Россія, а паны только ее заволонили, ну такъ и надо съ панами порѣшить, какъ въ старину съ французомъ порѣшили! Врага нечего жалѣть! Вы еще говорите, ваше выс... діе, что они за свободу встали: нѣтъ, ужъ вѣрно васъ совѣсть вражья сила обожла,—все видите на изворотъ. Кто далъ мужичкамъ свободу?—Царь. А мятежъ то они когда подняли?—какъ только манѣстѣ объявили: стало быть они не за свободу встали, а противъ свободы ополчились!...

Пока Иванъ говорилъ, у меня все отъ души какъ-то отлегало... Какъ будто мнѣ кто-то руки, ноги развязывалъ... Я все говорилъ про себя: дуракъ я—дуракъ! скотина я—скотина! Какъ онъ кончилъ, я винулся его обнимать:— «Иванушка, благодарѣтель мой! спасъ ты меня! уму разуму научилъ!»... да сейчасъ же къ прапорщику В... и началъ ему говорить: «такъ молю и такъ-то...» все съ Ивановыхъ рѣчей! Прапорщикъ В., человекъ умный, все выслушалъ... поблѣднѣлъ... началъ по комнатѣ ходить... Все ходить, а я на него гляжу, да думаю про себя: ну, что отвѣтить мнѣ на это сей ученый мужъ? Вотъ и сталъ онъ предо мною, скрестивши руки Наполеономъ, да и говорить: «Если-бы не Иванъ, погибли-бы мы съ вами, знатели вы это капитанъ?... «Я обнялъ прапорщика В., такъ я былъ радъ, что не пришлось мнѣ съ нимъ спорить!

Не буду распространяться о томъ, какъ мы съ нимъ вдвоемъ и другихъ товарищей повели на путь истинный, скажу вамъ только то, что скоро послѣ того прочли мы приказы и распоряженія

главнаго начальника края, и можете себя вообразить — всё со словъ Ивана, только слоги лучше.

Вы видите, почтеннѣйшій, заключилъ капитанъ Д., что вся честь принадлежитъ Ивану, а онъ только его подслушалъ!

Дѣйствительно, согласился я, вся честь за Иваномъ. Да не только теперь, и во всё трудныя эпохи нашей исторіи, тоже Иваны выносили матушку Россію на своихъ плечахъ. Заслуга же Суворовыхъ, Кутузовыхъ и Ермоловыхъ только та, что они первые подслушали, что говорятъ и чего желаютъ русскіе Иваны.

— Вещь, кажись, не хитрая, а все таки, значить, башка!...

О южно-русскихъ пословицахъ.

(Окончаніе.)

Б.) Антропологическія пословицы имѣютъ предметомъ своимъ челоѡвка и общество, внѣшнюю жизнь народа и внутренній бытъ его; поэтому онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы — пословицы *историческія*, или былевыя, и *бытосыл*. Первыя указываютъ на достопамятныя, по чему-либо, для народа явленія изъ его исторической жизни, явленія, глубоко врезавшіяся въ памяти народа, и потому запечатлѣныя творческимъ умомъ его и фантазійей. Вторыя изображаютъ различныя стороны быта народнаго и представляютъ челоѡвка въ различныхъ положеніяхъ жизни частной и общественной.

Г.) Историческія пословицы суть намеки на событія, примѣняемыя къ различнымъ случаямъ жизни. Но каждое событіе, каждый случай прикрѣплены къ извѣстнымъ лицамъ, времени и мѣсту и вслѣдствіе того носятъ на себѣ печать особенности, свой, такъ сказать, индивидуальный характеръ; поэтому и пословицы историческія, какъ изображающія такія событія и случаи, отличаются конкретностію знаменованія, частностію содержанія. А будучи слишкомъ частны по своему содержанію, онѣ, становясь достояніемъ народа, скоро забываются и выходятъ изъ употребленія большинства; если же иногда онѣ и живутъ въ народѣ, то, примѣняясь къ новымъ происшествіямъ и случаямъ, нѣзредко утрачиваютъ свою первоначальную характеристичность и значительность содержанія. Въ первоначальной своей чистотѣ и неприкосновенности, онѣ сохраняются въ старинныхъ письменныхъ памятникахъ и по-преимуществу у летописцевъ, которые

вносили ихъ въ свои замѣтныя харти, какъ приговоръ народа или доказательство. Изображая положеніе различныхъ историческихъ дѣателей при извѣстныхъ условіяхъ, а также положеніе народа и государства въ данный моментъ времени, историческія пословицы могутъ служить въ извѣстной степени матеріаломъ для исторіи. Приведемъ примѣры. *Знай, лише: по случъ наше!* Эта историческая пословица указываетъ на тотъ фактъ, что Хмельницкій, разбивъ поляковъ у Жолтыхъ Водъ и Корсуня, отбросилъ ихъ за р. Случъ и тѣмъ какъ-бы установилъ границу между тогдашнею Польшею и Украиною. Пословица: *за короля Саса наѣлися люди хлѣба ѣ мяса, а якъ наставъ Понятовскій, то все пошло почортоськи* характеризуетъ относительное благоденствіе южно-русскаго народа при королѣ польскомъ Фридрихъ-Августъ Саксонскомъ.— Извѣстно, что, по смерти Богдана Хмельницкаго, гетманское достоинство въ Малороссіи сдѣдалось предметомъ интригъ и кровавыхъ споровъ между различными честолюбцами, и гетманская булава переходила изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Мазепа, пользуясь милостію Петра Великаго, не успѣлъ упрочить за собою власть и возвысить упавшее достоинство гетмана. Это время внутреннихъ раздоровъ и партій народъ запечатлѣлъ пословицей: *одъ Богдана до Ивана не було гетмана* (1).

Пораженіе Карла XII подъ Полтавою увѣковѣчено въ народѣ поговоркой: *добуся якъ Шведъ подъ Полтавою*.

Пословицею *Иванъ несе плахту, а Нястя булаву* народъ заклеилъ недостатокъ энергіи, нравственную слабость гетмана Скоропадскаго и вмѣшательство въ дѣла административныя жены его (2). Эти примѣры достаточно показываютъ, что въ историческихъ пословицахъ южнорусскихъ равно увѣковѣчивается и память добрыхъ дѣлъ и пороки историческихъ дѣателей: наравнѣ съ именами героев и знаменитыхъ мужей, онѣ представляютъ намъ, какъ примѣръ, и такихъ дѣателей, которые не могутъ быть помянуты добромъ, и потому справедливо заклеены народнымъ порицаніемъ. Такимъ образомъ, онѣ являются величепріятнымъ цѣнителемъ и строгимъ поборникомъ

(1) Однакожъ у малорусскаго народа самое имя Мазепы обратилось, такъ сказать, въ поговорку, въ эпитетъ, примѣняемый къ самой суровой брани, къ самому рѣзкому проклятію. *Ред.*

(2) Имя Скоропадскаго было Иванъ, а жены его Анастасія.

ветины и правды. Изображая же нередко стороны и изгибы явлений жизни, ускользнувшие отъ вниманія летописцевъ, обрисовывая ихъ рѣзкими и меткими чертами, и, говоря вообще, представляя неподкупный взглядъ народа на историческія событія и лица, онѣ состоятъ въ тѣсной связи съ исторіей народа и съ полнымъ правомъ могутъ дополнять летописи и утѣшать въ утратѣ исторіи.

II.) Бытъ народа слагается изъ внутренняго и внѣшняго бытія; а то и другое имѣетъ различныя стороны. По этому бытовья пословицы, по своему содержанию, чрезвычайно разнообразны: онѣ бываютъ *нравоописательныя, сатирическія, юридическія, медицинскія и психологическія.*

а) Нравоописательныя пословицы, показывая, какъ народъ предлагалъ законы нравственности къ жизни, изображаютъ нравы и обычаи народа, его добродѣтели и пороки, хорошія и дурныя его свойства, свѣтлыя и темныя его стороны. Очевидно, онѣ существенно отличаются отъ нравоучительныхъ и никакъ не должны быть смѣшиваемы съ ними. Въ то время, какъ нравоучительныя предлагаютъ то, что въ жизни народа должно быть, нравоописательныя показываютъ, какъ и что изъ этого *должнаго* осуществилось въ жизни; тѣ изображаютъ нравственность народа со стороны идеальной или возможной, эти рисуютъ ее со стороны реальной. Такимъ образомъ, показывая, какъ неизмѣнныя идеи нравственности реализировались въ извѣстной средѣ, нравоописательныя пословицы изображаютъ жизнь народа во всей ея пестротѣ и разнообразіи, въ ея фактической положительности и опредѣленности. Поэтому, взятыя вмѣстѣ, онѣ представляютъ важную характеристику народа. Южнорусскія нравоописательныя пословицы изображаютъ частную и общественную жизнь малоросса, со всеми ея условиями, опредѣленіями. Онѣ показываютъ: а) главные и второстепенные роды промысловъ—земледѣіе, скотоводство, пчеловодство, рыболовство: *на доброй земль що посѣешь, то й уродить; на жито орю, а гречки не маю; на Юрія сховається въ жито ворона; на святого Макара ранній овесъ, позняя татарка* (извѣстный сортъ пшееницы); *до святого Микола не сѣй гречки, не стрижи овечки; у кого воля да коса, у того и грошей киса; безъ воля хата гола; на Анны зачатіе пджолы медь вѣсти починають; держись берега, а рыба буде; не лови попередъ невода рыбы;* б) Козачество: *Сѣсь - мати, а великій Днѣпръ-*

башню; козакъ не безъ доли: онъ якъ не сало їсть, то Турка
 рубие и журбы не знае, а такъ же зъ бѣды не заплаче, потому
 что онъ зъ бѣдою, якъ рыба зъ водою; но ѱмерь казакъ, да ѱ
 лежить, да ѱ никоМУ затужить; е) пищу: почили, Боже, зъ
 мѣба, чого намъ треба: хлѣба ѱ сала, молока ѱ меду; пото-
 му что безъ хлѣба нема обѣда, равно какъ безъ каши обариць
 удовецъ; д) дошоводство и распредѣленіе его между супругами:
 не въ дорогу вдавайся, а въ хозяйствѣ кохайся; потому что
 безъ хозяина дворъ, а безъ хозяйки хата плаче; такъ какъ
 добрый хозяинъ збере, а поганий розгребе; е) отношенія су-
 пруговъ между собою: законъ принявши, не пособачи жить,
 а такъ, чтобы мужъ и жена были одна сатина, человекъ и
 жонка-найлучша сполжа, да жонка безъ мужа и жити не
 дужа; но, въ случаѣ надобности, люби жонку якъ душу, а
 тряси якъ грушу; потому что не положе ѱ кадыло, якъ бабу
 смазило; ф) воспитаніе дѣтей, сопровождаемое любовью и стро-
 гостію наказанія: дитя плаче, а ѱ матери сврдце болить;
 сорочка бѣленька—е мати родненька; у кого матка, ѱ того ѱ
 голоска гладка; во пусти дѣтей по волѣ—будешъ самъ въ
 месоли, а потому, якъ Богъ давъ дѣтей, учи ихъ и бій, такъ
 какъ де страхъ, тамъ и Богъ; кого люблю, того и бью; за би-
 того двухъ небитыхъ дають, да ѱ то не берутъ; равнымъ
 образомъ коли хочешъ зъ дѣтки малодиць, держи ѱ въ ежо-
 мыхъ рукавицяхъ; г) время и условія вступленія въ бракъ: не
 будешъ калтыця, якъ рано останешъ, да змолду жеминься;
 потому что рано женившись, скорѣйше поможчи дождеши; но
 выбирай жену или такъ, чтобы хоть ея одной лилі, абы до
 любви; хоть корова, абы здорова; или хоть вѣдьма, абы
 хлѣбна; хоть свинка, да грошей скринька; во всякомъ же слу-
 чаѣ лучше чорта затримѣть, нежъ ледачу жонку мать;
 б) отношеніе господъ къ слугамъ и крестьянамъ: не смѣйся ра-
 бѣ, буде ѱ тобѣ, когда попадешъся жучку, панови въ ручку;
 нбо Богъ высоко, Царь далека, а паны вертятъ, якъ хотять,
 и когда бютьця, ѱ мужиковъ чубы трещать; зробишь—панъ
 бере, не зробишь—панъ дере, нехай же чортъ ёго тобере! і) про-
 стоту въ жилицѣ и одеждѣ, умѣренность въ пицѣ и вообще до-
 вольство мадымъ: хоть не пышно, абы затишно; хоть не бо-
 гацько, да на тарѣлочцѣ; пеловняный хлѣбъ—не голодь, а
 пасочна сорочка—не нагота; якъ хлѣба край, то и въ хлѣ-
 бѣ рай; добре собацѣ ѱ муха, а пльниця капля; и вообще—

якъ большъ нежа, то ѿ такъ нехай! Въмѣстѣ съ этими и многими другими наружными чертами и особенностями быта, утвердившимися въ народѣ и образовавшими его обычаи, южнорусскія пословицы этого вида рисуютъ и нравы его, слагающіеся изъ добродѣтелей и пороковъ. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ здѣсь прекрасныя свойства малоросса, дѣлающія честь и ему, и его натурѣ, напр.: а) любовь родителей къ дѣтямъ, не ограничивающуюся одними матеріальными заботами о нихъ, но въ формѣ молитвы и благословенія напутствующую ихъ въ жизни: *родительске благословеніе въ водѣ не тоне, въ огнѣ не горитъ; материна молитва изъ дна моря вѣймае*; б) пожизненное повиненіе дѣтей родителямъ и уваженіе къ памяти ихъ по смерти: *шануй батька да Бога—буде тобѣ всюды дорога; хто не слуха тата, той послуха ката; живъ батько-зповажай, и ѿмеръ поминай*; в) любовь къ родной землѣ: *зъ родной земли умри, да не сходи; въ чужій край не залѣтай; до своего роду хотъ черезъ воду*; д) почтеніе къ старшимъ и властямъ: *старецъ старцемъ, а повагу любить; борода-честь, а усы и ѿ kota есть; громада-великій чоловікъ; скачи, враже, якъ памъ каже; кому служиши, тому ѿ кланяйся*; е) отвращеніе отъ лжи: *правду кажи, да одного грѣха бойся; брехнею не выбрешешся; брехнею свѣтъ пройдеши, да назадъ не вернешся; правда изъ дна моря выринае, а неправда потопаетъ*; ф) общительность и развившіяся изъ нея-братство, хлѣбосолюство, гостепріимство, доброе сосѣдство и общее доброхотство: *добре братство жилише багатства; дороги гости, да въ середу трапились; пжъте, гости, да мочайте, а на решту выбачайте; хто сразу давъ, той двѣчи давъ*; г) уваженіе къ чужой собственности: *кумъ, не кумъ, а въ городѣ не лъзь; на чужее пионце не ставъ окроплю; на чужій трудъ ласый не будь; вообще не займай ничего, и не бойся никого, а кѹти, да ѿ лути*; h) уваженіе къ общественному мнѣнію, а вслѣдствіе того—страхъ стыда, заботу о приобрѣтеніи добраго имени и честность: *въ комъ Богъ, въ томъ и стыдъ; хто людей не стыдитъця, той и Бога не боитьця; нехай буде, якъ скажуть люде*; i) смиреніе непамятозлобіе, состраданіе и терпѣніе и вытекающія изъ нихъ частившія добродѣтели: *гордому Богъ противитьця, а смиренному благодать дае: ворога нагодуй, напой, да щей на дорогу дай*; (1) *хто дае, той мае; терни*

(1) Напрасно авторъ повторяетъ нѣкоторыя пословицы. *Ред.*

горе—добро буде; за терпкіе Богъ дастъ спасеніе, и т. п. Съ другой стороны, правописательныя малороссійскія пословицы показываютъ намъ, что народъ южнорусскій, украшаясь добродѣтелями, весьма не чуждъ и многихъ недостатковъ и различныхъ пороковъ: такъ, рядомъ съ любовью родителей къ дѣтямъ и покорностію дѣтей власти родительской, видимъ неповиновеніе послѣднихъ и ожесточеніе первыхъ; рядомъ, съ простотою, воздержаніемъ, правдивостію, смиреніемъ, честностію, бережливостію и другими добродѣтелями, видимъ грубость, пьянство и обжорство, ложь, вспыльчивость и раздражительность, сквернословіе, обманъ, тщеславіе, мотовство и др. Чтобы вывести изъ этихъ противоположностей какое-нибудь заключеніе объ основныхъ стихіяхъ народнаго духа и быта, мы сравнимъ безпристрастно оба противоположные элемента, на основаніи самыхъ же пословицъ, выразившихъ ихъ. Собравъ пословицы, изображающія отрицательную сторону народнаго характера и противопоставивъ ихъ тѣмъ, которыя изображаютъ сторону положительную, получимъ въ результатъ: что первыхъ несравненно менѣе, чѣмъ послѣднихъ, такъ что не всякому хорошему свойству народа находится соотвѣтственное дурное, не для всякой добродѣтели оказывается соотвѣтственный порокъ, изъ чего можно аналогически заключать, что хорошихъ сторонъ въ южнорусской натурѣ болѣе, чѣмъ дурныхъ. Къ тому же, нѣкоторые пороки, какъ напр. тщеславіе, вспыльчивость и др., суть пороки общечеловѣческіе и предъ судомъ нравственности осуждаются не абсолютно; почему дурныя стороны, слагающіяся изъ такихъ недостатковъ, даютъ въ суммѣ менѣе зла, чѣмъ соотвѣтственныя имъ хорошія — добра, и тѣмъ самымъ даютъ перевѣсъ надъ собою послѣднимъ. Такимъ образомъ, сличеніе наше показываетъ, что свѣтлыя стороны въ нравахъ южнорусскаго народа — и количествомъ и качествомъ своимъ превалируютъ надъ темными. Этотъ результатъ подтверждается еще слѣдующими соображеніями: во первыхъ, большая часть пословицъ, изображающихъ дурныя стороны народа, получила свое начало въ позднѣйшія времена, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе жизни народа, и потому пороки, ими выраженные, не могутъ быть мыслимы, какъ постоянный признакъ, народнаго характера, а слѣдовательно и не должны почитаться коренными и исконными свойствами его природы. Во-вторыхъ малороссъ, какъ вообще русскій человѣкъ, отличался и отличаетъ

ся способностію убѣждаться добрымъ словомъ, — что доказываетъ его бытомъ и многими пословицами, въ родѣ слѣдующей: *добре да ласкаве слово лучче мягкого пирога*. А при такой способности, возможность отрѣшиться отъ всего (1) дурнаго становится болѣе-чѣмъ вѣроятною. Наконецъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ справедливости выведеннаго нами заключенія въ пользу добрыхъ свойствъ и качествъ южнорусса служить присутствіе во многихъ его пословицахъ сатирическаго элемента, который свидѣтельствуетъ, что народъ издревле склоненъ былъ въ воспріятію и усвоенію гражданственности: потому что если народъ любитъ слушать горькую правду, если позволяетъ указывать на свои недостатки, то онъ уже не хочетъ коснѣть въ этихъ недостаткахъ, уже готовъ сбросить ихъ съ себя.

б) Пословицы, въ которыхъ сатирическій элементъ является преобладающимъ, на основаніи особеннаго ихъ характера, можно поставить въ отдѣльную группу и считать особеннымъ видомъ пословицъ нравоописательныхъ. Сатирическая стихія составляетъ исконную типическую черту русской природы вообще. Присутствіе ея уже замѣтно въ прозвищахъ, какія давались и даются людямъ въ насмѣшку или похвалу, потомъ въ различныхъ прибауткахъ и нѣкоторыхъ пѣсняхъ, наконецъ во многихъ пословицахъ. Сатирическія пословицы наши возникли изъ особеннаго расположенія духа русскаго человѣка, въ отрицательныя мгновенія его жизни: нашъ простолюдинъ, видя что-нибудь не хорошее въ себѣ или въ другихъ, любитъ грустно улыбнуться и, какъ бы въ утѣшеніе себя и въ облегченіе сердца своего, сказать при этомъ острое словцо. — Предметъ южнорусскихъ сатирическихъ пословицъ, какъ сатиры вообще, смѣшное и комическое въ жизни человѣка. Приведемъ примѣры. Пословицы *на нозь сахвьянъ рыпить, а въ борщъ (чаще-горшки) трысця кипить*; *чоботы скриплять, а горшки безъ сала кипляць* — представляютъ злую насмѣшку надъ тщеславіемъ; *спереду — блаженъ мужъ, а ззаду ескую шаташася* (2) равносильна пословицѣ *ангельскій голосокъ, да чортова дужка* и обѣ составляютъ вѣдкую иронию на двуличность и притворство; *та корова дуже реве, що мало молока дае* (3) — пустая бочка Крылова;

(1) Нѣсколько много сказано, да и несовсѣмъ гармонируетъ съ предъидущимъ. *Ред.*

(2) Пословица не народная, а если можно такъ выразиться дьяческа. *Ред.*

(3) Польская пословица. *Ред.*

и уже таки дары — сметанку збери, а сыроватку дай — сатира на притворное доброхотство; *видно Ганна блинцы пекла, бо ѿ ворота въ тѣсть* — насмѣшка надъ неряхами и неопрятными; *господиня на весь городъ одна дыня* — иронія на плохихъ хозяекъ; *до церкви, той ѿ грязько, а до шинку — хоть по пѣдѣ тыномъ* — сатира на пьянство, и др. Вглядываясь въ характеръ южнорусской сатиры, нельзя не замѣтить, что она болѣе добродушна и горько-грустна, чѣмъ остроумна, и, слѣдственно, рождалась не изъ пустого и празднаго желанія съострить, а изъ судорожно сжавшагося сердца въ тяжкія минуты жизни; потому она не столько сердила, сколько наводила раздумье, не рѣдко смѣшила.

с) Пословицы судныя или юридическія изображаютъ рѣшенія правды народной. Большая часть ихъ получила свое начало еще въ глубокой древности, когда власть судебная и законодательная находилась въ рукахъ народа, когда всякаго рода дѣла и споры разбирались на мірскихъ сходкахъ и рѣшались приговоромъ старѣйшинъ мірскихъ. Эти вѣчевые приговоры получали въ глазахъ народа силу закона, становились общественнымъ достоинствомъ, служили руководительнымъ началомъ въ общественной и семейной жизни, обращались въ пословицы и наконецъ вошли въ составъ письменныхъ законовъ или, по крайней мѣрѣ, послужили имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ основаніемъ. Такимъ образомъ, первымъ источникомъ юридическихъ пословицъ были суды, приговоры, рѣшенія дѣлъ мірскихъ по старымъ обычаямъ. Вторымъ источникомъ ихъ были опредѣленія святительскаго суда, рѣшенія соборовъ русскихъ и приговоры судовъ монастырскихъ. А такъ какъ эти рѣшенія и приговоры основывались на св. Писаніи и Номоканонѣ, то въ пословицы юридическія обратились многіе тексты св. Писанія и нѣкоторыя статьи изъ Кормчей книги. Входя въ письменные законы, какъ судебные обычаи, и служа правилами при рѣшеніи разныхъ случаевъ, даже въ судахъ, юридическія пословицы, въ свою очередь, восполнялись заимствованіями изъ этихъ законовъ. Разувется, при этомъ заимствованіи, оставался неизмѣннымъ только смыслъ законовъ, форма же выработывалась изъ народнаго разума, вкуса и фантазіи. И такъ, южнорусскія юридическія пословицы, взятые въ совокупности, слагаются изъ трехъ главныхъ элементовъ: чистонароднаго, церковнаго и государственнаго, а потому могутъ служить не только къ поясненію исторіи нашего законодательства,

судоустройства и судопроизводства, но и всей жизни старинной Руси, которая раскрыла, главнымъ образомъ, тѣ же самые элементы. Но важность изученія ихъ не ограничивается однимъ только этимъ-историческимъ ихъ значеніемъ; онѣ важны и по отношенію къ настоящему времени. Составляя доселѣ народную юриспруденцію, текучее законодательство большинства народной массы, которое, на основаніи ихъ, чинить судъ и расправу въ своемъ частномъ быту, а нерѣдко и въ жизни общественной, онѣ, очевидно, проливаютъ свѣтъ на многія явленія жизни народной. Чтобы фактически ознакомиться съ этимъ видомъ бытовыхъ пословицъ Малороссіи, приведемъ нѣсколько примѣровъ: *порука наука; я ёго выручивъ, а винъ мене выучивъ; платитиця не сватъ, а той, хто виновать; но зъ дужимъ боротыця, зъ багатымъ судитиця, такъ лучше покинь; а потому, хто ўтѣкъ, той и правъ; перо страшне не ў гусака, а у дьяка! ибо когда заведе перо, не выгнашь ѝ воломъ; братъ братомъ, сватъ сватомъ, а гроши не родня; а потому братъ мой, а хлѣбъ пѣжъ свой; чья земля, того и хлѣбъ; чій конь, того и возъ; лежачого не бьютъ; безъ суда ничто да не накажетиця; собственне признаніе паче тѣмъ свидѣтелей, и др. (1).*

d.) Медицинскія пословицы предлагаютъ правила сохраненія, поддержанія и возстановленія здоровья; это-народная дѣтетика и гигиена, по которымъ: *хлѣбъ на хлѣбъ не вадить, и першій кусъ—всею голова; но першій шматъ зъѣси въ смакъ, а другій ўже не такъ; и хотя душа мѣру знае, и на добрый камень що ни скинь, измеле; однако поганому животу и пироги завадятъ; а потому смачного потрошку, щобъ животь не больвъ; такъ какъ здоровье всею голова, и лихо входитъ пудами, а выходитъ золотиками; къ тому же на лѣченной кодыль не багачко ўлдеши и пр.*

e.) Какъ весь бытъ народа, самъ по себѣ, въ высшей степени занимателенъ для мыслящаго человѣка, такъ всѣ бытовыя пословицы, выражающія его, равно заслуживаютъ глубокаго и тщательнаго изученія, равно важны предъ лицомъ знанія. Но на сколько духовная сторона въ человѣческомъ организмѣ важнѣе тѣлесной, на столько и явленія внутренняго нашего міра важ-

(1) Жаль, что авторъ не обратилъ вниманія на весьма характерную въ этомъ родѣ пословицу: *нема лучче, якъ старому брегать, а богатому красти.*
Ред.

нѣе явленій внѣшней дѣйствительности. По этому, психологическія пословицы, выражающія сознание народа о явленіяхъ души и сердца, по внутреннему своему значенію, возвышаются надъ всею массою бытовыхъ пословицъ народа и привлекаютъ преимущественное вниманіе изслѣдователя. Психологическія пословицы народа составляютъ народную психологію и философію.— Что касается до южнорусскихъ пословицъ этого вида, то здѣсь высказываются такія глубокія истины, такое философски—правильное воззрѣніе на различныя явленія внутренняго міра человѣка, что, говоря безъ преувеличенія, трудно найти что-либо подобное въ устной поэзіи другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, здѣсь мы находимъ: а) возвышенное понятіе о душѣ, какъ источникѣ нравственнаго богатства: *чортъ только бѣдный, бо душу не має*; б) понятіе о врожденности душевныхъ способностей: *не приточишь ума, якъ у себе нема; якъ нема розуму отъ роду, то не буде ѣ до гробу; золота можно прикупить, а розуму не вложитъ*; в) сознание важности душевныхъ способностей и дарованій: *безъ головы войско гине; за дурною головою и ногажъ бѣда; кого Богъ хоче наказати, то перше розумъ одбере*; г) раздѣленіе познавательной способности на силу мыслящую—*умъ* и познающую—*розумъ*, или разсудокъ, и убѣжденіе въ преимуществѣ послѣдняго предъ первымъ: *зъ розумнымъ ума наберешься, а зъ дурнымъ ѣ готовый (свій) загубишь; што пытає, той не блудить; попередъ невода не лови рыбы; тричи змѣряй, а разъ отрѣжь*; е) понятіе объ основныхъ идеяхъ человѣческаго духа, ихъ взаимномъ отношеніи между собою и непреложности: *въ комъ нема добри, въ томъ и правды мало; все минетьця, одна правда останетьця*; потому что *правда изъ дна моря выринає, а неправда потонає*; ф) понятіе объ отношеніи идеи къ формѣ: *дарма, що въ черепочку, абы куриця*; г) понятіе о прозрѣніи души, или предчувствіи сердца: *серце чує; вѣщуче серденько щось недобре*; г) понятіе о сердцѣ, какъ источникѣ чувства: *серце не камѣнь; дитя плаче, а ѣ матери серце болить*; и) понятіе о симпатіи: *душа душу знає*; к) понятіе о вкусѣ, какъ субъективномъ чувствѣ удовольствія: *што любить попа, што попадѣю, а што поповну*; л) понятіе о волѣ: *вольному воля, спасенному рай* и др.

1) Въ большинствѣ народа эта пословица цитируется такъ: *якъ мокрый най, то жито лас чай*. Ред.

В) Физическія пословицы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, имѣють предметомъ своимъ внѣшнюю природу и ея отношеніе къ человѣку. Онѣ открываютъ взглядъ народа на различныя явленія природы и отношеніе ихъ къ жизни человѣка. По различію содержанія, онѣ подраздѣляются на астрономическія, метеорологическія и хозяйственныя. Первые изображаютъ понятія народа о мірозданіи: понятія о небѣ, землѣ, солнцѣ, лунѣ, планетахъ, кометахъ, звѣздахъ и объ отношеніи ихъ къ жизни человѣка. Вторыя показываютъ взглядъ народа на случающіяся перемѣны погоды, обуславливающія успѣшность занятій и благосостояніе простолюдина: здѣсь находимъ понятія народа о дѣйстви вѣтровъ и мѣстности на атмосферу, примѣты хорошей или дурной погоды, выводимыя изъ наблюдений надъ атмосферою, животными и растеніями. Хозяйственныя изображаютъ необходимыя и существенныя, по народному понятію, условія успѣшности промысловъ: земледѣлія, скотоводства, пчеловодства, огородничества и др. Слѣдующіе примѣры фактически подтверждаютъ сказанное нами: *мѣсяць чернецъ—свѣту конецъ; святой Юрій по полю ходитъ, хлѣбъ—жито родитъ; якъ мокрый Апрель, а сухой Май, то буде въ клунахъ рай: прійде Май 1) всякъ собѣ дбай; на Гльба-Бориса до хлѣба берися; якъ на Макрины буде дощъ, то осень буде мокра; до Святого Духа держись кожуха, а по Святомъ Дусь, въ томъ же кожусь: прійшовъ Спасъ—держи рукавици про запасъ; прійде Пречиста—буде на деревъ листу чисто* и др.

Резюмируя все, сказанное до этихъ поръ о южнорусскихъ пословицахъ, получимъ слѣдующіе результаты: южнорусскія пословицы изображаютъ жизнь малороссійскаго народа во всей ея цѣлости, полнотѣ и живомъ разнообразіи: душа, мысли, чувства, вѣрованія, религія, поэзія, исторія, словомъ—вся жизнь народа, съ ея фізіономіей и характеристикой, отразилась въ нихъ. Очевидно, онѣ заслуживаютъ полнаго вниманія и глубокаго изученія. Глубокая сердечная вѣра въ благодѣ Божію, обаятельная свѣжесть чувства, практичность въ направленіи умственныхъ способностей и изумляющій своею правильностію взглядъ на природу и жизнь, во всѣхъ ея проявленіяхъ,—составляютъ главные характеристическія черты ихъ. Онѣ показываютъ намъ народъ простой, но полный жизни, кипящій силой, бодрый духомъ, съ яснымъ взглядомъ и добрымъ сердцемъ, слѣдственно

народъ, носящій въ себѣ несомнѣнные залюги прекраснаго грядущаго.

Но этого мало: показывая, какъ народъ созерцалъ тайну бытія всего сущаго, выражая взглядъ его на міръ,—разсматриваемыя пословицы еще чрезвычайно важны по отношенію къ отечественному языку и риторическимъ его условіямъ: ведясь отъ глубокой древности, нѣкоторыя изъ нихъ указываютъ на исконныя, существенныя черты и формы роднаго слова и болѣе или менѣе проливаютъ свѣтъ на стихійный его составъ и построеніе рѣчи; а въ риторическомъ отношеніи онѣ важны по своимъ богатымъ сравненіямъ и прекраснымъ фигурамъ.

Ем. Бялоброва.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО ВЪ РОССІИ

историческіе очерки

Графа Дмитрія (Андреевича)

Т О Л С Т О Г О .

Тома 1-й и 2-й.

Парижъ 1863 — 1864.

(Продолженіе.)

Чтобы читатели могли судить о томъ, какъ графъ Толстой излагаетъ собраныя имъ матеріалы, переведена здѣсь

Глава 2-я, которой сущность выражена въ очень короткихъ словахъ: „Царь Иоаннъ 4-й и іезуитъ Поссевинъ.

Овладевъ Полоцкомъ и Соколомъ, Баторій; король польскій, силою пролагалъ себѣ путь къ истребленію русскимъ областямъ. Шведы съ сѣвера, турки и ногаи съ юга—двигались къ границамъ великаго княжества Московскаго. Не имѣя союзниковъ и не находя возможности съ успѣхомъ сохранивъ свои недавнія завоеванія, Иоаннъ рѣшился просить папу римскаго о помощи и посредничествѣ. Иоаннъ не имѣлъ столько военныхъ силъ, чтобы съ увѣренностію стать противъ такого искуснаго вождя и снѣлаго воителя, какъ Стефанъ Баторій; онъ рассчитывалъ, что участіе и вліяніе папы остановятъ стремленія противника и дадутъ возможность понизить опасную съ нимъ войну. Но Ба-

торій былъ король вѣры латинской, правилъ народомъ того же исповѣданія, и этотъ самый папа не только благословилъ его на войну съ Россіей, но даже обѣщалъ Баторію содѣйствіе въ томъ другихъ государей. Поэтому добиться участія папы въ примиреніи Россіи съ Польшей было для Іоанна дѣломъ высшей важности. Даже одинъ нейтралитетъ папы принесъ бы Іоанну огромную выгоду въ его затруднительныхъ обстоятельствахъ; — и онъ послалъ, 25-го Августа 1580, изъ Москвы черезъ Ливонію въ Римъ, для переговоровъ, Истому Шеврыгина, въ сопровожденіи Федора Поплина.

Іоаннъ долженъ былъ предвидѣть, что папа потребуеъ отъ него, за оказаніе пособія, не матеріальныхъ уступокъ, а уступокъ въ дѣлѣ вѣры, которыя, конечно, будутъ такого рода, что царь и не захочетъ и не сможетъ сдѣлать ихъ, по непоколебимой приверженности народа русскаго къ православію. Свидѣтельства довольно положительныя доказываютъ, что царь дѣйствительно зналъ виды и стремленія папства; онъ совершенно понималъ, что въ случаѣ рѣшимости папы помочь ему, главная цѣль его и первѣйшее условіе были бы: обращеніе его, царя, и съ нимъ всея Россіи, въ латинство. Іоаннъ 4-й желалъ оставить Риму все его надежды, но на себя не принимать вовсе никакихъ обязательствъ. Эта политика ярко видна въ особенности изъ инструкцій, данныхъ Шеврыгину, изъ письма къ папѣ, написаннаго чрезвычайно разумно, и изъ наказа даннаго приставу, который долженъ былъ сопровождать папскаго посла изъ Смоленска въ Старицу. Въ наказѣ этомъ строго подтверждено: въ случаѣ, если бы посоль вступилъ въ разговоръ съ нимъ о вѣрѣ православной, или о латинской, то чтобы приставъ отозвался неграмотностію; а о вѣрѣ отнюдь не смѣлъ бы разсуждать съ посломъ. Въ письмѣ къ папѣ и въ инструкціи Шеврыгину царь тщательно избѣгаетъ самонаибольшаго намека на вѣру; онъ повелѣлъ своему послу „не смѣть вчинать никакихъ переговоровъ“ ни о какомъ предметѣ, необозначенномъ обстоятельно въ его инструкціи; а если бы его спросили: не дано ли ему какихъ либо тайныхъ повелѣній, онъ долженъ былъ отвѣчать, что „отричь письма ему ничего не приказано.“ Шеврыгинъ добросовѣстно и въ точности выполнялъ волю царскую; онъ чрезвычайно ловко уклонился отъ упоминанія о вѣрѣ, и черезъ это съ одной стороны предохранилъ правительство отъ всякаго нареканія русскихъ, которые не признали бы обѣщаній не совѣ-

стныхъ съ православною ихъ вѣрой, а съ другой стороны, отъ всякихъ укоризнъ папы, если бы данныя ему обѣщанія не были исполняемы.

Въ весьма обстоятельномъ отчетѣ, который представилъ Шеврыгинъ о своихъ дѣйствіяхъ во все время своего посланничества, нѣтъ и слѣда переговоровъ о вѣрѣ. Даже самъ посольскій папскій, іезуитъ Поссевинъ, не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на принятія Россіей обязательства, а онъ не упустилъ бы упомянуть объ этомъ, если бы хоть слово о вѣрѣ было произнесено, потому что главнѣйшій предметъ ему довѣренный—былъ вопросъ религіозный. Поссевинъ, по прибытіи въ Москву, исчислилъ дѣла, которыя были поручены русскому послу въ Римѣ; онъ и не упоминалъ о вопросѣ религіозномъ. И такъ царь долженъ былъ отклонить всякое разсужденіе и всякій споръ о вѣрѣ. Но, по мнѣнію двора римскаго, только этотъ одинъ пунктъ могъ внушить папѣ рѣшимость принять дѣятельное участіе въ судьбахъ Россіи. Іоаннъ полагалъ, что онъ нашелъ средство согласить все это, поручивъ своему послу предложить союзъ его съ прочими христіанскими государями противъ турокъ. Это предложеніе не противурѣчило его вѣрѣ и ни къ чему его не обязывало въ отношеніи къ Риму. Въ сущности, царь не могъ думать серьезно о такомъ союзѣ, при своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Выходить, что онъ хотѣлъ только завлечь Римъ,—и средство, употребленное имъ было тѣмъ дѣйствительнѣе, что самое слово „союзъ“ открывало обширное поле для пропагандистскихъ надеждъ папства. Естественно, что Римъ въ союзѣ политическомъ видѣлъ путь къ единенію религіозному. Іоаннъ владѣлъ еще однимъ средствомъ заплатить Риму за его услугу, — это: дозволить венеціанскимъ и другимъ купцамъ свободный пропускъ черезъ Россію при поѣздкахъ ихъ въ Персію. Издавна папы домогались этого пропуска. Причина этого домогательства скрывалась, конечно, въ томъ, что при этихъ купцахъ, или подъ ихъ именемъ, обыкновенно Римъ посылалъ своихъ миссіонеровъ. Іоаннъ отлично понималъ цѣну подобной уступки, и онъ уклонился отъ своего на это согласія при первыхъ обѣщаніяхъ папы помирить его съ Баторіемъ. Онъ только повелѣлъ Шеврыгину, въ случаѣ, если бы Римъ сдѣлалъ такое предложеніе, посоветовать, чтобы за этимъ былъ отправленъ особый посольскій къ царю, или, чтобы ему самому поручено было передать это предложеніе по возвращеніи его

въ Россію. Таковы были средства во власти Іоанна убѣдить папу пособить ему и чрезъ то дать возможность сохранить его владѣнія въ неприкосновенной цѣлости.

Русскаго посланника приняли въ Римъ съ особою пышностію; торжественно возили его, въ великолѣпныхъ экипажахъ, чтобы показать ему чудеса древней столицы міра, въ особенности же все то, что могло бы дать послу убѣжденіе въ превосходствѣ латинской церкви и въ пользѣ для другихъ вѣроисповѣданій сосредоточиться въ латинствѣ. Его ввели во вновь тогда построенную папою церковь, для положенія въ ней мощей св. Іоанна Златоустава и св. Григорія; его заставили посѣтить коллегію, въ которой греки изучали латинское богословіе, какъ бы въ подтвержденіе единенія обѣихъ церквей. Посоль русскій прожилъ въ Римѣ болѣе мѣсяца (съ 24-го Февраля по 28-е Марта); въ это время не пропустили ни одного случая, не пренебрегли ни однимъ средствомъ, чтобы поразить его блескомъ и величіемъ престола преемника св. Петра; его возили въ церкви, чтобы изумить пышностію богослуженій и великолѣпіемъ, окружавшимъ папу. Но Шеврыгинъ не увлекся этими впечатлѣніями: ни богатство церквей, ни торжественность церемоній не врезались столько въ его память, какъ неприличіе нѣкоторыхъ обрядовъ. Средства, которыми рассчитывалъ Римъ подѣйствовать благоприятно на посла русскаго, и чрезъ то, въ послѣдствіи, на дѣла ему порученныя, — эти самыя средства, такъ обильно расточенныя предъ нимъ, произвели дѣйствіе совершенно противоположное, — какъ мы это увидимъ.

Предложенія Іоанна были приняты съ большою благосклонностію. Много разъ Римъ пытался подчинить своему владычеству и Россію, но еще впервые государь русскій *предупреждалъ желанія папы*, — такъ по крайней мѣрѣ полагали въ Римѣ. Въ концѣ мая 1581 г. папа избралъ іезуита Антонія Поссевина, для веденія переговоровъ о мирѣ между Іоанномъ и Ваторіемъ, или, точнѣе — для посѣва на русской почвѣ римскаго католичества. Антоній Поссевинъ родился въ Мантуѣ, въ 1534-й г., а умеръ въ Февраль въ 1611-мъ г. Его искусство и успѣхи въ обращеніи еретиковъ были извѣстны; ему приписывали обращеніе шведскаго короля Іоанна, который, въ 1577-мъ г., какъ увѣряли, тайно принялъ латинство. Въ тайныхъ инструкціяхъ, данныхъ этому іезуиту, ясно обозначены и цѣль его посольства, и средства къ достиженію этой цѣли. Прежде всего ему

предписывали обязать Баторія заключить съ Іоанномъ замиреніе, — но при этомъ дать почувствовать царю, что онъ все́мъ обязанъ папѣ; потомъ, ему приказывали уговорить Іоанна заключить союзъ съ папою, императоромъ и другими христіанскими государями противъ турокъ. Окончивъ это дѣло политическое, внушивъ Іоанну ненависть къ туркамъ и овладѣвъ его умомъ, — Посевинъ долженъ былъ перейти къ вопросу о религіи, тѣсно связанному, въ видахъ Рима, со все́мъ предшествующимъ, и доказать царю, что союзъ его съ Римомъ не можетъ быть проченъ безъ единенія духовнаго — что единеніе это можетъ существовать не иначе, какъ подъ условіемъ принятія царемъ латинства, признаніемъ папы единственнымъ главою церкви Христовой и *нальстникомъ Богочеловѣка на земль*, — что во все́ времена папу такъ признавали все́ христіанскіе государи, и престоль въ Римѣ считали выше все́хъ другихъ. Посевинъ все́ свои доводы долженъ былъ больше всего опираться на соборъ Флорентійскомъ (съ постановленій котораго одинъ экземпляръ, на греческомъ языкѣ, былъ ему врученъ) и этимъ Флорентійскимъ соборомъ доказывать, что папа дѣйствительно *глава всей церкви*; потомъ онъ долженъ былъ изложить, что императоръ греческій, отъ имени всего Востока, призналъ силу этого собора, рѣшенія котораго и не могли подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, потому что лучшіе богословы отъ каждой стороны тамъ засѣдали; что главенство папы было тамъ разобрано до основаній и признано, — съ содѣйствіемъ и по внушенію Святого Духа. Сверхъ того, іезуиту предложено было употребить, на пользу ихъ дѣла, самыя страсти Іоанна, раздражить въ немъ самолюбіе, живо обрисовать позорную зависимость государя столь мудраго и великаго отъ патріарха константинопольскаго, который самъ — рабъ султана турецкаго; что, по этому, было бы несравненно достойнѣе и приличнѣе его высокому сану, признать главою церкви папу, — ко- ему покоряются все́ государи христіанскіе, *потому что онъ дѣйствительно нальстникъ Христовъ*.

Въ предположеніи, что главное препятствіе къ осуществленію подобныхъ предначертаній представится со стороны русскаго духовенства, которое, отчасти по своимъ враждебнымъ церкви латинской убѣжденіямъ, отчасти же чтобъ сохранить свое вліяніе, не пощадитъ никакихъ усилій къ удержанію царя въ православной вѣрѣ его отцовъ, — папа обязалъ хитраго

іезуита—употребить всё средства для привлеченія къ себѣ этого духовенства. Наконецъ еще поставлено было Поссевину въ обязанность испросить у царя дозволеніе на постройку одной, или даже многихъ, латинскихъ церквей въ Москвѣ, увѣряя царя, что, въ противномъ случаѣ, ни венеціане, ни другіе купцы римско-католическаго исповѣданія, не придутъ торговать въ Россію.

Вотъ съ какими порученіями Римъ выслалъ въ Россію Поссевина. Іоаннъ принялъ его въ видахъ совершенно противоположныхъ. Покинувъ Римъ одновременно съ Шеврыгинимъ, папскій легатъ совершалъ путешествіе вмѣстѣ съ нимъ до Праги. Оттуда Шеврыгинъ направился въ Данію, а Поссевинъ поѣхалъ въ Вильну. Чтобы попасть изъ этого города въ Москву, онъ долженъ былъ проѣхать черезъ Смоленскъ, гдѣ ожидалъ его такой пріемъ, какого іезуитъ, ѣдущій въ Россію для привитія латинства, конечно не могъ ожидать. Іоаннъ зналъ, что главною цѣлю этого посольства должно было быть обращеніе его въ латинство; онъ понималъ также, что подобныя надежды не имѣли въ себѣ ничего серьезно основательнаго. Не только онъ не хотѣлъ, но даже не могъ ничего обѣщать въ дѣлѣ чисто духовномъ; а потому, какъ мы это и видѣли, избѣгалъ самаго малѣйшаго даже намека въ этомъ отношеніи. Но Іоаннъ не ограничился и этою предосторожностію. Убѣжденный въ правотѣ церкви, къ которой онъ принадлежалъ, царь рѣшилъ употребить противъ Рима его собственное оружіе: онъ задумалъ обратиться въ православіе легата папскаго, — іезуита, присланнаго для свращенія Россіи въ латинство.

27-го іюня Іоаннъ написалъ письмо къ Сильвестру, епископу смоленскому и брянскому, съ повелѣніемъ: допустить Поссевина, по прибытіи его въ Смоленскъ, къ осмотру всѣхъ церквей и монастырей, наблюдая, чтобы все въ нихъ было въ величайшемъ порядкѣ. Если бы легатъ выказалъ желаніе посѣтить церковь Смоленской Божіей Матери, то епископъ долженъ былъ въ этотъ день служить самъ *соборнѣ*, и съ особою торжественностію. Но архіерей, принимая ласково чужестранца и чужезѣрца, не долженъ былъ приравнивать его къ православной братіи; поэтому царь повелѣвалъ Сильвестру дать Поссевину поцѣловать свою руку, но не дать ему благословенія, какъ христіанамъ православнымъ; также точно, дозволяя ему входить въ церкви, не допускать его къ алтарю. Это

наставленіе царю осталось без исполненія, — потому что иезуитъ не выразилъ желанія посѣтить православную церковь, хотя изъ его собственныхъ словъ намъ извѣстно, что онъ былъ представленъ епископу смоленскому. Тѣмъ неменѣе изъ письма Иоаннова видны отчасти мысли и наставленія этого царя, касательно приѣма папскаго легата.

Въ Вильнѣ, узнавъ о положеніи дѣлъ и увеличивъ свиту свою множествомъ иезуитовъ польскихъ, Поссевинъ, снабженный охранною грамотою отъ Баторія и проводниками его, прибылъ 18-го августа, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ Старицу, гдѣ былъ тогда царь. Поссевина приняли съ почестями, которыя бывали предоставлены обыкновенно только полномочнымъ посламъ самыхъ могущественныхъ державъ. Такой торжественный приѣмъ, оказанный папскому легату, можетъ быть объясненъ тогдашнимъ высокимъ положеніемъ римскаго владыки; но, быть можетъ, такой приѣмъ сдѣланъ былъ папскому легату и по слѣдующему соображенію: царь видѣлъ въ папѣ единственно — возможнаго примирителя его съ Баторіемъ, — послѣ того какъ императоръ германскій отказалъ Иоанну въ своемъ содѣйствіи. Два дня спустя, представляясь царю, Поссевинъ вручилъ ему грамоту папы, въ которой, принимая предложеніе Иоанна вооружиться противъ турокъ, Григорій XIII пояснялъ, что единственное прочное основаніе союза между государями христіанскими, была любовь, но не любовь мірская, а любовь, основанная на ученіи Христа, *представителемъ котораго на землѣ—онъ, папа*, признанный таковымъ за 150 лѣтъ предъ тѣмъ на соборѣ Флорентійскомъ всеми епископами имперіи греческой и даже самимъ императоромъ Паллодогомъ, что греки, вслѣдствіе своего несогласія — признать главенство папы, подверглись всевозможнымъ несчастіямъ и подпали подъ иго турокъ, что и Иоаннъ, для совокупнаго со всеми государями христіанскими дѣйствія противъ турокъ, и для сохраненія своихъ владѣній, долженъ покориться папѣ. Чтобы убѣдить его въ этомъ, Григорій послалъ ему экземпляръ *„установленій собора Флорентійскаго“*, совѣтуя царю прочитать ихъ и велѣть также читать ихъ своему духовенству, — уверяя, что книга эта озаритъ его душу разумомъ и мудростью. Въ заключеніи своей грамоты, папа выражалъ только одно желаніе, чтобы Иоаннъ принялъ латинство, уверяя, что послѣ этого онъ получитъ отъ двора римскаго и отъ христіанскаго ко-

сударей все, что только может пожелать. Папа не забылъ и членовъ царской семьи: онъ написалъ особыя письма къ двумъ сыновьямъ Іоанна и супругѣ его, — предполагая, вѣроятно, облегчить такую внимательностію трудную миссію іезуита. Немедленно по прибытіи, Поссевинъ вступилъ въ переговоры съ боярами царскими, и съ первыхъ же словъ онъ предложилъ соединеніе обвѣхъ церквей. Кратко изложивъ сказанное въ грамотѣ папы, Поссевинъ утверждалъ, будто 4 вселенскіе собора признали и верховную власть папъ и догматы латинской церкви, но будто греческіе архіереи умышленно скрывали это рѣшеніе соборовъ, — и потому онъ предложилъ списать для царя книги св. отцовъ греческихъ, — или въ случаѣ поѣздки его къ Баторію, возложить этотъ трудъ на двухъ его сподвижниковъ — іезуитовъ, которые, между тѣмъ, выучатся порусски, а юношей русскихъ будутъ обучать по латынѣ. Какъ доказательство, что первые отцы Христовой церкви дѣйствительно исповѣдывали латинскіе догматы, Поссевинъ упиралъ на ту случайность, что мощи святителя Іоанна Златоустаго и св. Григорія хранятся въ римской церкви Петра, а мощи св. Аванасія и св. Николая — въ Венеціи; онъ увѣрялъ еще, будто въ Римѣ только находятся подлинныя творенія святыхъ отцовъ, свидѣтельствующихъ истину латинской церкви; онъ выводилъ эту мнимую истину изъ того обстоятельства, что язычники, обращаясь въ христіанство, присоединяются къ этой церкви. Изъ столь неточныхъ данныхъ, іезуитъ дѣлалъ такой выводъ: поелику церковь греческая основывается на рѣшеніяхъ святыхъ отцовъ своихъ, а эти святые отцы признали будто (по его увѣреніямъ) вѣрованія церкви римской, то эти обѣ церкви ни въ чемъ и не разнятся; и потому онъ предлагалъ Іоанну (какъ только царь признаетъ соборъ Тридентскій полнымъ выраженіемъ догматовъ обвѣхъ церквей) послать молодыхъ людей изъ духовнаго званія въ римскую коллегію, гдѣ они найдутъ воспитанниковъ изъ всехъ странъ міра, даже изъ Греціи, что папа не потребуетъ за это никакого вознагражденія, а напротивъ, велитъ обучать ихъ на свой счетъ. Въ заключеніе Поссевинъ присовокупилъ, что признаніемъ господства латинской церкви Іоаннъ пріобрѣтетъ несравненно болѣе славы и сокровищъ, чѣмъ покореніемъ татарскихъ царствъ, что самая власть его надъ его подданными упрочится, что всѣ христіанскіе государи тогда выкажутъ ему дружбу и молитвами

первосвященника римскаго, Господь пошлетъ ему всѣ блага земныя и могущество, для уничтоженія всѣхъ враговъ его державы.

Бояре, которымъ поручилъ царь вести эти переговоры, не отвѣчали ничего на эти убѣжденія папскаго легата, а преимущественно разсуждали съ нимъ о двлахъ Ливоніи, въ высшей степени безпокоившихъ правительство.

Иезуитъ не унывалъ; онъ подалъ 1-го сентября меморію. Возобновляя предложенія, касательно религіи, онъ успокоивалъ царя тѣмъ что *соединеніе церквей не требовало измѣненій въ обрядахъ греческой церкви*, что это соединеніе было необходимо для его союза съ другими христіанскими государями; онъ относилъ молчаніе, противопоставленное правительствомъ на всѣ его резонерства къ неопытности переводчиковъ, несъ умѣвшихъ съ точностію передать его мысли; онъ выражалъ надежду, что его просьбы будутъ наконецъ услышаны, потому что онъ долженъ дать въ этомъ отчетъ папѣ. Сверхъ того Поссевинъ требовалъ, чтобы царь, въ отвѣтной грамотѣ Григорію XIII, далъ ему титулъ „*Намѣстника Іисуса Христа*“; что такъ величаютъ его императоръ германскій и прочіе государи христіанскіе, — согласно, будто бы, съ вселенскими соборами и твореніями св. отцовъ церкви греческой. Смѣло, по крайней мѣрѣ, Поссевинъ утверждалъ, что это было такъ; но, конечно, онъ самъ хорошо зналъ свою наглую ложь.

И эта меморія осталась безъ отвѣта. Тогда Поссевинъ сталъ отчаиваться въ успѣхъ своихъ переговоровъ; онъ написалъ въ Римъ, что не только царь не хотѣлъ слушать его переговоровъ, но даже воспретилъ своимъ переводчикамъ переводить меморію, представленную Поссевиномъ по этому предмету. Только 10-го сентября Поссевину дали короткій и уклончивый отвѣтъ: что царь переговорить съ нимъ о религіи по возвращеніи Поссевина отъ Баторія. Не болѣе успѣха имѣлъ посланникъ папскій въ убѣжденіи царя заключить союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ. „Какой союзъ съ христіанскими государями противъ турокъ *теперь* возможенъ“ говорилъ Іоаннъ: „мы пойдемъ воевать турокъ, а Баторій двинется на насъ.“

Этимъ Поссевинъ былъ поставленъ Іоанномъ въ такое положеніе, что не только не могъ надѣяться на успѣхъ въ окончательныхъ переговорахъ, касательно религіи, но даже не могъ

и начать ихъ — не помиривъ сперва Іоанна съ Баторіемъ. Обращеніе Россіи къ римскому католицизму, союзъ Іоанна съ другими христіанскими государями, противъ невѣрныхъ, словомъ — главные предметы возложенной на него миссіи — планы, столь драгоценныя Риму, — все зависѣло отъ рвенія, которое онъ выкажетъ въ быстромъ заключеніи перемирія между двумя врагами. Посоль панскій вынужденъ былъ *начать* этимъ свою миссію; а Іоаннъ затаилъ въ душѣ своей мысль: этимъ замѣреніемъ *покончить* свои сношенія съ Римомъ.

Посевинъ очень озабочивался устройствомъ безпрепятственнаго провоза черезъ Россію негоціантовъ — латинянъ, имѣвшихъ торговля сношенія съ Персею. Ему хотѣлось получить разрѣшеніе на провозъ не только негоціантовъ, но и миссіонеровъ римскихъ. Онъ упрасивалъ папу убѣдить венеціанцевъ избрать ихъ торговый путь въ Персею черезъ Россію, увѣряя, что эта дорога будетъ для нихъ безопасна и не дорога, что, напротивъ, она будетъ выгодна для торговли; онъ прибавлялъ, что, по прибытіи въ Венецію, онъ и самъ постарается убѣдить ихъ въ этихъ выгодахъ. Іоаннъ, какъ мы уже замѣтили, предвидѣлъ это желаніе Рима, но онъ рассчитывалъ дать свое соизволеніе не много-погода.

Когда надо было понудить Посевина отпрапляться къ Баторію и убѣдить его, что все готово для дѣйствій противъ турокъ, царь обѣщалъ: предоставить свободный пропускъ въ Персею и купцамъ венеціанскимъ, и посламъ, которыхъ нападѣ пошлетъ къ шаху персидскому, съ цѣлю склонить его къ участию въ войнѣ противъ турокъ, и даже священникамъ, которые будутъ ихъ сопровождать. Но онъ подалъ Посевину только одну на это надежду, давъ ему понять, что и эти его домогательства не могутъ быть выполнены прежде заключенія мира между Россіею и Польшею. Посевинъ и самъ понималъ это очень хорошо. „Есть и другой путь“ (въ Индію) говорилъ онъ „черезъ Польшу и Литву; но этимъ путемъ мы теперь не можемъ слѣдовать, потому что вы, государи, вы враждуете другъ противъ друга, а не живете во взаимной любви и дружбѣ, — и потому ты, столь мудрый, ты долженъ бы подумать объ этомъ и разсудить, какъ бы ты и король польскій могли жить въ согласіи и дружбѣ, для того, чтобы каждый могъ достичь, цѣлымъ и невредимымъ, въ твоѣ государство черезъ Польшу и Литву.“ И всѣ собранія, всѣ надежды на успѣхъ

заставляли Поссевина слѣдовать направленію, какое дано царю этому дѣлу и поспѣшнѣе положить конецъ войнѣ между Россіей и Польшей. Можно думать, что письмо Іоанна къ Баторію блеснуло іезуиту надеждой на возможность совратить царя въ латинство, потому что въ этомъ письмѣ государь намекалъ на полную почти тождественность ученій обѣихъ церквей. Поэтому, откланявшись царю 12 сентября, Поссевинъ, не ожидая какого либо рѣшенія на свои предложенія, оставилъ Старицу 14 того же мѣсяца и отправился къ Баторію.

Онъ оставилъ въ Москвѣ, въ качествѣ повѣренныхъ въ дѣлахъ, іезуитовъ Стефана Дреноцкаго и Михаила Моріенъ. Они должны были оставаться для наблюденій, вести дневникъ всему, что увидятъ, или услышатъ, избѣгать начинанія въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, а также и всякаго свиданія съ митрополитомъ. Имъ запрещено было распространеніе книгъ объ ученіи ихъ церкви,—книгъ, специально для этого приготовленныхъ Поссевиномъ въ Вильнѣ. Осторожный іезуитъ оставилъ имъ подробную инструкцію: какъ они должны были дѣйствовать въ его отсутствіи, запрещая имъ всякое соприкосновеніе къ вопросамъ и явленіямъ, могущимъ уязвить или оскорбить чувство привязанности русскихъ къ ихъ церкви и помѣшать единенію ея къ церковью римской. При богослуженіяхъ имъ строжайше были воспрещены уличныя процессіи, потому что онѣ могли показаться странными для русскихъ, къ нимъ не привыкшимъ,—дать поводъ лютеранамъ къ осмѣянію этихъ процессій, или прокзвести въ народѣ волненіе,—слѣдствіемъ котораго могли бы быть высылка изъ Россіи этихъ делегатовъ. На случай, если бы русскіе вступили съ ними въ споръ о предметахъ, касающихся вѣры, Поссевинъ совѣтовалъ этимъ іезуитамъ: не давая отвѣтовъ,—самимъ предлагать только вопросы, чтобы смутить возражателей. А если бы они были поставлены въ неизбѣжную необходимость — дать отвѣтъ положительный, и если бы у нихъ такого отвѣта не было наготовѣ, они должны были отлагать все на — завтра; вообще имъ было предписано разсуждать преимущественно о нравственныхъ началахъ, истекающихъ изъ религіи, но не о ея догматахъ. Что бы не отдалять отъ себя русскихъ, они отнюдь не должны были вступать въ пренія съ ними о греческихъ святыхъ, а уклоняться отъ того невѣденіемъ.

Предполагая, что царь можетъ убѣждать іезуитовъ въ пра-

вовѣри русской церкви и заставить ихъ выказать уваженіе къ ея представителямъ, — Поссевинъ не забылъ внушить своимъ повѣреннымъ, чтобъ они отнюдь не цѣловали руки митрополита и не подходили подъ его благословеніе, ни въ церкви, ни въ частныхъ домахъ, а при неизбѣжномъ представленіи ему, они должны были ограничиться обыкновеннымъ свѣтскимъ поклономъ. И такъ, поведеніе іезуитовъ, оставленныхъ въ Москвѣ, было опредѣлено съ замѣчательнымъ искусствомъ: оно заключалось въ іезуитской осторожности — до тѣхъ поръ, пока Поссевинъ, возвратясь изъ его миссіи къ Баторію, не возобновилъ своихъ предложеній.

Въ ту пору польскій король, желая черезъ Новгородъ добраться до Москвы, осаждалъ Псковъ. Достаточно снабженный продовольствіемъ, онъ не оставлялъ осады, не смотря на храбрую и энергическую защиту русскихъ. Радзивиль, овладѣвъ Порховымъ и разбивъ Барятинскаго, явился у береговъ Волги и сталъ подъ стѣнами Можайска. Шведы занимали часть Ливоніи; они уже взяли Нарву. Посоль султана турецкаго уже прибылъ въ станъ Баторія и предлагалъ ему помощь. Отовсюду тѣснимый врагами, Іоаннъ еще долженъ былъ бороться съ мятежниками, давать отпоръ боярамъ, которые всегда враждовали противъ его и, пользуясь неудачами вѣнскихъ войнъ, составили противъ царя заговоръ, въ которомъ участвовалъ даже старшій сынъ царя — наследникъ его престола. При такихъ обстоятельствахъ, столь благоприятныхъ королю польскому, предстояло Поссевину успѣть склонить Баторія къ заключенію мира. Гордый побѣдитель и слышать не хотѣлъ о прекращеніи войны; онъ надменно отвергъ предложенія о перемиріи, предложенныя ему воеводами Іоанна. Только предъ именемъ папы онъ смирился и уступилъ. И надо признаться, что Поссевинъ много содѣйствовалъ заключенію десятилѣтняго мира между Россіей и Польшей. Участіе столь дѣятельное, принятое іезуитомъ въ заключеніи этого мира, свидѣтельствуется и самымъ актомъ о заключеніи его, подписаннымъ Поссевиномъ, и многократными увѣреніями и свидѣтельствами самого царя.

Исполнивъ желанія царя, Поссевинъ поспѣшилъ своимъ возвратомъ въ Москву. 14 февраля 1582 г. прибылъ въ нее для полученія возмездія за свои услуги. Трудный подвигъ предстоялъ теперь Іоанну: ему надо было, воспользовавшись по-

средничествомъ легата римскаго, уклониться отъ требуемаго возмездія,—и выполнить это, не оскорбляя папы, который могъ опять возбудить Баторія къ войнѣ.

Представивъ 16-го ч. царю, Поссевинъ 18-го возобновилъ свои прежнія предложенія: онъ требовалъ вооруженія Іоанна противъ турокъ, соединенія церквей, посланки юношей русскихъ въ Римъ, для воспитанія, дозволенія латинскимъ священникамъ жить въ Россіи, изгнанія изъ Москвы лютеранъ, внушеніямъ которыхъ Поссевинъ приписывалъ неблагоклонное расположеніе Іоанна къ папѣ. Таково было содержаніе меморіи, представленной этимъ іезуитомъ — легатомъ. Поссевинъ просилъ царя: предварительно прочесть представленное имъ изложеніе о вѣрѣ, потомъ соизволить переговорить съ нимъ, объ этомъ въ особой аудіенціи; онъ увѣрялъ, что юноши, которыхъ пошлютъ въ Римъ, будутъ воспитаны въ правилахъ вѣры греческой и будутъ потомъ привезены обратно въ Россію; онъ обещалъ, для замѣщенія пасторовъ нѣмцевъ—лютеранъ, жившихъ въ Москвѣ, прислать другихъ священниковъ, тоже нѣмцевъ, но только римско-католиковъ; наконецъ онъ настойчиво ждалъ получить письменно удостовѣреніе, что венеціане и другіе торговые люди латинскаго исповѣданія будутъ пользоваться въ Россіи безпрепятственнымъ выполненіемъ обрядовъ ихъ вѣроисповѣданія.

Бояринъ Никита Романовичъ, въ присутствіи двора, объявилъ 21 февраля Поссевину, что царь весьма признателенъ за труды, которые онъ подъялъ для заключенія мира съ Баторіемъ, не откажется отъ участія въ совокупномъ дѣйствіи христіанскихъ государей противъ турокъ, — какъ только подобный союзъ будетъ окончательно заключенъ между ними, что купцамъ венеціанскимъ и имперскимъ дозволено будетъ имѣть при себѣ священниковъ, „съ тѣмъ, чтобъ они не распространяли между русскими своего ученія и не строили латинскихъ церквей, да *останется каждый въ своей вѣрѣ.*“ „Въ нашемъ царствѣ много разныхъ вѣръ,“ добавлялъ царь, и „мы не отнимаемъ у нихъ свободы, но своихъ церквей еще никто не строилъ въ нашей странѣ!“ По этому не было основанія къ изгнанію и лютеранъ. Въ отвѣтъ на предложеніе посылать русскихъ въ Римъ, было сказано очень искусно, что не было возможности въ короткое время собрать способныхъ къ ученію юношей и что, ежели, въ послѣдствіи, они найдутся, — можно будетъ послать

ихъ туда. Труднѣ всего было уклониться царю отъ словесныхъ разсужденій о вѣрѣ. Іоаннъ обѣщалъ согласиться на это по заключеніи мира съ Баторіемъ; но ежели онъ не допустилъ этихъ преній въ эпоху, когда поляки разоряли его царство, когда его главная надежда на миръ съ Баторіемъ опиралась на легатѣ папскомъ и когда этотъ легатѣ требовалъ за свои услуги удостовѣренія, что его предложенія о соединеніи церквей будутъ приняты,—то Іоаннъ еще менѣе былъ расположенъ толковать о вѣрѣ теперь, когда ему уже не такъ нужны были—ни услуги Поссевина, ни посредничество Рима. Въ свидѣтіе этого дали знать Поссевину, что царь находилъ не приличнымъ бесѣдовать о вѣрѣ, безъ своего совѣта. „Всѣ эти разглагоашствованія (добавлялъ царь) не могутъ достигъ добраго конца, потому что каждый изъ насъ ревностно приверженъ къ своей вѣрѣ и будетъ защищать ее; только возникнуть бесполезныя словопренія; а—кто знаетъ—не поведутъ ли они еще и къ разрыву добрыхъ связей между кабинетами Москвы и Рима...“

Когда воля царская была объявлена Поссевину, онъ попросилъ, чтобъ она ему была сообщена письменно и сказалъ что онъ будетъ отвѣчать. Онъ увѣрялъ, что вовсе не требовалъ особенной частной аудіенціи съ царемъ, насдинѣ, что государь можетъ, если ему угодно, имѣть при себѣ своихъ приближенныхъ и бояръ, ибо онъ понимаетъ хорошо, что царь не могъ быть безъ нихъ, какъ голова не можетъ быть безъ членовъ; наконецъ онъ утверждалъ, что онъ прибылъ не для споровъ и не предвидитъ, чтобы даже простое неудовольствіе могло возникнуть изъ ихъ бесѣды; онъ только желалъ доказать сходство догматовъ двухъ церквей греческой и латинской,—доказать, что ежели встрѣчается какое нибудь между ними противорѣчіе, оно происходитъ отъ неточности перевода твореній богослововъ греческихъ, что надо было безотлагательно согласить обѣ церкви, какъ это было сдѣлано на соборѣ Флорентійскомъ. Въ случаѣ, если царь не соизволитъ принять его, легатѣ папскій просилъ дозволенія представить на другой же день письменное изложеніе его мыслей о вѣрѣ.

Видя упорныя домогательства іезуита и соображая, что письменныя состязательства о вѣрѣ поведутъ только къ новымъ, безконечнымъ просьбамъ Поссевина, желающаго добиться собесѣдованія царскаго,—Іоаннъ рѣшился положить конецъ этому дѣлу. Онъ повелѣлъ Поссевину представиться къ нему

и словесно разъяснить: какія порученія папа далъ ему касательно вѣры. Дѣлая это приглашеніе послу папскому, царь не имѣлъ намѣренія вступать съ нимъ въ разговоры о вѣрѣ, но только объяснить ему невозможность заняться этимъ вопросомъ и тѣмъ положить конецъ этому посольству, которое надо было теперь ему столько же, сколько было полезно сначала.

Удаливъ стольниковъ, дворянъ и приставовъ, въ присутствіи только бояръ, знатныхъ дворянъ и бывшихъ удѣльныхъ князей, царь принялъ легата папскаго, обратившагося къ нему съ слѣдующею рѣчью:

„Великій Государь, царь и великій князь! Къ папѣ Григорію XIII, раздѣляющему верховную власть съ апостоломъ Петромъ, ты посылалъ своего посла Шеврыгина и предлагалъ свой союзъ. Святой отецъ принялъ твои предложенія съ вѣрою и любовію, тѣмъ болѣе, что *нѣтъ различія между вѣрой греческой и римской*; поэтому онъ и желаетъ да будетъ единая церковь и единая вѣра, по словамъ Христа: „*овца моя да пасется*“, такъ—чтобы мы могли исповѣдываться въ вашихъ церквахъ у вашихъ священниковъ, а вы въ нашихъ. Но ежели нѣтъ въ твоёмъ государствѣ перевода всѣхъ твореній отцовъ церкви греческой, ты можешь получить ихъ изъ Рима, гдѣ сохранены творенія Іоанна Златоустаго, писанныя его собственною рукою, и другихъ преподобныхъ святыхъ, также рѣшенія семи вселенскихъ соборовъ и послѣдняго Флорентійскаго собора, на которомъ подтверждено соединеніе обѣихъ церквей. Согласись признать это соединеніе,—и ты будешь въ узахъ дружбы съ папою, съ императоромъ и со всеми государями,—и государство твое распространится ихъ общими усиліями далѣе предѣловъ родины твоихъ предковъ, далѣе Кіева и его теперешнихъ границъ, и ты станешь обладателемъ всего Востока.“

Чтобы лучше убѣдить царя, іезуитъ общалъ, что *Римъ не коснется ни церкви, ни обрядовъ греческихъ*; что и священники будутъ по прежнему, безъ измѣненій,—и добавилъ, будто Іоаннъ самъ общалъ соединеніе церквей и свободу исповѣданія вѣры для римскихъ католиковъ въ Россіи.

Нѣсколько разъ царь просилъ Поссевина оставить эти пренія, которыя могутъ сдѣлаться ему неприятными; потомъ наглостію увѣренной іезуита, *вынужденъ* былъ сказать, что *никогда не писалъ папѣ ничего, касающагося вѣры*; и что онъ даже не смелъ бы себя въ правъ писать объ этомъ, безъ разрѣ-

шенія православнаго митрополита и собора. Ты все желашь говорить о вѣрѣ (сказалъ ему царь) и, конечно, имѣешь на то право, потому что ты съ этою цѣлю посланъ папой, да ты и самъ священникъ латинскій, но я не смѣю тебѣ отвѣчать, потому что я не получалъ на это благословенія митрополита и собора.“ Что же касалось торговцевъ чужестранныхъ, живущихъ въ Россіи, царь вновь подтвердилъ свое царское слово-дозволить священникамъ латинскимъ быть при нихъ и отправлять божественныя службы, лишь бы не публично, и не въ церквахъ. Посевинъ не унимался; онъ настоятельно увѣрялъ, что изъ предполагаемаго имъ разговора не можетъ выдти никакихъ неприятностей.

„Ты Государь великій (сказалъ онъ); какъ же я осмѣлился бы, я, смиреннѣйшій изъ твоихъ слугъ, произнести непристойное слово? Я только хочу передать тебѣ то, что приказано мнѣ папой“.

„Очень трудно, чтобы мы согласились въ мысляхъ нашихъ о вѣрѣ, возразилъ Іоаннъ. Съ давнихъ временъ церковь восточная существуетъ отдѣльно отъ западной; мы приняли христіанство первобытное отъ апостола Андрея, принесшаго его въ наши страны; послѣ того, при Владимірѣ, оно повсеместно распространилось. Выходитъ, что въ то самое время какъ вы обращены были въ христіанство въ Италиі, мы стали христіанами въ Россіи, и сохранили свою православную вѣру во всей ея чистотѣ и цѣлости; тогда какъ,—вспомни что ты говорилъ мнѣ въ Старицѣ,— въ вашей латинской церкви теперь уже до 70 вѣрованій. Я родился въ нашей православной вѣрѣ, и вотъ, съ Божіею помощію, дожилъ до 51-го года, а потому не для чего мнѣ ни мѣнять вѣру, ни желать болѣе обширныхъ владѣній; я только думаю о будущей жизни; цѣлый міръ меня не прельститъ,— я не буду знать, что съ нимъ дѣлать. Впрочемъ, земля во власти Божіей; Господь даетъ ее, кому восхочетъ. Но какъ ты говоришь, что церковь восточная присоединилась къ западной, я замѣчу тебѣ, что наша вѣра не греческая вѣра, а *вѣра православная, во многомъ отличающаяся отъ вѣры латинской*; но я только не желаю разсуждать объ этомъ, чтобы не сказать чего нибудь лишняго, или тебѣ неприятнаго; для того чтобы не прервать дружескихъ сношеній, только что установившихся между мною и папою Григоріемъ XIII, а потому я и прошу тебя не говорить болѣе о вѣрѣ.“

Поссевинъ притворяясь, будто онъ незамѣтилъ, что доучаетъ царю, настойчиво продолжалъ выпрашивать позволенія возобновить разговоры о вѣрѣ, — увѣряя, что можно вести ихъ безъ взаимныхъ оскорбленій.

Іоаннъ былъ характера вспыльчиваго, онъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ вѣроученіи церкви православной и даже любилъ высказывать это, какъ на словахъ, такъ и письменно. Нравъ человека взялъ перхъ надъ сдержанностью дипломата и намѣреніемъ — не вдаваться въ разглагольствованія о вѣрѣ съ иезуитовъ.

„Не хочу я вовсе (сказалъ онъ Поссевину) говорить съ тобою о святыхъ догматахъ вѣры, — это было бы тебѣ непріятно; но вотъ вопросъ немудреннѣйшій: *я вижу — ты брѣдешь бороду*; а ни духовнымъ, ни мірянамъ не повелѣно бриться; ты вѣдь священникъ церкви римской, — и ты брѣдешь бороду; будь же снисходителенъ, скажи мнѣ: откуда взять этотъ обычай? Изъ какого вѣроученія такой обычай происходитъ“?

Иезуитъ, смущенный такимъ неожиданнымъ вопросомъ, отвѣчалъ, *будто отъ природы онъ не имѣетъ бороды*.

Послѣ этого перваго, вырвавшагося вопроса, Іоаннъ, какъ человекъ слишкомъ пылкій, не могъ уже остановиться; онъ продолжалъ: „Шевригинъ рассказывалъ мнѣ, что папу носятъ на тронѣ и цѣлуютъ его туфлю, на которой вышитъ крестъ съ распятіемъ. Если это правда, — то хорошо ли это? Вотъ первая причина разницы между вашей вѣрою и нашей. У насъ крестъ Христовъ есть побѣда надъ врагомъ. Мы поклоняемся древу крестному и чтимъ его по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отцовъ церкви, — потому у насъ не носятъ креста ниже пояса, также какъ никогда такъ низко не помѣщаютъ иконы Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ; это дѣлается съ цѣлю, чтобы можно было видѣть образъ очами души и чтобы очи могли возвышаться къ нашему первообразу; потому и алтари въ церквахъ такъ устроены, что они на высотѣ груди человека, ибо не пристойно святые предметы полагать ниже пояса. И потому папа Григорій не дѣйствуетъ согласно съ уставами апостоловъ и святыхъ отцовъ семи вселенскихъ соборовъ. Эти церемоніи, о которыхъ я говорилъ, изобрѣтены гордынею чловѣческою“.

Поссевинъ отвѣчалъ, что всѣ государи христіанскіе признаютъ папу раздѣляющимъ верховную власть св. Петра, *слѣдовательно и самаго Іисуса Христа*; что вся святыня христіанская,

сосредоточенная въ Римѣ, служить тому доказательствомъ; отъ того то и первосвященнику римскому оказываютъ столь высокія почести.

„Говоря такъ о твоёмъ главѣ ты хочешь поумничать (сказалъ Іоаннъ); но ты говоришь несходно ни съ заповѣдями господними, ни съ преданіями апостольскими. Гордость не идетъ архіереямъ. Вспомни слова Спасителя къ его ученикамъ: *„Ненарицайтесь учителями, потому что одинъ учитель — Христосъ; а вы все братья; и отцомъ не зовися на землѣ, потому что одинъ Отецъ—на небесахъ; не зовися Равви, потому что одинъ вашъ наставникъ—Христосъ; а наибольшій между вами да будетъ вамъ слугою“.* *)

„Господь еще сказалъ своимъ апостоламъ: не стяжите сокровищъ: ни злата, ни сребра, ни мѣди при поясахъ вашихъ, ни мѣха въ пути, ни жезла, ни саноговъ, ни двухъ одеждъ. **) Вспомни также первое посланіе апостола Петра; тамъ сказано: *„Пасите стадо Христово, вамъ вѣренное, бдя надъ нимъ не съ насиліемъ, но добровольно и богоугодно; не для гнусной корысти, но по усердію; и не преобладайте надъ насльдіемъ господнимъ, но будьте образцомъ для паствы“.* ***) „По этому не слѣдовало бы папѣ Григорію возноситься такъ высоко, возсѣдать на тронѣ, какъ это намъ рассказывалъ нашъ посолъ Шверыгинъ, и въ чемъ ты самъ теперь согласишься; папѣ гораздо болѣе приличествуетъ быть смиренномудрымъ, во всемъ подражая апостолу Петру,— по заповѣди Господней.

„Съ перваго вселенскаго собора, при папѣ Сильвестрѣ, до 7-го собора, были въ церкви христіанской четыре патріарха и вселенскихъ учителя: константинопольскій, александрійскій, антiохійскій и іерусалимскій. Они поставили въ разныя страны митрополитовъ. Въ нашей державѣ царской есть также митрополитъ, архіепископы и епископы русскіе, православные, которыхъ мы почитаемъ и слушаемъ въ дѣлахъ духовныхъ. Митрополита русскаго мы зовемъ нашимъ отцомъ; мы смиряемся предъ нимъ, почитаемъ его, просимъ его благословеніи и когда онъ насъ посѣщаетъ, — мы выходимъ къ нему на встречу торжественно со всемъ нашимъ дворомъ, но мы не призна-

*) Матѣ. гл. 23 ст. 8, 9, 10, 11.

**) Матѣ. гл. 10 ст. 9.

***) 1 Петр. гл. 5 ст. 2 и 3.

ствъ его Богомъ, или равнымъ Богу. И папа Григорій XIII не долженъ бы возсѣдать на тронѣ и называться равнымъ апостолу Петру, а особенно *Иисусу Христу*. Папа—не Иисусъ Христосъ; тронъ, на которомъ его носятъ—не облако небесное, а носящіе папу—во все не ангелы. Нельзя приравнять къ Иисусу Христу даже первоверховнаго апостола св. Петра, а тѣмъ менѣе можно равнять съ нимъ папу Григорія. Пусть онъ возьметъ примѣръ съ папы Сильвестра или Адриана и другихъ вселенскихъ учителей церкви, слѣдовавшихъ вѣроученію Христа и преданіямъ апостольскимъ; но да не возстаютъ онъ съ гордынею, до того, что его носятъ на тронѣ, съ распятіемъ на тулѣ, и добываютъ ему ногу. И мы—православные, признаемъ апостола Петра и многихъ римскихъ епископовъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, какъ напримѣръ: Климента, Сильвестра, Агаѳона, Вигилія, Льва, Григорія. Но какъ считать преемниками Петра тѣхъ, кто возсѣдаетъ на его сѣдалищѣ, не слѣдуя заповѣдямъ Христа?“

Посевинъ отвѣчалъ, что власть, данная Христомъ его представителямъ, вовсе не зависѣла отъ ихъ жизни добродѣтельной или предосудительной. „Прошу тебя, пресвѣтлый царь, сказать мнѣ: преемникъ ли ты и законный ли наследникъ власти Владиміра, который жилъ за пятьсотъ лѣтъ предъ тобою.“ Когда Іоаннъ отвѣчалъ утвердительно, Посевинъ продолжалъ: „Такъ если бы кто нибудь вздумалъ издѣваться надъ твоею властію и не покоряется ей, потому что твои предки, по слабости человѣческой, были преданы морокамъ, какъ ты заключишь объ этомъ человѣкѣ: достоинъ-ли онъ будетъ похвалы, или наказанія? Ты великъ, государь, въ твоимъ царствѣ! Какъ же могли-бъ мы не возносить тебя, не прославлять, не простижаться у ногъ твоихъ?“ Сказавъ это, іезуитъ кинулся къ ногамъ Іоанна.

„Дѣйствительно (возразилъ Іоаннъ) наши подданные должны насъ почитать, насъ-благочестивыхъ царей ихъ, какъ они почитали великаго князя Владиміра Мономаха, какъ почитаютъ всѣ подданные своихъ государей-нашихъ братьевъ; но ежели ты думаешь оправдать тѣмъ почести, воздаваемыя намъ, а замѣчу тебѣ, что іерархамъ, ученикамъ смиренныхъ апостоловъ, предлежитъ подавать примѣръ смиренія, но не идетъ имъ превъспать гордостію владыкъ земныхъ. Государямъ подобаетъ почестъ царская, а іерархамъ, папамъ и патриархамъ—почестъ

іерархія. Тѣ изъ папъ, которые слѣдовали заповѣдямъ Христа, преданіямъ апостольскимъ и постановленіямъ семи вселенскихъ соборовъ, были дѣйствительно равноапостольскими, но папа, поступающій въ противность ученію Христа, такой папа не пастьеръ, а волкъ...“

— Если папа *волкъ*, — грубо возразилъ Поссевинъ, — такъ что мнѣ еще говорить послѣ того? Для чего же ты посылаешь къ нему просить о помощи? Зачѣмъ же ты называлъ его, какъ и твои предшественники, *пастьеремъ* церкви?—

При этихъ словахъ грозный царь вскипѣлъ гнѣвомъ; онъ вскочилъ, подошелъ къ Поссевину—и, грозя ему своею налкою окованною желѣзомъ, сказалъ: „Видно ты воспитанъ у мужиковъ, что смѣешь со мною говорить такимъ мужицкимъ языкомъ!“

Ужаснулся іезуитъ, и замолкъ, и сталъ извиняться; и потомъ уже очень смиренно отвѣчалъ на всѣ нападки Іоанна противъ папства.

Придя въ себя, царь постарался загладить свою невольную зацальчивость, которая могла раздражить Римъ противъ него. „Вѣдь я давно говорилъ (сказалъ онъ Поссевину), что толки о вѣрѣ не могутъ окончиться безъ непріятностей и безобидно; впрочемъ я вовсе не называлъ вашего папу волкомъ, но такого папу, который не захотѣлъ бы слѣдовать ученію Христа и преданіямъ апостольскимъ. Покончимъ же на этомъ нашъ разговоръ.“

Прежде чѣмъ оставить Поссевина, царь благосклонно подаль ему руку. Іезуитъ, поцѣловавъ ее, вышелъ, въ сопровожденіи пышной свиты, которая ввела его во дворецъ. Въ тотъ же день Іоаннъ отправилъ къ послу папскому, съ главнымъ приставомъ Евстафіемъ Пушкинымъ и другими, яства съ собственнаго своего стола.

Послѣ бывшаго разговора съ царемъ, Поссевинъ долженъ былъ понять, что въ Россіи достигнуть осуществленія замысловъ Рима не такъ то легко и скоро, какъ онъ полагалъ сначала; однако онъ не отказался отъ своего проэкта и надѣялся достигнуть цѣли *со временемъ*. 22-го февраля онъ обратился вновь съ просьбою, касательно отсылки въ Римъ молодыхъ русскихъ, для воспитанія. Онъ увѣрялъ, что желаетъ этого единственно, какъ знака и доказательства дружбы Іоанна къ папѣ и къ другимъ христіанскимъ государямъ; онъ присовокуплялъ, что если бы онъ хотѣлъ собрать молодыхъ литовцевъ съ этою

цѣлю, то навѣрно нашель бы много охотниковъ подь Пскою вою, но онъ предоставляетъ царю случай быть удобнымъ Богу и приобрести великую славу; однако если Иоанну этого не желательна, то папа не будетъ сожалѣть о томъ, потому что со всѣхъ концовъ міра притекають въ Римъ столько людей для образованія себя, что нельзя помѣстить ихъ всѣхъ, и что иной разъ вынуждены ихъ отсылать.

Оставивъ эту записку безъ отвѣта, царь повелѣлъ на завтра, 23-го февраля, пригласить папскаго легата пожелавать къ нему во дворець. Напуганный іезуитъ думалъ уже, что жмѣткъ мученическій ожидалъ его; онъ присѣлся предъ отъѣздомъ къ царю, преподалъ святое таинство всѣмъ кто былъ съ нимъ; и затѣмъ уже съ трепетомъ вступилъ въ чертоги царскіе. Въ этотъ разъ дворець былъ наполненъ гораздо большимъ числомъ сановниковъ. Иоаннъ былъ вспльзливъ; но, какъ глубокой политикъ, онъ сожалѣлъ о рѣзкихъ словахъ, въ минуту междуминутной вышкци произнесенныхъ имъ о папѣ, которому онъ обязанъ былъ миромъ съ Баторіемъ. Въ слѣдствіе этого, онъ пригласилъ Посевина вовсе не для того, чтобы мучить его, но, напротивъ, чтобы примириться съ нимъ. Оказавъ легату приема самый торжественный съ особыми почестями, царь сказалъ ему громкимъ голосомъ: „когда ты такъ настоятельно добивался пренія со мною о вѣрѣ, я сказалъ тебѣ черезъ монаха бояръ, да и тебѣ самому я говорилъ, что эти вренія не могутъ не повести къ неудовольствіямъ, потому что каждый защищаетъ свою вѣру; если я заговорю о твоей религій, ты будешь слушать меня нетерпѣливо; если ты начнешь говорить о нашей вѣрѣ и доказывать превосходство церкви латинской,— это будетъ мнѣ нецрїятно. Но ты упорствовалъ и требовалъ непременно этого пренія; я сдѣлалъ тебѣ самъ, на словахъ, нѣсколько замчаній о церкви римской, и ты тотчасъ же обидѣлся. Если я сказалъ тебѣ о папѣ что нибудь такое, что тебѣ не понравилось,— забудь это, и не пиши объ этомъ въ Римъ. Не смотри на различіе нашихъ исповѣданій; я желаю сохранить миръ и дружбу съ папою Григоріемъ и со всѣми христіанскими государствами. Я не забуду твоихъ заслугъ и усрдія; я буду тебѣ признателенъ и удостою папу и цесаря, что благодаря твоему посредничеству, заключилъ миръ съ Баторіемъ.“

Посевинъ, поблагодаривъ царя, сказалъ четверть нѣсколькихъ словъ, которыя, однако, не возбуждали спора, ни возраженій.

Послѣ этого пріема Поссевинъ не имѣлъ уже болѣе личнаго доступа къ царю; онъ продолжалъ переговоры письменно; имѣ была составлена и повергнута вниманію царя диссертация: въ чемъ расходятся церкви восточная и западная; онъ все хотѣлъ доказать, — само собою разумѣется, — превосходство латинства. Для убѣжденія русскихъ, онъ написалъ трактатъ объ исхожденіи Святаго Духа *отъ Отца и Сына*; наконецъ онъ составилъ опроверженіе на одно сочиненіе, представленное Іоанну купцами англичанами и переведенное на русскій языкъ по повелѣнію царя. Въ этомъ сочиненіи указано много сходства между папою и антихристомъ. Защищая папъ и исчисляя всѣ заслуги римскихъ первосвященниковъ, Поссевинъ, конечно, не забылъ прибавить, что миръ съ Баторіемъ былъ заключенъ посредничествомъ папы Григорія XIII и пролитіе христіанской крови; давшееся 22 года, остановлено не антихристомъ, а наистинникомъ Христа.

Богословскіе трактаты Поссевина мало занимали царя. Отразивъ всѣ его нападенія и отнявъ у него всякую надежду совершить царя русскаго въ латинство, Іоаннъ возвратился къ излюбленной имъ мысли—обратить іезуита въ православіе.

4-го марта дворецъ былъ весь полонъ приглашенныхъ. Въ это: обширныхъ теремахъ тѣнились болѣе пяти тысячъ особъ; на лестницахъ, у дверей, у оконъ—толпились любопытные. Среди этой огромной массы гостей представился царю и Поссевинъ. Іоаннъ сказалъ ему: наши бодрѣ долежили намъ, что ты желашь посѣтить наши храмы, присутствовать при богослуженіи нашей православной церкви. Теперь я доставлю тебѣ случай все видѣть; сегодня я иду въ церковь Божіей Матери; ты можешь мнѣ туда сопутствовать. Ты увидишь тамъ съ какою вѣрою мы молимся и поклоняемся пресвятой Троицѣ, пречистой Дѣвѣ Маріи и святымъ угодникамъ; ты заметишь съ какою глубочайшею благоговѣніемъ мы преклоняемся предъ чудотворными иконами; ты будешь имѣть счастье созерцать образъ Богоматери, писанный евангелистомъ Лукою. Обрати вниманіе и на то, какъ мы почитаемъ нашего отца митрополита, который молится за насъ; какъ мы испрашиваемъ его благословеніе и оказываемъ ему почести, подобающіе его сану. Но въ то же время ты увидишь, что мы не боготворимъ митрополита, его не носятъ на престолѣ и не лобызаютъ ему ногу. То—дѣло грядущаго, а вовсе не священныя обряды. Ты говоришь, что ца-

на представитель св. Петра, но апостоль Петръ не возсѣдалъ на конѣ,—ходить пѣшкомъ, и даже босикомъ.“

Поссевинъ возразилъ, что онъ никогда не выражалъ желанія видѣть богослуженіе въ церкви русской, но во всякомъ случаѣ онъ пойдетъ въ церковь; почести же воздаваемые папѣ онъ объяснилъ тѣмъ, что папа—представитель святого Петра, отецъ всѣхъ вѣрующихъ „какъ и ты, государь, (прибавилъ онъ), и самъ оказываешь, величайшее почтеніе твоему митрополиту: *во время богослуженія онъ омываетъ свои руки, а ты, государь, омочаешь свои глаза этою водою.*“

„А,—ты хочешь еще быть и наставникомъ?“ (возразилъ Юаннъ) „ты, видно, пришелъ сюда учить насъ; а все же ты самъ не знаешь, что говоришь! Читай-ли ты когда нибудь толковое объясненіе литургій?“ Поссевинъ промолчалъ. „Ну, хорошаго такъ я тебѣ это объясню: митрополитъ, омывъ руки во время служенія, освѣжаетъ свои глаза этою водою, и мы, все народъ, дѣлаемъ тоже—*въ воспоминаніе страсти Господней. Предъ своими страданіями Господь омылъ свои руки и омочилъ глаза тою самою водою,—вотъ отчего мы хранимъ этотъ обрядъ—въ воспоминаніе страданій Христа, а вовсе не какъ почестъ, воздаваемую митрополиту.*“ Поссевинъ не могъ возразить на это ни полслова.

Царь имѣлъ намѣреніе, во время нарочитаго церковнаго торжества, довести легата папскаго до почитанія церкви православной, чрезъ присутствіе при ея богослуженіи. Въ слѣдствіе этого, проготовляли въ Успенскомъ соборѣ самое торжественное служеніе. Евстафій Пушкинъ, Феодоръ Писемскій и пристава получили приказаніе проводить туда Поссевина и ожидать съ нимъ у вратъ церковныхъ прибытія царя, чтобы агать папы могъ видѣть, какъ государя встрѣтитъ митрополитъ, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный всѣмъ сонмомъ духовенства. Поссевинъ долженъ былъ слѣдовать за царемъ и вступить въ храмъ послѣ него.

Прибывъ къ собору, Поссевинъ хотѣлъ войти прямо въ церковь, не ожидая царя на площади, но пристава не допустили его до этого; тогда онъ объявлялъ, что воротится домой; но тѣ же пристава удержали его при церкви. Пушкинъ и его товарищи немедленно доложили царю о происшедшемъ. Государь, видя какъ трудно заставить іезуита, безъ принужденія его, преклониться предъ алтаремъ русской церкви, послалъ

секретаря своего Шелкалова сказать Поссевиному, что его задерживали единственно изъ желанія доставить ему возможность видѣть, какъ царь будетъ принять митрополитомъ, но что *онъ не долженъ дѣлать неприличій;*“ не хочетъ быть въ церкви, то можетъ воротиться домой, и потомъ пожаловать въ канцелярію, чтобы тамъ узнать о рѣшеніи на представленныя имъ предложенія.

Поссевинъ воспользовался дозволеніемъ царя и избавился отъ любопытства толпы. Не надѣясь болѣе на удачу своихъ домогательствъ, онъ отправился къ боярамъ узнать объ окончательной волѣ государя. Ему официально подтвердили, что, не смотря на всѣ его просьбы, никогда въ Россіи не будетъ дозволено сжечь латинскія церкви, *„ибо не подобаетъ, чтобы римская церковь имѣла здѣсь свои церкви;“* и добавили, что не будетъ запрещено чужестранцамъ латинской церкви, прибывающимъ въ Россію, исповѣдывать свою вѣру, *лишь бы они несли пропаганды между русскими.* Это было последнее слово царя.

Такъ окончился этотъ замѣчательный эпизодъ русской исторіи. Изъ него виднѣтъ превосходно охарактеризованный союзъ, бывшій въ Россіи между царемъ и духовенствомъ. Этотъ союзъ не былъ опредѣленъ никакимъ положительнымъ закономъ; но онъ былъ результатомъ жизни народа и сохранился неизмѣнно—или чрезъ образъ семейной нашей жизни, или чрезъ обычаи, способствовавшіе къ образованію общественнаго духа въ Россіи, и внѣ которыхъ вся исторія нашего отечества непонятна.

Первосвященникъ римскій обратился не къ духовенству русскому, а прямо къ царю, съ предложеніемъ о соединеніи церквей; но этотъ грозный могущественный властелинъ, неограниченный самодержецъ своихъ подданныхъ, не призналъ себя имѣющимъ власть надъ вѣрой и церковью. Онъ, правда, вступаетъ въ содѣйствіе съ римскимъ легатомъ объ истинѣ вѣры, онъ доказываетъ правоту своихъ вѣрованій, онъ твердо защищаетъ свою вѣру отъ посягательствъ Рима и отъ интригъ иезуита, — но онъ прямо объявляетъ, что самъ ничего не можетъ рѣшить въ дѣлѣ вѣры, что онъ даже не имѣетъ этого порученія, не получивъ на то полномочія ни отъ митрополита, ни отъ архіепископа.

Изъ исторіи Россіи выказывается двойной фактъ:

- 1) Правительство и церковь были всегда тѣсно соединены;
- 2) Но никогда ни одна изъ этихъ властей не была прямо подчинена другой.

Западные писатели обыкновенно говорятъ противное, но это доказываетъ только ихъ незнаніе исторіи нашего отечества. Мы утверждаемъ, что нигдѣ эти двѣ власти не были болѣе чѣмъ въ Россіи независимы въ ихъ собственной свободѣ дѣйствій, не смотря на узы ихъ соединявшіе. Эта взаимная независимость, при самомъ тѣсномъ единеніи, ярко сверкаетъ даже въ богословскихъ спорахъ Іоанна Грознаго съ легатомъ папы Григорія XIII.

Посевинъ былъ отосланъ въ Римъ съ письмомъ царя къ папѣ, извѣщавшимъ, просто, только о полученіи экземпляра постановленій Флорентійскаго собора. Посолъ русскій Моляниновъ, сопровождавшій въ Римъ легата папскаго, не имѣлъ никакого порученія касательно переговоровъ о вѣрѣ; онъ не долженъ былъ даже говорить о союзѣ, предложенномъ противъ мусульманъ. Вотъ какіе, по инструкціи имъ полученной, отъѣзду онъ долженъ былъ давать: „Это все дѣла особой важности; но намъ не дано повелѣнія трактовать объ нихъ; мы не совѣтники; намъ не дано предписанія договариваться объ этихъ дѣлахъ.“ Однако Іоаннъ желалъ сохранить дружескія сношенія съ дворомъ римскимъ. Предвидя, что его немного рѣзкія выраженія о папѣ и нѣкоторое принужденіе, оказанное его легату, съ цѣлю заставить его присутствовать при богослуженіи въ русской церкви, могли показаться для папы оскорбительными, — онъ повелѣлъ Молянинову, въ случаѣ если бы ему напомнили, что царь прозвалъ папу „волкомъ“, — отвѣчать, что Моляниновъ этого вовсе не слышалъ, прибывъ въ Москву наканунѣ отъѣзда Посевина; также не видалъ, чтобы легата задержали на площади у вратъ церкви; онъ зналъ только, что послу папы оказывали такія почести, которыхъ никогда и не видывали ни послы имперскіе, ни послы турецкіе.

И такъ Іоаннъ остался непоколебимъ въ своемъ настрѣеніи не только не дѣлать ни малѣйшей уступки папѣ, касательно вѣры, но даже и не упоминать объ этомъ въ своихъ сношеніяхъ съ Римомъ. Такъ поступалъ онъ въ то тяжелое время, когда Баторій разорялъ его государство и когда онъ искалъ своей безопасности въ посредничествѣ папы. Такъ же точно дѣйстви-

валъ онъ и тогда, когда, благодаря этому посредничеству, заключилъ миръ съ Баторіемъ. Ему удалось отклонить всякое объясненіе по предмету касавшемуся вѣры. Такимъ образомъ, царь Іоаннъ употребилъ содѣйствіе Рима на защиту своего отечества, не пожертвовавъ ни однимъ догматомъ своей вѣры, даже не сдѣлавъ ни малѣйшей уступки къ водворенію латинской церкви въ Россіи, въ ущербъ церкви православной.

Баторій хорошо зналъ своего соеда—русскаго царя. Онъ предсказалъ случившееся.

Не смотря на настоянія Григорія XIII, Іоаннъ остался не поколебимъ твердъ въ своей вѣрѣ; борьба богословская между представителемъ первосвященника римскаго и самодержцемъ русскимъ—была для нихъ обоихъ бесполезна. Римъ задумалъ обратить Іоанна въ латинство; Іоаннъ попытался достичь всенародно выраженнаго почитанія Римомъ русской церкви. Оба составителя потерпѣли неудачу въ противурѣчивомъ ихъ дѣлѣ. Посольство Поссевина доставило Риму только позволеніе для латинскихъ священниковъ прибывать въ Россію,—въ чемъ предъ тѣмъ отказалъ великій князь Васиій. Благодаря этой уступкѣ, Іоаннъ заключилъ миръ съ непріятелемъ опаснымъ, сохранилъ свои завоеванія, оградилъ цѣлость и спокойствіе Россіи.

Результаты миссіи Поссевина можно оцѣнивать не только по этимъ извѣстнымъ послѣдствіямъ, но и по намѣреніямъ его предъ отъѣздомъ изъ Рима, и по тѣмъ средствамъ, которыя онъ находилъ возможными и необходимыми для введенія латинства въ Россію.

Одно изъ этихъ главныхъ средствъ было учрежденіе въ Римѣ академіи и семинаріи для русскихъ. Надѣялись, что пышность и великолѣпіе папскаго двора и нѣсколько щедрыхъ подарковъ, будутъ достаточны для привлеченія туда значительнаго числа воспитанниковъ; хотѣли учредить еще академію въ Вильнѣ и въ Полоцкѣ, для обученія въ нихъ молодыхъ русскихъ шляхтичей. Наконецъ хотѣли отослать нѣкоторыхъ изъ этихъ шляхтичей въ семинаріи Ольмюца и Праги, гдѣ было легче обучать русскихъ, по сходству ихъ языка съ чешскимъ. Главной цѣлію воспитанія было предположено развитіе религіознаго фанатизма и вращеніе питомцевъ къ различнымъ приемамъ, которые были признаны самими полезными для соображенія ихъ соотечественниковъ. По окончаніи курса и послѣ замѣна этихъ юно-

щей другими, ихъ отослала бы въ Россію, или въ соседственныя области—не римско-католическія, какъ въ *вертоградъ* (*tanquam in vineas*), для привитія тамъ латинства.

Для руководства, въ этихъ семинаріяхъ и преимущественно для распространенія въ народъ римско-католическихъ книгъ, Поссевинъ нашелъ необходимымъ перевести на русскій языкъ главныя сочиненія пронаганды,—но онъ совѣтовалъ совершать этотъ трудъ постепенно, осторожно и тайно. „Если бы (говорить онъ), послѣ Флорентійскаго собора, его постановленія, переведенныя на языки народныя, были распространены на востокъ, если бы школы были основаны для грековъ и внушены быдибы имъ истины церкви римской, — одинъ Маркъ Евсепскій не былъ бы довольно силенъ для разрушенія дѣла столь важнаго и столь прочнаго въ самомъ себѣ.“ Таковы были мѣры, предложенныя іезуитомъ, для уничтоженія въ Россіи церкви православной. Онъ прибавлялъ, что папы Евгений II, Иннокентій III, Григорій X, Александръ VI, Левъ X и Климентъ VII признавали, что столь великая цѣль могла быть достигнута не однимъ только созваніемъ собора, или посылкою легата, или грамотой,—но всеми этими средствами вмѣстѣ; и потому для достиженія савращенія Россіи въ латинство, они начали Польшей и принудили королей польскихъ предоставить разныя привиллегіи и преимущества тѣмъ изъ русскихъ архіереевъ, которые признають постановленія Флорентійскаго собора. По мнѣнію Поссевина, это было лучшее оружіе для нападенія на православіе въ пользу латинства. Онъ совѣтовалъ слѣдовать примѣру этихъ папъ и обратить особое вниманіе на Литву, которая, не смотря на тогдашнее свое политическое отдаленіе отъ Россіи, сохраняла съ нею столь тѣсныя связи, что епископы русскіе были неразъ посвящаемы митрополитами кievскимъ, подданнымъ короля польскаго. Поссевинъ совѣтовалъ отъ имени папы послать благоеклонныя письма русскимъ архіереямъ Литвы и не терять изъ виду ничего, что могло бы привлечь ихъ къ латинству. *Поссевинъ* такимъ образомъ *подготовилъ* то, что послѣ назвали *уміей*: прежде чѣмъ она была ограничена, онъ очень точно опредѣлилъ ея характеръ и значеніе въ отношеніи къ Россіи.

Поссевинъ возвратился въ Римъ, — еще болѣе прежняго убѣжденный въ важности для латинской церкви савращенія Россіи въ римское католичество. Но въ тоже время онъ лучше пони-

малъ трудности такого предпріятія. Онъ изучилъ страну, глубоко развѣдалъ характеръ всехъ препятствій. Въ слѣдствіе того онъ зрѣло обдумалъ цѣлую систему пропаганды и изложилъ ее въ запискѣ.

Обращеніе въ латинство Россіи было бы, по его мнѣнію, не только важнымъ само по себѣ, но и по особенной еще причинѣ: только чрезъ Россію церковь римская могла бы дѣлать завоеванія на востокъ; путь чрезъ Россію удобнѣе, вѣрнѣе, дешевле. Невозможно пользоваться этими выгодами, не имѣя съ Россіею духовнаго союза. Дѣло это (говоритъ Поссевинъ) не можетъ быть произведеніемъ одного дня, или одного посольства, но трудомъ цѣлыхъ вѣковъ, строгой логичности, терпѣнія неутомимаго. Союзъ этотъ можно бы подготовить: учрежденіемъ латинскихъ академій и семинарій въ пограничной Литвѣ, посольскою іезуитовъ, мнимыя чудеса которыхъ производятъ необыкновенный эффектъ на народъ простой и невѣжественный,—наконецъ—тѣснымъ союзомъ царя московскаго съ государями вѣры латинской.

Сношенія постоянныя, непрерываемыя между самодержцами русскими и государями, исповѣдующими вѣру римскую, и преимущественно съ папою, могли въ особенности, по мнѣнію Поссевина, способствовать успѣху пропаганды латинской въ Россіи; поэтому въ Москвѣ всегда должно имѣть папскаго нунція, которому надо-бы дать подробныя наставленія не только о томъ, какъ онъ долженъ дѣйствовать, но и о томъ, какъ онъ долженъ представлять царю записки, и какъ онъ должны быть написаны; даже о томъ, какъ онъ долженъ одѣваться, рассчитывать и соображать каждый шагъ своей жизни домашней, публичной и внутренней. Предусмотрительный іезуитъ не пренебрегалъ ни малѣйшею подробностью, лишь бы это было полезно для цѣлей Рима. Эта нунціатура, которой единственная прямая цѣль—введеніе латинства въ Россіи,—должна была пуститься въ путь въ удобное время; она должна быть малочисленна, чтобы не дать повода къ подозрѣніямъ; ни въ какомъ случаѣ она не должна бѣ поселиться во дворцѣ царскомъ; она не должна бѣ даже и являться туда иначе, какъ только въ крайнихъ случаяхъ. По внѣшности,—она должна бѣ блистать роскошью и пышностью, за исключеніемъ только нунція, если онъ изъ духовенства. Поссевинъ въ своей запискѣ говорилъ еще папѣ, что *русскіе привыкли видѣть своихъ архіереевъ одѣтыми очень просто, по-*

стоянно постыжались, удаляющимися от всякой святости, по тому онъ находилъ, что нунцій въ Россіи долженъ былъ одѣваться скромно и просто, чѣмъ могъ бы онъ легче привлечь русскихъ, въ особенности если его одежда будетъ подходить какъ можно болѣе къ покрою одежды епископовъ русскихъ. Онъ раздѣлялъ мнѣніе Альберта дѣ Кампи, изложенное въ запискѣ, представленной папѣ Клементу VII, по которому нунціатура въ Россіи должна была имѣть въ своемъ составѣ не болѣе пяти лицъ; онъ добавлялъ, что по прибытіи въ Польшу, нунцій найдеть въ Вильнѣ, за очень небольшую цѣну, нѣсколько людей способныхъ, привыкшихъ къ суровому климату Россіи и къ труднымъ путешествіямъ. Зная по опыту цѣну хорошаго переводчика, Поссевинъ находилъ необходимымъ имѣть при нунціѣ *двухъ переводчиковъ*, чтобы въ случаѣ недоразумѣній, или смерти одного изъ нихъ, не быть обязаннымъ довѣряться переводчику, присланному изъ приказа, который могъ бы, по привязанности къ своей вѣрѣ, переводить не точно, и съ особымъ умысломъ, разговоры и записки,—передать инныя обстоятельства, и выраженія, о которыхъ долженъ бы промолчать, какъ это случилось съ нимъ самимъ. Поэтому онъ настаивалъ, чтобы переводчиковъ не избирали ни изъ русскихъ, ни изъ поляковъ, по взаимной ихъ ненависти; онъ находилъ гораздо выгоднѣе выбирать ихъ въ странахъ славянскаго племени, въ Богеміи, или Литвѣ, изъ русиновъ, воспитанныхъ въ виленской іезуитской коллегіи, или, въ только что основанной тогда полоцкой, а чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ ихъ скромности, онъ поставлялъ необходимымъ условіемъ выбирать ихъ изъ *немолодыхъ*. Ему также казалось необходимымъ имѣть медика, знающаго чешскій или русскій языкъ, потому что, по своему званію, находясь при больныхъ русскихъ, войдя въ ихъ довѣріе, заслуживъ ихъ доброе расположеніе и благодарность,—онъ можетъ воспользоваться ихъ слабостями, или чувствами къ нему, чтобы обращать ихъ въ латинство. Главное лицо такого церковно-пропагандистскаго посылства привлекло особое вниманіе іезуита: онъ совѣтовалъ выбрать для этой миссіи священника чеха, или русина, который бы зналъ основательно русскій языкъ, который бы тщательно изучилъ его диссертацию о разностяхъ между церквами русской и латинской, прочиталъ бы 13 сочиненій, имъ означенныхъ, наниманныхъ противъ вѣроученія православнаго. Этотъ русинъ долженъ былъ имѣть все принадлежности для богослуженія въ во-

личайшемъ порядкѣ и обязанъ служить какъ можно чаще, чтобы такую вышнюю обстановку завлекать въ свою вѣру народъ, который онъ встрѣчалъ бы по дорогѣ въ Москву и въ самой Москвѣ. Нунцій долженъ былъ притворяться въ величайшемъ будто уваженіи своемъ къ русской церкви; ему надо предписать, чтобы во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ соображался съ обычаями народными; постился бы когда русскіе постятся, не ѣлъ бы постнаго по субботамъ, выказывалъ бы почитаніе иконъ святыхъ церкви православной, какъ кардиналъ Комскій по приказу папы Григорія XIII совѣтовалъ самому Поссевину, во время его пребыванія въ Россіи.

Поссевинъ предлагалъ перевести на русскій языкъ сочиненія латинскія и указывалъ слѣдующія средства къ ихъ распространенію: 1-е раздавать *даромъ* воспитанникамъ изъ русскихъ (находившимся въ виленской іезуитской коллегіи) множество экземпляровъ извлеченія изъ сочиненія Геннадіуса, въ вопросахъ и отвѣтахъ, противъ вѣроученія восточной церкви, и обязать профессоровъ этихъ учениковъ—заставлять ихъ посылать это сочиненіе къ ихъ роднымъ и друзьямъ; 2-е ассигновать деньги на напечатаніе послѣдняго изъ пяти трактатовъ, того же автора, о верховной власти папѣ и распространить это сочиненіе между учениками виленской іезуитской коллегіи и такой же ярославской (возлѣ Львова); послать его въ семинаріи Ольмюца и Праги, а также къ Іоанну Эрбестъ, бывшему тогда въ Россіи; 3-е перевести на русскій языкъ и напечатать латинскій катихизисъ Петра Канизіуса, — на счетъ іезуитовъ, которые охотно для этой цѣли доставлять необходимыя средства; 4-е напечатать на двухъ или трехъ листахъ главу о еретикахъ изъ сочиненія Сандера о *Монархїи*, и роздать ее русскимъ воспитанникамъ іезуитскихъ заведеній; также черезъ королевскаго секретаря Ясинскаго переслать секретарямъ и чиновникамъ польской канцеляріи въ Москвѣ; 5-е отдѣльно печатать обширныя сочиненія, доступныя для немногихъ, какъ напримѣръ разсужденіе Фомы о заблужденіяхъ грековъ; 6-е издать въ извлеченіяхъ, на рускомъ языкѣ, статей, уже въ ту эпоху рѣдкаго, сочиненія іезуита Петра Скарги: „*Полемика противъ восточной церкви*“; 7-е напечатать, по русски, гречески и латински, буллу папы Евгенія IV; 8-е составить ввѣщеніе, на рускомъ языкѣ, изъ „*Жизни святыхъ*“ изъ сочиненія на польскомъ, языкѣ Скарги, въ особенности такихъ, которые могли бы привлекать русскихъ къ латинству, и роздать

это сочиненіе даромъ священникамъ русскимъ, (что было бы имъ пріятно), убѣдить ихъ читать эти жизнеописанія въ ихъ церквахъ прихожанамъ; 9-е перевести на русскій языкъ и издать сочиненіе Эккіуса противъ Лютера, чтобъ убѣдить русскихъ въ превосходствѣ латинства предъ лютеранствомъ. Окончивъ это дѣло, которое потребовало бы нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдовало: 10-е приступить къ пересмотру евангелія славянскаго, псалмовъ и молитвъ, а также и житій святыхъ, и издать ихъ, исключивъ прежде изъ нихъ и поправивъ предвирительно вступленія, несогласующіяся съ такими же книгами латинскими; и наконецъ: 11-е издать на русскомъ языкѣ катехизисъ римскій.

Всѣ эти проекты и надежды совратить русскихъ въ латинство, выказываютъ, что Поссевинъ совсѣмъ не зналъ ни страны, ни характера народа русскаго. Рвеніе іезуита было слишкомъ пылко и слишкомъ полно фанатизма. Между тѣмъ его разговоры съ Іоанномъ должны бѣ были сообщить ему понятія болѣе точныя о твердости русскихъ въ ихъ убѣжденіяхъ о вѣрѣ православной. *)

О политическомъ значеніи у р. католиковъ с. в. края церковной памяти польскаго королевича Казимира.

Чтобы оцѣнить политическое значеніе для р. католиковъ сѣверо-западнаго края церковной памяти королевича польскаго Казимира, торжественно празднуемой 4-го марта, достаточно припомнить событія изъ исторіи православной Литвы, на которыя имѣли вліяніе: королевичъ Казимиръ при жизни, и канонизація его по смерти; а затѣмъ прослѣдить по памятникамъ, до сего дня существующимъ, какое значеніе придавало и придастъ памяти его латинское духовенство въ краѣ.

Казимиръ былъ внукъ Ягеллы и Ядвиги, сочетавшихся съ цѣлю объединенія Литвы съ Польшею въ римскомъ исповѣданіи.

*) Изложеніе о посольствѣ Поссевина составлено по документамъ хранящимся въ московскомъ главномъ архивѣ, а также и по запискамъ самаго Поссевина, изданнымъ г. Тургеневымъ и Старчевскимъ.

Это событіе легло въ основу дальнѣйшихъ отношеній двухъ соединяемыхъ странъ. Полное ихъ объединеніе въ гражданскій смыслъ должно было вытечь изъ религіознаго единства.

Отецъ королевича, Казиміръ IV Ягеллончикъ, поручилъ воспитаніе сына краковскому канонику Длугошу и извѣстному пилигриму Яну Кашту. Вліяніе латинства было до того уже сильно въ Польшѣ, что старый король въ наставленіи дѣтямъ выражался:

„Послѣ предметовъ отечественныхъ, латынь необходимое врего.“— Этотъ же король установилъ, чтобы ни одинъ шляхтичъ не допускался до государственной службы, если не знаетъ по латынѣ.“

Королевичу Казиміру, по мимо всякихъ научныхъ предметовъ, Длугошъ преподавалъ исключительно латынь, чтобы, какъ говорить летописъ „могъ онъ скорѣе приняться за святыя книжки.“— А каковы были латинскія книжки того времени—можно судить по нынѣшнимъ, когда является необходимость во всей бдительности цензуры, чтобы, подъ видомъ преданности главѣ церкви-папѣ, не пропускались выраженія ненависти къ главѣ государства, русскому царю, и чтобы, подъ видомъ приверженности къ римской вѣрѣ не проповѣдывалось ненависти къ русскому гражданству. (см. кн. 5 Вѣст. Зап. Рос. о Жмудск. молитвен.)

По перевѣдѣ королевича въ Литву, гдѣ онъ проживалъ то въ Вильнѣ, то въ Мѣдникахъ, уроки Длугоша не пропадали для него даромъ.

„Въ 1480 г. онъ выпросилъ у отца своего короля постановленіе, дабы обыватели русскаго исповѣданія, не признающіе власти римскаго папы, нигдѣ не могли строить для себя новыхъ церквей, ни починять старыхъ“ 1). Королевичъ умеръ 25-ти лѣтъ въ 1484 г. отъ чахотки 2).

Сначала именемъ его, а въ послѣдствіи и костями воспользовались польское правительство и римское духовенство, чтобы достигнуть двойной цѣли: прославленіемъ святости польскаго королевича, умершаго въ Литвѣ, имѣть орудіе для уніи Литвы съ Римомъ и въ тоже время обоготворить въ глазахъ римскихъ католиковъ здѣшняго края политическую идею соединенія Литвы съ Польшею. Къ этому направились усилія польскаго пра-

1) Собраніе древ. грам. и акт. Вильна 1843 стр. XLVI.

2) Киркоръ. Истор. статист. опис. Вильны.

вительства и римскаго вѣра. Достигнута ли цѣль—увидимъ ниже.—

Основываясь на запрещеніи предшественника, великій князь литовскій Александръ въ 1495 г. не позволилъ оупруги своей Еленѣ, дщери державнаго Іоанна III, устроить греко-россійскую церковь при виленскомъ дворцѣ. Въ 1501 г. онъ отправилъ проборца виленской кафедрѣ Цюлку въ Римъ ходатайствовать предъ папою о канонизаціи королевича Казимира. Въ 1520 г. Сигизмундъ I возобновилъ такое ходатайство, и въ 1521 г. папа Лодъ X включилъ королевича въ число святыхъ; но, по случившейся въ Римѣ смѣрти Цюлки, затерялся, какъ говорятъ польскіе писатели, актъ его канонизаціи; а Сигизмундъ въ 1522 г., на сеймѣ гродненскомъ, обязался не давать мѣстъ сенаторскимъ и гражданскимъ должностей лицамъ, не принадлежащимъ къ римско католической церкви; на виленскомъ сеймѣ, 1529 г., онъ такое обещаніе подтвердилъ за себя и наследниковъ своихъ, и уже въ 1543 г. грамотою призналъ, что все преимуще-ства, предоставленныя литовцамъ королями, его предками, относятся къ однимъ только унитамъ, т. е. признающимъ власть папы: 1).

Въ 1569 году состоялась злосчастная люблинская унія, граждански привязавшая Литву къ Польшѣ; а въ 1596, брестская унія. На радостяхъ послѣдняго событія, по возобновленному чрезъ ксендза Свенницкаго ходатайству въ Римъ Сигизмунда III, папа Климентъ VIII,—старый знакомецъ Польши, подъ именемъ кардинала Альдробранди и въ званіи легата Сикста VI,—возобновилъ актъ канонизаціи королевича польскаго Казимира, назначивъ его уже и патрономъ великаго княжества Литовскаго.

Подъ такимъ титуломъ и въ такомъ значеніи, съ тѣхъ поръ является королевичъ Казиміръ, во все минуты духовной и гражданской жизни, римскимъ католикамъ западнаго края Россіи, именующимъ себя поляками.

Торжественныя церковныя процессіи 4-го марта, установленныя папою по этому случаю, и ежегодно повторяющіяся,

1) «Собраніе грам. и акт. и польск. брошюрка „Житіе, чудо и чести св. Казим., корол. польск. и велик. княз. литовскаго, Вильна, 1858 г. ксендза Липницкаго.“

не имеютъ другаго смысла въ глазахъ польски цивилизованныхъ жителей, питающихъ мятежныя страсти во имя единенія съ Польшею чрезъ литовскаго велико—княжескаго своего патрона,— ярмарка, стеченіе народа, торжества церковныя во имя мірскаго начала—составляютъ только грубой матеріалъ, изъ котораго вожаки революціи періодически лѣпять своего идола; а сгруппированный около гробницы Казимира въ виленской римской—кафедрѣ пантеонъ изображеній королей, королевицъ, святыхъ, предстателей, заступниковъ королевства польскаго и областей, бывшихъ подъ его державою; надгробники, надписи, символы, *соединенные гербы* Польши и Литвы, бѣлый орелъ и погоны: — представляютъ народу ослѣдательное, постоянное лже-историческое поученіе, поддерживающее въ массахъ враждебныя и опасныя для развитія русскыхъ и православныхъ началъ возмущеніе.

Возвратимся же мы къ историческимъ фактамъ, сопровождавшимъ признаніе королевича польскаго Казимира патрономъ великаго княжества Литовскаго.

Канонизація его въ 1602 году идетъ рядомъ съ самыми притѣснительными мѣрами Сигизмунда III противу православныхъ жителей Литвы. Въ 1600 г. издано учрежденіе, „чтобы не принимать на духовныя мѣста тѣхъ, которые не обучались въ школахъ;“ и вмѣстѣ съ тѣмъ „лицъ греческаго, неумитскаго исповѣданія не принимать въ училища.“ Уже Троицкій монастырь былъ отнятъ у православныхъ и отданъ унитамъ; въ 1609 явлется „запрещеніе братствамъ обращаться въ церковь св. Духа,—куда братства перенесли свои учрежденія,—подъ опасеніемъ денежнаго и тѣлеснаго наказанія 1).

Церковная, а чрезъ нее и гражданская унія въ Литвѣ росла, цвѣла и успѣвала; и съ тѣмъ вмѣстѣ, на сколько чрезъ нее унижались православіе и русская народность, на столько же старательно возвышалось обоготвореніе политической идеи, осуществляемой въ лицѣ королевича Казимира.

Такъ, въ 1624 г., рядомъ съ постановленіемъ „чтобы всѣ церкви православныя въ Витебскѣ, Полоцкѣ, Оршѣ и Могилевѣ были заперты,“ — Сигизмундъ III закладываетъ при виленской кафедрѣ каплицу въ честь королевича Казимира. Постройку ея, не въ томъ, конечно, видѣ въ какомъ она нынѣ существуетъ

1) Собр. грам. и акт. стран. XLVI.

послѣ передѣлки Гудевича и Шульца 1801 года, доканчиваетъ Владиславъ IV, который, издавъ грамоту о томъ, „что въ Витебскѣ, Полоцкѣ и Новогрудкѣ никогда православные ни одной церкви имѣть не будутъ.“— 1) вѣдываетъ въ наружную стѣну каедры соединенные гербы Литвы и Польши и устраиваетъ торжественное перенесеніе въ новую каплицу гроба; заключающаго останки Казимира. Въ 1655 г. Вильнѣ грозитъ опасность: гробъ Казимира вывозится въ глубину Жмуди, гдѣ, въ имѣніи Бѣлосора, и хранится до минованія опасности. Въ 1661 году Бржостовскій перевозитъ гробъ въ Вильну; останки сохраняются въ частномъ капитульномъ домѣ (у езуитовъ), откуда въ 1664 году вновь переносятся въ каедру. Въ 1667, при Янѣ Казимирѣ, послѣдовалъ осмотръ костей королевича Казимира, при чемъ, въ особомъ актѣ 20 Іюня, который подписали Слупскій, Сапѣга, Тызенгаузъ, Зухорскій, Бржостовскій и воевода полоцкій Янъ Копецъ, исчислено ихъ 152, между ними, спинныхъ лопатокъ: одна цѣлая, а другой половина; реберъ цѣлыхъ 10, поломанныхъ штукъ 24“ 2).

Въ римскихъ служебникахъ отдѣльная часть посвящается службамъ, праздникамъ и патронамъ королевства Польскаго.“ Въ служебникѣ 17-го вѣка, (1611), Казимиръ величается „королевичемъ польскимъ;“ въ позднѣйшихъ за тѣмъ изданіяхъ, до 1826 года включительно, къ такому титулу прибавлено „и патронъ великаго княжества литовскаго.“

Въ супрасльскомъ униатскомъ служебникѣ 1763 года память Казимиру записана въ видѣ особой службы „святому Казимиру *Исповѣднику* (?) извѣстному польскаго царствія и князства литовскаго предстателю и заступнику.“

1800 годъ засталъ гражданское единеніе Литвы къ Польшею разрушеннымъ. Но подъ кровомъ римскаго исповѣданія, память Казимира, ежегодно и торжественно празднуемая, не переставала напоминать униатскому народу неразрывность общенія его съ Польшею.

Златой олтарникъ, молитвенная книжна, изданія 1802 года полоцкихъ езуитовъ.— Литанія св. Казимиру такъ между прочимъ къ нему зываетъ:

„Патронъ литовскій,
Украшеніе церкви святой,

1) Тамъ же стр. XLVII.

2) Кс. Липинскій, стр. 258 и слѣд. 300.

Отпрыскъ Ягелловъ,
 Нсобычайная въ Вильнѣ свѣтлость;
 Неразруцимая стѣна Вильны
 Вънецъ княжества литовскаго
 Патронъ королев. польск. и вел. княж. литов.“

Въ 1811 году, когда готовилось на Россію великое нашествіе Наполеона, въ виленской кафедрѣ престоупъ каплицы Казимировой, Голанскій, въ день памяти королевича 4-го марта и въ честь его, произносилъ жгучую проповѣдь, наподиенную историческими воспоминаніями о величій Литвы въ соединеніи съ Короной, и прозрачно развивалъ текстъ „благдені ихъ же, егда придетъ Господь, обрѣцетъ блдщихъ.“

Въ „книгѣ набоженства по божьей хвалѣ“, 1826, Вильна, печд у ксендзовъ базилиановъ, — „годники о св. Казиміръ“ представлѣютъ слѣдующія выраженія:

„Зачните польски краи крулевича свего
 Казиміра выхвалять отъ сердца прѣмого!

и л и

Великій патроне польскій
 Умоли для насъ царство небесное!

и л и

Сяюпа ягеллонова золотой колосъ!—...
 Защити королевичъ на небесномъ тронѣ—
 Особенный поляковъ и Литвы предстателю!

и л и

Оберегай Польшу,— аьдъ ты полякъ:
 Да будежъ мы свободны!

Польская книга парижакаго изданія 1834 года „Разавѣщеніе для дѣтей“ посвящаетъ стран. 112—138 описанію блаженстваваго и бодрого воспитанія королевича Казиміра и его братьевъ; съ наподинаніями о географическомъ величій Литовскаго княжества и современномъ тому варварствѣ Россіи.

Но описанные памятники относятся къ періоду униателому. Вотъ что найти можно въ поздѣйшее время:

Въ 1858 году памяти Казиміра посвятилъ ксендзъ Личинскій цѣлую книгу въ 324 страницы, въ которой описываетъ жизнь, смерть, чудеса его, гражданскія торжества въ честь его канонизаціи и значеніе его въ исторіи Литвы и Польши. Книга носитъ заглавіе: Житіе, чудеса и прославленіе св. Казиміра, ко-

ролевича польскаго и великаго князя литовскаго.— Вильна 1858 г. 1).

Въ латинскомъ „часовникѣ“ для виленской діоцезіи, Вильна 1862 г., подъ 4-мъ мартомъ значится въ календарѣ, Казиміръ королевичъ и патронъ велик. княж. литов.

„Вѣдомость о *чудовныхъ* образахъ,“ брошюрка ксендза Ржицкаго, Вильна 1863 г.; страницы 43—47 посвящаетъ авторъ памяти Казиміра св., сына Казиміра IV и Елисаветы королевъ вольскихъ.

Въ „календарѣ для люду польскаго,“ Варшава, 1864, при исчисленіи ярмарокъ въ *Царствѣ Польскомъ*, перечисляются города: Бердичевъ, Дубно, Гродна, Несвижъ и *Вильна*. Въ мѣсяцесловѣ, подъ 4 мартомъ значится одинъ королевичъ *Казиміръ*.

Остается упомянуть объ афишахъ, которыя въ прежніе годы съ 1 марта прибывали къ дверямъ всѣхъ костеловъ, и содержаніе коихъ слѣдующес:

„...4 марта въ костелѣ кафедральномъ приходится годичное торжество св. Казиміра, королевича польскаго и вел. кн. литовскаго ... со службами, проповѣдями, процессіями, отпущеніемъ грѣховъ...на которые *вѣрные* съ цѣлаго города и области собираются привыкли“.

Нынѣ афишъ уже нѣтъ; уличныхъ демонстраціонныхъ процессій тоже; самыя процессіи, литаніи, *годимки* и торжественный церемоніаль ношенія серебрянаго изваянія королевича сосредоточились въ стѣнахъ кафедры, сохраняя за собою характеръ религіозный на столько чистымъ, на сколько можетъ онъ быть чистъ при празднествѣ, имѣющемъ политическое значеніе.

1) Любопытна наивность автора, который въ описаніи торжествъ, говоритъ объ останкахъ Казиміра, какъ о *тѣлѣ*, стр. 237, 252 и 235, тогда какъ на стр. 300 извѣщаетъ, на основаніи официальнаго акта, *кости*, да еще *поломанныя*.

А К Т Ъ

возвращенія православію православной церкви, обращенной въ р. католическій костель.

1865 года 1 марта брагинскій благочинный, застѣдатель рѣчицкаго уѣзднаго суда, мировой посредникъ и мѣстный хойникій священникъ составили настоящій актъ о ниже слѣдующемъ:

1) Велѣдствіе распоряженія господина главнаго начальника края, велѣно передать въ духовное православное вѣдомство великоборскій костель, что и исполнено нами выше означеннаго числа при бытности остроглядовицкаго ксендза. Церковь великоборская, (недавно—костель) во имя Рождества пресвятыя Богородицы, покрытая гонтомъ, совершенно ветхая,—такъ что въ ней съ опасностію можно совершать какія либо молитвословія. Она длиною 22 аршина, включительно съ входнымъ придѣломъ, а шириною 10 аршинъ, кромѣ ризничнаго придѣла. На церкви 3 купола, съ тремя желѣзными крестами и пятью окошками. Колокольня на четырехъ столбахъ, совершенно подгнившихъ. Колоколовъ 2, изъ коихъ „спижовый“ $3\frac{1}{2}$ пуда, а чугунный, разбитый, 2 пуда. Церковь вокругъ обнесена оградой изъ пластинъ сосноваго дерева, вышиною въ 2 аршина. Древле—православный престоль прикрытъ устроеннымъ надъ нимъ изъ шалевокъ римскимъ престоломъ, длиною въ 3, а шириною въ 2 аршина. Престольная икона Божіей Матери, написанная въ новѣйшемъ латинскомъ вкусѣ, въ золоченныхъ рамахъ, вынута изъ нихъ и передана римскому ксендзу. Въ числѣ прочаго имущества, состоящаго изъ ризничныхъ и утварныхъ вещей, остались около оларной стѣны: 4 покрашенные полуколонны, въ видѣ кіота. На среднѣ церкви, при стѣнахъ, 2 простые кіота, въ коихъ нарисованы на деревѣ, съ правой стороны — икона Спасителя, а съ лѣвой св. Николая въ православномъ вкусѣ, съ славянскими надписями, а въ сіяніи съ греческою: δ $\Theta\epsilon\omicron\varsigma$. Выносная икона Божіей Матери, съ славянскою вокругъ надписью: честнѣйшую херувимъ и проч. и $M\eta\tau\epsilon\rho$ $\Theta\epsilon\omicron\varsigma$, выносный деревянный, окрашенный православный крестъ, двѣ хоругви и два подсвѣчника, съ двумя большими восковыми свѣчами. Воску въ свѣчахъ и кускахъ, пожертвованныхъ тамошними жителями, $1\frac{1}{2}$ пуда, наличныхъ денегъ найдено $49\frac{1}{2}$ коп. сереб., а по совершеніи молебствія, когда г. застѣдатель обнесъ кружку для сбора приношеній, то сумма кошельковая увеличилась до 4 руб. $55\frac{1}{2}$ коп. Воскъ

и церковныя деньги оставлены въ церкви, подъ надзоромъ церковнаго старосты Мины Маленка.

2) Села Великаго Бора жители старожилы: Филиппъ Сандевичъ, Теодоръ Кашперко, Яковъ Кузменко, Стефанъ Саченко, Иванъ Кузменко и церковный староста Мина Маленокъ, на допросъ показали, что, когда въ селѣ Великомъ Бору, были уницкіе священники, то они имѣли и землю-усадебную, пахатную и сѣнокосную. Земля церковной въ урочищѣ *Марковище*, въ 1 $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ села, было 9 морговъ, также земля церковная была въ нѣсколькихъ полянках.—Усадебной, гдѣ былъ и домъ священника, земли было 1 $\frac{1}{2}$ морга, и огородной—на одну соху. Изъ числа усадебной земли нѣкоторая часть отошла въ надѣлъ крестьянину Минѣ Маленку. Сѣнокосъ священника былъ въ урочищѣ *Бобовище* и на болотахъ, гдѣ косила эконіомія. Сказанною землею, со времени выбытія униятскихъ священниковъ, завладѣла эконіомія, которою владѣть и по настоящее время.

3) Помѣщенія для причта въ селеніи Великомъ-Бору ни какого нѣтъ. Старый домъ священника со службами, какъ доказываютъ старожилы, хойницкая эконіомія разобрала и сожгла на винокурномъ заводѣ.

4) При проѣздѣ нашемъ изъ Великаго-Бора чрезъ д. Руденьку, принадлежащую къ хойницкому приходу и отстоящую отъ Великаго Бора въ 1-й верстѣ,—а отъ Хойникъ 12 вер., жители оной, въ числѣ 4 домохозяевъ, гдѣ обоего пола 16 душъ, изъявили желаніе принадлежать къ великоборскому приходу. Здѣсь еще осталось 4 дома совратившихся въ латинство православныхъ. Если деревня Руденька будетъ причислена къ Великому-Бору, то и эти совратившіеся, вѣроятно, возвратятся къ православію.

5) По принятіи отъ римскаго ксендза означеннаго костела въ православное вѣдомство, отслуженъ былъ молебенъ, на коемъ было окропленіе св. водою церкви и присутствующаго народа; на молебнѣ провозглашено было многолѣтіе: Государю Императору и всему Царствующему дому, святѣйшему Синоду, архіепископу Михаилу, г. начальнику края и возвратившимся къ православію.

и 6) Составлявшіе настоящій актъ положили просить начальство, дабы а) сдѣлано было распоряженіе о постройкѣ новой церкви въ селеніи Великомъ-Бору б) домовъ со службами для причта в) дабы отведена была съ весною земля для причта и г) дабы было открыто въ селеніи Великомъ-Бору штатное народное училище, потому что народъ здѣшній ксендзами и панами совер-

щюно скатолченъ и околченъ, что можно искоренить только посредствомъ образованія молодого поколѣнїа. До времени постройки новаго дома, дать помѣщеніе священнику въ томъ домѣ (о двухъ комнатахъ, съ кухнею и кладовою), въ коемъ временно проживалъ хойницкій ксендзъ, и при немъ имѣются кладовая и сарай. Домъ этотъ съ пристройками подаренъ дворянину Крушевскому, въ немъ живутъ теперь евреи. Все означенныя постройки слѣдуетъ правительству принять на себя, ибо юнѣхъ еще православныхъ не добромъзлащїе люди смущаютъ тѣмъ, что ихъ обложить огромными налогами на устройство церкви, помѣщенїа для причта и школы.—На подлинномъ подписались: Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ. Засѣдатель Рѣчицкаго уѣзднаго суда Брушковскій, Мировой посредникъ 2-го участка арміи подпоручикъ Двгтяровъ. Мѣсточеа Хойникъ, Повровской церкви священникъ Іоаннъ Лисевичъ. Съ подлиннымъ вѣрно: Брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ.

А К Т Ъ

по случаю возложенїа мельхїоровыхъ крестиковъ на новообращенныхъ римско-католиковъ.

1865 года 28 февраля. Мы ниже подписавшіеся, брагинскій благочинный, помощникъ военного начальника мозырскаго и рѣчицкаго уѣздовъ, мировой посредникъ и мѣстный священникъ, составили настоящій актъ въ ниже-слѣдующемъ:

1) Въ слѣдствїе распоряженїа г. главнаго начальника края, мы прибыли въ м. Хойники, рѣчицкаго уѣзда, 2 мирового участка, для возложенїа на новообратившихся изъ латинства въ православїе велико-борскихъ и другихъ деревень жителей, мельхїоровыхъ крестиковъ, пожертвованныхъ г. начальникомъ края.

2) 28 февраля—въ воскресный день, брагинскій благочинный совершилъ соборнѣ божественную литургїю, при которой великоборскїе и дубровицкїе прихожане, по предварительномъ говѣнїи, были первый разъ по присоединенїи къ православію удостоены причащенїа св. Христовыхъ Тѣлнъ. По отсутствїи св. литургїи, вынесены были діакономъ на блюдѣ, чрезъ царскїя врата, на средину храма, крестики, при шествїи благочиннаго и двухъ

священниковъ, и были торжественно освящены. При пѣніи пѣсни — «кресту Твоему поклоняемся, владыко,» — всѣ присутствовавшіе во храмѣ (въ числѣ ихъ много было крестьянъ, еще и по сіе время крестящихся въ латинствѣ), положили по три земныхъ поклона. Послѣ сего началось возложеніе освященныхъ крестиковъ. Подходящаго, для возложенія крестика, одинъ изъ священниковъ окроплялъ св. водою, другой осѣнялъ крестомъ, давалъ его лобызать, а благочинный, — тоже давая облобызывать крестикъ, возлагалъ на шею новообращеннаго прихожанина. По возложеніи означеннаго количества крестиковъ, благочиннымъ произнесена была приличная торжеству рѣчь. *)

3) По просьбѣ волостнаго старшины, членовъ волостнаго управленія и общества древле-православныхъ прихожанъ, — во главѣ мирового посредника и помощника военнаго начальника, — изъ церкви совершенъ былъ торжественно крестный ходъ въ волостное управленіе, гдѣ отслуженъ былъ благодарственный Господу Богу молебенъ. На молебнѣ, по провозглашеніи многолѣтія Государю Императору и всему царствующему дому, святѣйшему Синоду и архіепископу минскому Михаилу, было провозглашено многолѣтіе г. начальнику края, всѣмъ сподвижникамъ его въ усмиреніи враголы и возстановленіи въ странѣ православія и русской народности, духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ, далѣе — всероссійскому воинству, новообратившимся къ православію, обществу и всѣмъ православнымъ христіанамъ. За симъ новообращенные приглашены были обществомъ древле православныхъ къ приготовленному для нихъ завтраку, причѣмъ провозглашены были приличные торжеству тосты.

4) При выходѣ изъ волостнаго управленія, домохозяева деревень Волокъ, Малешева и Карчова, въ числѣ десяти, оставшіеся до сихъ поръ въ латинствѣ, изъявили желаніе присоединиться къ православію, съ семействами своими, по какому предмету составленный въ волостномъ управленіи актъ, при семъ прилагаемъ.

5) Въ заключеніе настоящаго акта, просимъ начальство прислать еще 150 крестиковъ, для возложенія на остальныхъ великоборскихъ, Угольской Рудни и Загалья возсоединившихся и около 50, для вновь изъявившихъ желаніе присоединиться, ибо въ но-

*) Редакція думаетъ, что эта рѣчь, по рѣдкости случая, при которой она произнесена, заслуживаетъ вниманія читателей Вѣстника, а потому проситъ о. Эремича подѣлиться ею съ этимъ изданіемъ. *Ред.*

абрь и декабрь присоединилось всѣхъ 366, а крестиковъ возложено 224.

Настоящій актъ, составленный въ двухъ экземплярахъ, представленъ по начальству, чрезъ брагинскаго благочиннаго и помощника военнаго начальника. На подлинномъ подписались: брагинскій благочинный, священникъ Максимъ Еремичъ. Маіоръ Стефановичъ. Мировый посредникъ 2 участка арміи подпоручикъ Дѣгтяровъ. Мѣстечка Хойникъ Покровской церкви священникъ Іоаннъ Лисевичъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: брагинскій благочинный, священникъ
Максимъ Еремичъ.

Раздача бронзовыхъ изображеній св. Благо- вѣрнаго великаго князя Александра Невска- го по волынской губерніи.

Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было, съ цѣлю увѣковѣченія въ памяти народа благотворнаго для него царствованія Государа Императора, повелѣть раздать достойнѣйшимъ изъ крестьянъ юго-западныхъ губерній бронзовые изображенія Ангела-хранителя Его родителя, св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. По распоряженіи главнаго начальника края на долю волынской губерніи выслано было въ апрѣлѣ мѣсяцъ 1864 г. 16 экземпляровъ сихъ изображеній для лучшихъ изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, кои отличались особымъ усердіемъ къ подавленію обнаружившагося мятежа и устраненіи злоумышленныхъ замысловъ, и нынѣ отличаются точнымъ и усерднымъ исполненіемъ государственныхъ повинностей и распоряженій начальства, а также для четырехъ лучшихъ и наиболѣе отличившихся крестьянъ, состоявшихъ въ сельской стражѣ. По усмотрѣнію г. начальника нашей губерніи, эти знаки вниманія къ вѣрнопреданному народу разсланы были по одному для каждаго уѣзда къ предсѣдателямъ мировыхъ сѣздовъ, и, независимо отъ равнаго раздѣла, для житомирскаго уѣзда—2, для заславскаго и новоградволынскаго по одному, по особымъ причинамъ мѣстныхъ событій 1863 года.

Это сѣмейно-религіозное увѣковѣченіе въ народной памяти,

изображеніемъ св. царственнаго покровителя Россіи о тезоименномъ ему освободителѣ народа, произошло у насъ съ подобающею торжественностію. Изъ сельскихъ урядниковъ по *ковельскому* уѣзду признанъ достойнымъ таковаго высокаго вниманія волостной старшина сушичанской волости, избранный обществомъ на второе трехлѣтіе Григорій *Зинчукъ*. По *ровенскому* уѣзду всѣми мировыми посредниками признанъ достойнымъ высоцкій волостной старшина Исаакъ *Григонъ*. По *дубенскому*—млыновскій волостной старшина Степанъ *Пахолукъ*, который за особое усердіе и распоряженіе во время бывшаго мятежа награжденъ медалью, пользующійся постоянно полнымъ уваженіемъ крестьянъ, избранный на второе трехлѣтіе въ настоящую должность, и по дѣйствию котораго всѣ общественныя повинности и платежи поступаютъ бездоимочно. По *острогскому* уѣзду—единодушнымъ признаніемъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ признанъ достойнымъ волостной старшина 2-го мирового участка гушанской волости Харлампій *Серветникъ*, второй уже срокъ состоящій въ этой должности, по вліянію коего вся волость состоитъ въ отличномъ порядкѣ, крестьяне, имѣя въ лицѣ своего старшины примѣръ точнаго исполненія закона, разумно понимаютъ и исполняютъ свои обязанности въ новомъ своемъ положеніи, и потому, въ присутствіи всѣхъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, послѣ благодарственнаго молебствія, вручено ему священное изображеніе благовѣрнаго князя Александра, при приличномъ назидательномъ словѣ мѣстнаго священника Игнатія Золотинкевича. По *заславскому* уѣзду—удостоенъ сельскій староста дворецкой волости Прокофій *Холличъ*, пользующійся уваженіемъ общества и на второй срокъ избранный въ эту должность, и стражникъ с. Миньковецъ Степанъ *Дударь*, болѣе всѣхъ отличившійся при разбитіи мятежной польской шайки подъ этимъ селеніемъ. По *новоградволинскому* уѣзду—изъ двухъ изображеній—одно, по общественному мнѣнію, вручено бывшему эмелчинскому волостному старшинѣ Ефиму *Опонченко*, который, во время формировавшихся мятежныхъ шайкъ, своими совѣтами и распорядительностію, предупредилъ сформированіе барашовской шайки, намѣревавшейся напасть на Эмельчинъ, а другое—барановецкому старшинѣ Андрею *Сусю*, который, при самомъ примѣрномъ исполненіи своей обязанности, довель свою волость до сознанія необходимости взноса выкупныхъ платсжей, не смотря на сосѣдство

двухъ непокорныхъ и буйныхъ волостей смодыревской и рогачевской. По *владимиро-волинскому* уѣзду — единодушный отзывъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и крестьянъ призналъ достойнымъ сотника подвижной стражи крестьянина с. Рачина Ивана *Козака*, извѣстнаго своими подвигами при открытіи, преслѣдованіи и разбитіи шаекъ 16 и 17-го іюля (1863 г.) въ бубковскихъ лѣсахъ, гдѣ онъ, указывая путь военному отряду былъ постоянно впереди подъ градомъ пуль, коими пробита его шапка и свита въ одинадцати мѣстахъ, но дивнымъ щитомъ Промысла оставленнаго невредимымъ: почему, по освященіи въ соборномъ храмѣ изображенія благовѣрнаго великаго князя, послѣ литургіи, архимандритъ Сергій вручилъ его достойному сотнику, съ прочтеніемъ записки о его подвигахъ, и за тѣмъ, по просьбѣ удостоеннаго, отслужено было молебствіе о здравіи Государя-Наслѣдника, какъ виновника сего умильтельнаго торжества народнаго. По *староконстантиновскому* уѣзду — оказался вполнѣ достойнымъ западинецкій волостной старшина Петръ *Хвощукъ*: подъ его вліяніемъ и руководствомъ крестьяне западинецкой волости построили часовню съ неугасаемой лампадой предъ образомъ св. Александра Невскаго; ему же принадлежитъ инициатива подачи Государю Императору адресовъ отъ крестьянъ, съ выраженіемъ ихъ вѣрноподданнической преданности; при прошлогодномъ мятежѣ, онъ способствовалъ къ отысканію и поимкѣ мятежныхъ лицъ; по вліянію его на народъ, безъ всякихъ побудительныхъ мѣръ, крестьяне всей волости исправно вносятъ выкупные платежи; по его старанію, согласно съ мѣстнымъ священникомъ, западинецкое училище находится въ цвѣтущемъ состояніи; читая выписываемыя имъ газеты, онъ дѣлится прочитаннымъ съ управляемымъ имъ обществомъ и развиваетъ въ народѣ понятія политической жизни и правъ гражданскихъ: по этому, въ присутствіи членовъ мирового съѣзда и всѣхъ волостныхъ старшинъ, послѣ молебствія о здравіи Наслѣдника-Цесаревича, вручено ему бронзовое изображеніе св. Александра Невскаго, съ объясненіемъ притомъ всѣмъ старшинамъ, что въ немъ имѣютъ они видимый знакъ высокаго вниманія и попечительности Его Императорскаго Высочества. По *Овручскому* уѣзду — почтенъ этимъ старшина покалевской волости Григорій *Климовичъ*, разумною дѣятельностію и разъясненіемъ крестьянамъ ихъ правъ и обязанностей, много содѣйствовавшій къ поступленію въ казну выкупныхъ платежей, по-

датель и повинностей, и къ исполненію всѣхъ вообще распоряженій правительства;—стараніемъ его открыта сельская школа при покалеvesкомъ волостномъ правленіи, гдѣ обучается до 40 мальчиковъ и 19 дѣвочекъ, и двѣ также школы въ болѣе отдаленныхъ отъ волости селеніяхъ, въ коихъ, до 20 учащихся въ каждой;—при содѣйствіи руднянскаго сельского старосты Примака, онъ нанимаетъ людей для обученія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ молитвамъ не только дѣтей крестьянскихъ, но и самыхъ родителей ихъ, живущихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ и лишенныхъ возможности посѣщать церкви, гдѣ многіе не знаютъ ни одной молитвы, а нѣкоторые даже не бѣгаютъ у исповѣди и св. Причастія: поэтому 21-го іюня, при сборѣ всѣхъ старшинъ и множества крестьянъ въ с. Покалевъ, председатель овручскаго мирового съѣзда вручилъ волостному старшинѣ *Климовичу* этотъ видимый знакъ вниманія Наслѣдника престола; послѣ чего, по просьбѣ крестьянъ, въ мѣстной сельской школѣ отправлено было благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему Дому, а при выходѣ изъ школы, крестьянскимъ мальчикамъ, пѣвшимъ молебенъ, председателемъ съѣзда и смотрителемъ училищъ Овручскаго уѣзда розданы были крестики и книги. Находившіеся при этомъ крестьяне-собственники покалеvesкой волости обратились съ просьбой ко всѣмъ членамъ мирового съѣзда, начальнику уѣздной полиціи, смотрителю училища, мѣстному священнику и мѣстному помѣщику, поручику Козловскому, раздѣлить съ ними незатѣйливую русскую хлѣбъ—соль. При завтракѣ сельскіе старосты и крестьяне предложили тосты за здравіе Государя Императора, Наслѣдника Престола и всего Августѣйшаго Дома, сопровождаемые торжественными кликами—ура! При отъѣздѣ же членовъ съѣзда, выборные отъ крестьянъ представили адресъ Его Императорскому Высочеству съ выраженіемъ ихъ признательности и чувствъ вѣрноподданнической преданности, который и былъ препровожденъ чрезъ начальника губерніи къ г. начальнику края. По *кремезицкому* уѣзду, — съ общаго совѣщанія председателя съ членами мирового съѣзда, признанъ достойнымъ долушанскій волостной старшина Иванъ *Жукъ*. *Жукъ*, соединяя въ личности своей рѣдко встрѣчаемая въ необразованной массѣ уметвенныя способности, занимаетъ должность старшины второе трехлѣтіе и, при тепломъ участіи къ нуждамъ волости, довелъ ее до примѣрнаго состоянія, какъ въ нравственномъ

отношеніи, такъ и во взносъ выкупныхъ платежей, вообще пользуется безграничнымъ довѣріемъ сельскихъ общинъ своей волости. Для врученія этого святого изображенія назначенъ былъ день 1-го іюля, къ которому собраны были въ г. Кременецъ волостные старшины и старосты со всего уѣзда. Ректоръ семинаріи архимандритъ Рафаиль почтилъ принять въ семь народномъ торжествѣ свое пастырское участіе. По благовѣсту въ семинарской церкви собрались всѣ члены мирового съѣзда и сельскіе урядники, при многочисленномъ стеченіи народа. Послѣ соборнаго отпѣтаго молебствія, председательствующій мирового съѣзда объяснилъ сельскимъ урядникамъ высокое значеніе награды, какъ вниманія Государя Наслѣдника къ достойнымъ представителямъ любезнаго ему народа, безукоризненно исполняющаго свои обязанности, и, какъ доказательство—настоящая награда Жука,—въ лицѣ котораго крестьяне всего уѣзда видятъ заботливость правительства ко всѣмъ имъ. Затѣмъ однимъ изъ священно-служителей вынесенъ былъ изъ алтаря образокъ, и архимандритъ, пояснивъ слова, выбитыя на немъ: *не въ силъ Божь, а въ правдѣ*, перешелъ къ минувшимъ событіямъ польскаго мятежа, грозившаго привлечь на свою сторону коллективное участіе Франціи, Англии и Австріи. Но когда во всей Европѣ, стали ясно извѣстны стремленія поляковъ, то матеріальная сила и гроза померкли предъ правдою. Обязанность выяснить эту правду было дѣломъ—русскихъ: крестьяне высказали эту правду преданностію правительству и преслѣдованіемъ всего, что было противъ. Какъ правда не остается безъ награды на небѣ, и здѣсь—на землѣ она получаетъ свое возмездіе. Судить о наградахъ неба намъ не дано, но что касается награды земныхъ, то мы видимъ, что крестьяне, по волѣ ГОСУДАРЯ, получили права крестьянъ-собственниковъ и мировыхъ посредниковъ такихъ же, какъ и народъ,—русскихъ православныхъ. Въ дальнѣйшемъ отъ крестьянъ зависитъ воспользоваться милостию ГОСУДАРЯ: для этого нужна таже любовь и довѣріе, какими отличались крестьяне къ законному правительству, точное исполненіе требованій начальства, и исправный взносъ выкупныхъ платежей и государственныхъ повинностей. Исполнившіе это не останутся и впредь безъ Царскаго вниманія, не смотря на отдаленное жительство ГОСУДАРЯ отъ кременецкаго уѣзда: Онъ горко слѣдитъ за нами. Вотъ, и нынѣ удостоивается милостию наградою Наслѣдника лучший представитель крестьянскаго

населенія. При этомъ архимандритъ благословилъ старшину Жука и возложилъ на него кресто-образное бронзовое изображеніе св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Затѣмъ восторженные крестьяне Монаршею къ нимъ милостію угощены были на дворъ мирового съѣзда *.)

О. К.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ, данный на имя генерала отъ инфанте- ріи, графа Муравьева 2-го.

Графъ Михаилъ Николаевичъ. Я призвалъ васъ къ управленію сѣверо-западными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежь, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ ихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка.

Не смотря на разстройство вашего здоровья, въ слѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, Я долженъ былъ снизить на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ государственныхъ имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣряемыя Мною вамъ новыя обязанности, и при исполненіи ихъ оправдали, въ полной мѣрѣ, Мои ожиданія.

Мятежь подавленъ; сила правительственной власти восстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностью, распорядительностью, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное Мною преобразование быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго

*.) Объ остальныхъ двухъ уѣздахъ—житомірскомъ и лудкомъ — свидѣній не доставлено.

и неразрывнаго единства западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ, и вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ положили начала преобразованія ихъ въ духъ православія и русской народности. Подвиги ваши исполнѣ Мною оцѣнены и приобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано.

Къ крайнему Моему прискорбію ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили здоровье ваше, и вы снова заявили Мнѣ о невозможности долѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности.

Снисходя къ желанію вашему, и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена государственнаго совѣта, Я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе Моей къ вамъ признательности и въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ Престоломъ и Отечествомъ, указомъ, сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написанно:

„Искренно вамъ благодарный

АЛЕКСАНДРЪ“

Ницца.

17-го (29-го) апрѣля 1865 г.

(Рус. Инв. № 88).

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ ПО НОВОДУ ВЫСОЧАЙШАГО РЕСКРИПТА,

даннаго на имя Графа Муравьева 2-го.

Въ послѣднемъ N. 88 Рус. Инв. читаемъ:

„Мы печатаемъ въ нынѣшнемъ номерѣ нашей газеты Высочайшій рескриптъ графу М. Н. Муравьеву и Высочайшій приказъ о Всемилостивѣйшемъ увольненіи его отъ должности, вслѣд-

ствіе тяжкаго недуга. Известно, какую громкую репутацію приобрѣло въ последнее время имя этого государственнаго человека. Чѣмъ сильнѣе преслѣдовала его своими изступленными нападками заграничная печать, покровительствующая замысламъ польской революціонной партіи, тѣмъ большею популярностью пользовался онъ въ своемъ собственномъ отечествѣ, гдѣ хорошо понимали все высокое значеніе совершеннаго имъ подвига. Имя графа М. Н. Муравьева нельзя будетъ вычеркнуть изъ исторіи. Если нерушимо упрочилось наше господство въ сѣверо-западномъ краѣ, если край этотъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ долженствовалъ онъ быть всегда, т. е. краемъ чисто-русскимъ, то никогда не забудется, что всѣмъ этимъ обязаны мы необыкновенной энергіи и провицательности, съ которою бывшій виленскій генералъ-губернаторъ исполнялъ предначертанія своего Государя.

Всѣкому известно, среди какихъ тяжелыхъ обстоятельствъ призванъ былъ графъ М. Н. Муравьевъ къ исправленію своей должности. Мятежъ свирѣпствовалъ въ Польшѣ и проникъ уже въ Зап. Рос. и въ Литву. Въ этой последней области польская партія готовилась пожать плоды заговора, приготовляемаго ею исподволь въ теченіе долгаго ряда лѣтъ; рассчитывая на чужеземное содѣйствіе она не находила уже нужнымъ скрывать свои замыслы; русскій и православный людъ, не смотря на численное свое превосходство, подвергался открыто самымъ возмутительнымъ оскорбленіямъ; среди безответной массы, только что выпешедшей изъ крѣпостной зависимости и опутанной сѣтью самыхъ безсознательныхъ интригъ, польскіе дворяне и чиновники собирали открыто деньги для возстанія, формировали шайки и становились въ ихъ главъ; повсюду господствовалъ революціонный терроръ съ такимъ неистовствомъ, которому трудно приискать примѣръ въ исторіи. Съ назначеніемъ въ должность графа Муравьева, все это быстро измѣнилось. Въ короткое время полное спокойствіе водворено было тамъ, гдѣ еще недавно свирѣпствовала самая безумная анархія. Заслуга Михаила Николаевича состояла въ томъ, что онъ, хорошо понявъ указанную ему систему, состоящую въ томъ, чтобы вывести русскій, господствующій элементъ изъ подъ гнета польскаго меньшинства, твердо и неуклонно приводилъ ее въ исполненіе, не смотря ни на какія препятствія. Заграничныя газеты, по поводу нѣкоторыхъ мѣръ, принятыхъ имъ для приведенія въ исполненіе цѣли, стали вопить о жестокостяхъ и преслѣдованіяхъ; не было оскорбитель-

ныхъ сравненій, которыхъ не придумывали бы они для ненавистнаго имъ челоѣка; но никогда пристрастіе и клевета, руководившія ими, не обнаруживались такъ явно, какъ въ этомъ случаѣ: они не хотѣли признавать, что мятежъ очутился лицомъ къ лицу не съ диктатурою только одного челоѣка, не съ вооруженною только силою, но съ многочисленнымъ населеніемъ, которое ополчилось на защиту своихъ правъ, слишкомъ долго цопираемыхъ самымъ безстыднымъ образомъ.

Преждевременно было бы обсуждать теперь всѣ дѣйствія, которыми ознаменовалось управленіе генерала Муравьева: могутъ быть различныя мнѣнія касательно тѣхъ или другихъ частностей; найдутся люди, которые будутъ возражать противъ той или другой изъ принятыхъ имъ мѣръ; но мы не сомнѣваемся ни на минуту, что всѣ, проникнутые сознаніемъ національныхъ интересовъ, твердо убѣждены, что, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, система, ему указанная, нашла въ немъ самаго строгаго и неуклоннаго исполнителя. Съ цѣлю возрожденія края на началахъ господствующей въ немъ, по своей многочисленности и по своимъ историческимъ правамъ, русской народности,—заботился онъ объ улучшеніи состоянія православнаго духовенства, о распространеніи и возвышеніи православныхъ церквей; съ этою же цѣлю старался онъ поднять бѣдное, забитое и замученное бѣлорусское племя, положивъ начало матеріальному и нравственному его благосостоянію. Посѣщая теперь Литву и Бѣлоруссію, всякій русскій сознаетъ, что онъ находится въ Россіи, среди роднаго ему общества, чувствуетъ себя господиномъ тамъ, гдѣ еще недавно польская партія осмѣливалась смотрѣть на русскаго, какъ на пришельца, и относилась къ нему съ возмутительнымъ высокоуміемъ. Повторяемъ опять, что всѣмъ этимъ обязаны мы той системѣ, для приведенія въ исполненіе которой былъ назначенъ графъ М. Н. Муравьевъ.

Что же касается самой системы, о перемѣнѣ которой ведутъ рѣчь польскія и другія иностранныя газеты, покровительствующія шляхетской революціи, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Не такъ давно еще мы имѣли случай замѣтить нелѣпность подобныхъ ожиданій. Русское общество слишкомъ ясно сознаетъ свои интересы и заботится объ ихъ огражденіи; оно не желаетъ повторить хотя одну изъ тѣхъ ошибокъ прежняго времени, за которыя пришлось намъ расплачиваться слишкомъ дорогою цѣною, и не оно, конечно, захочетъ сойти съ пути, ука-

заннаго Государемъ, для котораго интересы Россіи, неразлучно связанныя съ интересами большинства, съ самаго начала Его царствованія стоятъ на первомъ планѣ.“

Праздникъ Пасхи въ Вильнѣ.

4 апрѣля, по случаю праздника свѣтло Христова Воскресенья, въ двѣнадцать часовъ ночи, въ церкви св. Духова монастыря, высокопреосвященнымъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ, въ сослуженіи съ преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковскимъ, викаріемъ литовской епархіи, совершены, съ соборомъ духовенства,—всенощное бдѣніе и потомъ божественная литургія, въ присутствіи всѣхъ гг. генераловъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, дворянства и при многочисленномъ стеченіи народа. Всерадостнѣйшее воскресеніе Господне возвѣщено было пушечною пальбою.—По окончаніи богослуженія, въ 3¼ ч. утра, начальствующія лица всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, члены присутственныхъ мѣстъ и дворянство—отправились на квартиру его превосходительства А. Л. Потапова для принесенія поздравленія, гдѣ вмѣстѣ со многими другими приглашенными особами—были угощаемы завтракомъ, во время котораго, его прев. Александръ Львовичъ провозгласилъ тосты за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, а потомъ всего Царствующаго Дома, встрѣченные продолжительными и радостными кликами ура. Затѣмъ предложилъ тостъ за здоровье его высокопревосходительства Михаила Николаевича Муравьева, а вслѣдъ затѣмъ Александра Петровича Хрущева, послѣдній же провозгласилъ тостъ за здоровье гостепріимнаго хозяина и его супруги. Всѣ эти тосты были встрѣчены особенно сочувственно и сопровождались продолжительными кликами ура.

Утромъ гг. военные и гражданскіе чины приносили поздравленіе высокопреосвященнѣйшему Іосифу, митрополиту литовскому и виленскому, а въ часъ по полудни, у г. начальника губерніи былъ большой завтракъ, на которомъ находились всѣ начальствующія лица, высшія духовныя особы всѣхъ исповѣданій, военные и гражданскіе чины и дворянство.

Во время завтрака хозяинъ С. Ф. Панютинъ провозгласилъ третъ за здравіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и всего Августѣйшаго Дома, на который многочисленное общество

ответствовало задушевными кликами ура. Затѣмъ ижъ же были предложены тосты за здоровье главнаго начальника края, М. Н. Муравьева, высокопреосвященнаго митрополита Юсифа, преосвященнаго Александра, епископа ковенскаго, и всего православнаго духовенства. Тосты эти были приняты съ особеннымъ восторгомъ и сопровождались долго неумолкавшимъ ура. Вслѣдъ за симъ А. Л. Потаповымъ предложено было нѣсколько тостовъ, замѣчательныхъ сопровождавшими оные краткими, но глубоко сочувственными задушевными словами, съ восторгомъ принятыми всѣмъ обществомъ. Предложивъ тостъ за благоденствіе дорогой всѣмъ намъ Россіи, Александръ Львовичъ между прочимъ сказалъ, что съ этимъ тостомъ нераздѣльно и имя М. Н. Муравьева, который своими доблестями, мудростью и энергіею умѣлъ слить насъ всѣхъ въ одну великую и славную русскую семью. Нѣкоторые изъ присутствующихъ, отъ имени всего общества, успѣли заявить благодарность Александру Львовичу, за краснорѣчивое выраженіе общихъ чувствъ. Александръ Львовичъ отвѣчалъ, что онъ не могъ не высказать чувствъ, его одушевляющихъ, и потомъ продолжалъ: „господа! мы пили за благоденствіе отечества и за здоровье доблестнаго сподвижника въ этомъ краѣ для пользы и славы Россіи, М. Н. Муравьева; но среди насъ два представителя двухъ знаменательныхъ въ исторіи нашей эпохъ, знаменитые сподвижники: кавказской—Иванъ Михайловичъ Лабинцовъ, и севастопольской—Александръ Петровичъ Хрущовъ! Господа! я предлагаю тостъ за ихъ здоровье!“ Вслѣдъ за симъ Александръ Львовичъ присовокунилъ: „мы должны выпить за здоровье еще одного кавказскаго сподвижника, здѣсь присутствующаго, храбраго генерала Бакланова!“

Кромѣ того пили еще за здоровье А. Л. Потапова и гостеприимныхъ хозяевъ. Разумется, что всѣ эти тосты радостно были приняты обществомъ и сопровождаемы громкими кликами ура!

Вообще на завтракъ у С. Ф. Панютина, это многочисленное собраніе изъ всѣхъ слоевъ вилнскаго общества представляло одну братскую, дружную семью.

Въ продолженіи ночи и въ теченіи перваго дня праздника отправлены были многочисленныя поздравительныя депеши къ г. главному начальнику края, на которыя его высокопревосходительство телеграфомъ отвѣтствовалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Искренно благодарю служащихъ, дворянство и купечество за

воздравленіе и благія пожеланія. Прошу васъ передать моему
шесть подравленіе.“

Еще о томъ же праздникѣ.

Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, какъ многія дру-
гія свѣтлыя минуты нашей жизни, едва мелькнулъ и уже ка-
нулъ въ вѣчность. Едва успѣли мы встрѣтить его съ краснымъ
яичкомъ — и нынѣ уже обращаемся къ нему какъ къ воспоми-
наніямъ минувшаго. Къ счастью, воспоминанія объ этихъ нѣ-
сколькихъ дняхъ остались самыя отрадныя. Первое мѣсто между
ними принадлежитъ одному доброму дѣлу, съ котораго мы
и начнемъ нашъ разговоръ.

Въ залѣ женской гимназіи, по распоряженію г. помощника
главнаго начальника края, А. Л. Потапова, былъ приготовленъ къ
Свѣтлому Воскресенью завтракъ для разговѣнья всѣмъ ученикамъ
народныхъ христіанскихъ школъ г. Вильны. Приглашенная уча-
щаяся молодежь, вмѣстѣ съ своими учителями, прибыла въ залъ
къ 11 час. утра. Затѣмъ, въ 12 час., прибыли туда же пресвящен-
ный Александръ, епископъ ковненскій, съ духовенствомъ, его пре-
восходительство А. Л. Потаповъ и начальникъ губерніи. Ученики
(вторыми, упомянемъ кстати, въ Недѣлю Вай, была прочта подъ
руководствомъ учителей вся обѣдня въ дворцовой церкви) встрѣ-
тили пресвященнаго пѣніемъ *Исполати Деспота*. Затѣмъ
они весьма стройно пропѣли еще: *Христось воскресъ и Ангелы
сопѣлиа*. Когда потомъ пресвященный Александръ благосло-
вилъ пасху и куличъ, А. Л. Потаповъ провозгласилъ тостъ за
здоровіе Го. удара Императора и всей Августѣйшей Фамиліи. Еди-
нодушное „ура“ было отбитомъ на эти слова и вслѣдъ за симъ
уменики исполнили народный гимнъ: „Боже, Царя храни!“ По-
томъ, были еще провозглашены тосты: за здоровье высокопреос-
вященнаго митрополита Іосифа, пресвящ. Александра; глав-
наго начальника края, М. Н. Муравьева — основателя народныхъ
училищъ въ Вильнѣ, генерала Потапова, начальника губерніи
и всѣхъ наставниковъ и учащихся. Каждый изъ этихъ тостовъ
былъ сопровождаемъ пѣніемъ „*Мнегда льта*“ и криками „ура!“

Послѣ отъѣзда лицъ, удостоившихъ своею по-
сѣщеніемъ, мальчики, собравшіеся въ числѣ слишкомъ 300 меле-
вѣкъ, приступили къ разговѣнію. При каждомъ словѣ нахо-

дился одинъ изъ учителей, который заботился окружавшую его семейку пасхою, куличемъ, яйцами, ветчиной и легкимъ пивомъ. Не смотря на то, что всѣ угощаемые—дѣти бѣднѣйшаго населенія Вильны, они разгавливались чинно безъ шума и толкотни.

Накушавшись досыта, что, конечно, не всегда и не всѣмъ изъ нихъ случалось даже въ великіе праздники, мальчики разошлись по домамъ и, конечно, унесли съ собою самое пріятное воспоминаніе, передавая по бѣднымъ жилищамъ своимъ рассказы о ласковомъ вниманіи, котораго они удостоились отъ всѣхъ лицъ, бывшихъ на этомъ первомъ въ ихъ жизни празднествѣ.

Прекрасная погода, стоявшая во все время Свѣтлаго праздника, способствовала какъ нельзя лучше его торжественности. Прозябаніе весны, нельзя сказать, шло и досель хотя медленно, но причинѣ холодныхъ ночей, но правильно, и главное, благополучно для слабыхъ озимыхъ посѣвовъ. Страдающіе водяною, отъ непрерывнаго прошлогодняго ненастья, посѣвы ржи и пшеницы куда какъ нуждались въ такомъ снисхожденіи весенняго времени,—и снисхожденіе это было имъ оказано. Въ теченіи двухъ-трехъ послѣднихъ недѣль дождь шелъ всего два или три раза, запаса снѣга не оказалось болѣе на лицо въ облачныхъ магазинахъ и земля начинаетъ уже крѣпнуть. Вообще, мы ни подъ какимъ предлогомъ не можемъ жаловаться на начало весны, хотя и нельзя не замѣтить, что, не смотря на видныя уже нами многія прелести ея младенчества, она къ Свѣтлому празднику нарядилась получше, разноразличилась, разыгралась на диво. Птички запѣли какъ-то словоохотливѣе и громче; и болѣе живучія растенія, въ эти дни, подъ открытымъ небомъ, украсили свои головки зеленью.

Праздникъ пасхи первый открылъ прекрасному полу нашего города благовидный предлогъ показаться громадно на улицахъ въ полномъ облаченіи изысканнаго наряда. Случилось такъ, что послѣдніе два дня еврейской пасхи, торжественно празднуемые послѣдователями Моисея закона, совпали съ нашимъ праздникомъ. Такимъ образомъ и еврейскій прекрасный полъ присоединился на прогулкахъ по городу и даже за городомъ къ лучшей (хотя и не всегда бываетъ такъ) половинѣ христіанскаго населенія. Какіе модные весенніе бурнусы, съ шитьемъ и безъ шитья, съ огромными кистями и совсѣмъ безъ кистей! Какія шляпки съ цѣлыми корзинами цвѣтовъ подъ бантомъ! Какъ подумаешь, сколько все это стоило глубокихъ размышленій, такъ

кихъ хлопотъ, а иногда и перепалокъ съ жестокосердыми мужьями и скупыми батюшками, — сердце такъ просто и замираетъ отъ удивленія. Скажите же по совѣсти, возможно ли было крапивѣ (которая, по крайней мѣрѣ на основаніи грамматики Востокова, принадлежитъ къ прекрасному полу) не попасть въ соблазнъ отъ такого зрѣлища? Она смотрѣла, смотрѣла изъ-подъ забора — и не выдержала голубушка: забыла о приморозкахъ и нарядилась въ зелененькое платьице. Въ деревенской глуши крапива, вѣроятно, еще и не подумала распуститься.

Но если всѣ улицы и ближайшія загородныя мѣстности были украшены натуральными и искусственными цвѣтами, то самое большое оживленіе видѣлось, конечно, на каедральной площади. Тамъ устроены три громадныя качели для взрослыхъ и, кромѣ того, еще одна для дѣтей, снабженная всѣми принадлежностями хорошей ѣзды: повозками, возжами, колокольчиками и деревянными лошадами. Ну и катая во всю ивановскую подъ тактъ военной музыки, расположенной тутъ же на площади. Открытіе качелей послѣдовало въ первый день праздника, и увеселенія продолжаютъ съ примѣрнымъ рвеніемъ по настоящую минуту. Сколько разъ мы ни заходили взглянуть на площадь, она всегда полна катающихся и зрителей.

Но и прогулки и качели, конечно, позволительны только днемъ, — а что прикажете дѣлать въ сумерки? Охотники до перемѣны развлеченій и любители непрерывныхъ развлеченій такъ и поглядывали на театральную площадь, да на углы улицъ, авось появится афинка. Она, въ самомъ дѣлѣ, появилась въ среду и въ вечеръ этого дня данъ былъ первый спектакль.

Описавъ радостные дни этого торжественнаго и умиительнаго для всего христіанства праздника, вспоминая, что было здѣсь въ эти дни не далѣе какъ два года тому назадъ, мы не можемъ, при видѣ всего совершающагося у насъ, не высказать живѣйшей благодарности виновнику этой возрожденной Вильны.

— За первымъ спектаклемъ въ театрѣ, пошло вчера второе, по уменьшеннымъ цѣнамъ, отличающееся еще тѣмъ, что въ немъ дебютировалъ г. Калугинъ. Сегодня играютъ давно невиданнаго, неподражаемаго *Ревизора*, въ бенефисъ первокласнаго комическаго артиста, г. Домбровскаго. Но объ этомъ до другаго раза. Сезонъ весеннихъ увеселеній начался хорошими предвѣщаніями: ну, и благія ему пожеланія! (Вил. Вѣст.)

Апрѣля 9 1865 г.

12*

Закрытие виленскаго монастыря Визитокъ.

5-го марта, въ шестомъ часу утра, почтовый поезде, отправлявшійся изъ Вильны къ прусской границѣ, повезъ съ собою, въ двухъ особенныхъ вагонахъ, здѣшнихъ монахинь визитокъ. Скажемъ нѣсколько словъ по этому интересному случаю.

Минувшее возстаніе доказало, что здѣшній простой народъ не принималъ никакого участія въ политической неурядицѣ, которая задумана польскими выходцами и приведена въ исполненіе латинскими ксендзами и польскимъ шляхетствомъ. Тысячи одиозныхъ дѣлъ обнаружила ясно, что р. к. монастыри играли самую гнусную роль въ минувшемъ возстаніи и были средоточіемъ и исходнымъ пунктомъ ереси, такъ сильно потрясшей здѣшній край; тѣ изъ сказанныхъ монастырей, которые приняли открытое участіе въ мятежъ, были упразднены по распоряженію правительства; но еще были такіе монастыри, въ здѣшнемъ краѣ, которые очень искусно вели свою подземную интригу и, по немѣннѣю законныхъ доказательствъ, остались неприкосновенными; къ числу послѣднихъ можно отнести въ Вильнѣ женскій монастырь Визитокъ, который, по строгой замкнутости своего ордена, былъ вполне недоступенъ свѣтскому контролю, а по фанатическому направленію инокинь весьма вредно вліялъ въ политическомъ отношеніи на здѣшній край, тѣмъ болѣе, что монахини, учредившія въ монастырѣ, безъ разрѣшенія правительства, нѣчто въ родѣ пансіона, занимались воспитаніемъ дочерей здѣшнихъ помѣщиковъ, прекращенномъ по распоряженію главнаго начальника края въ 1863 году, въ самомъ разгарѣ мятежа, и вселяли въ юныя сердца своихъ питомицъ ненависть ко всему русскому, чѣмъ сильно содѣйствовали тому ложному и превратному направленію, которымъ вообще отличаются здѣшнія женщины образованнаго сословія и, въ особенности тамъ воспитывавшіяся. Въ этотъ монастырь, основанный въ 1694 году пѣкою Дезельтъ, пожертвовавшею на этотъ предметъ 50 т. тынфовъ— поступали исключительно одні польскія магнатки. Патронами ордена Визитокъ, по примѣру монастырей Италіи и Франціи, считаются St. François de Sales и S-te Jeanne Françoise de Chantal, гробницы которыхъ до настоящаго времени находятся въ Аннеси, во Франціи, въ основанномъ ими тамъ монастырѣ ордена Визитокъ. Въ послѣднее время въ здѣшнемъ монастырѣ было: 32 монахини, 4 новиціатки и 8 сестеръ прислужницъ, хотя по штату полагалось только 16. Это обстоятельство указываетъ на

значительность денежных средств монахинь, такъ какъ сверхштатныя содержались на свой собственный счетъ. Между ихъ именами слышались фамилии: Чапской, Балнпской, Гедройць, Коссаковской, Любомирской и проч. Подобный составъ монастыря вызвалъ къ нему особое довѣріе здѣшнихъ высшаго круга польскихъ лицъ, дочери коихъ, при отъѣздѣ родителей за границу или сиротствѣ, обыкновенно отдавались къ визиткамъ на воспитаніе, отъ чего и образовался при монастырѣ, какъ сказано выше, родъ пансіона. Инокнии, не смотря на строгость обѣтовъ, полныя гордыхъ фамиліальныхъ преданій о древней Польшѣ, сохраняли по прежнему вражду свою ко всему русскому и вселяли такія же чувства въ умы юныхъ своихъ питомицъ, отдаваемыхъ имъ на воспитаніе и попеченіе, изъ коихъ многія, возвращаясь къ свѣтской жизни, выносили изъ монастырскихъ стѣнъ самыя непріязненныя чувства къ Россіи.

Не взирая на всѣ принятые мѣры, чтобы сказанный монастырь не приносилъ вреда своимъ направленіемъ, визитки постоянно были въ секретныхъ сношеніяхъ съ здѣшними жепщинами разныхъ сословій, которыя собирались ежедневно въ комнатахъ, предназначенныхъ для приѣма посѣтителей, веди съ монахинями секретныя переговоры, безусловно вѣрили имъ, какъ оракуламъ, и способствовали даже тайной перепиस्कѣ ихъ съ заграницею. Поводомъ къ послѣднему открытію послужило официальное письмо, отъ 12 (24) февраля, писанное по латынѣ епископомъ вадлянскимъ изъ Франціи, и адресованное на имя, высланнаго въ 1863 году въ Вятку, бывшаго вилецкаго епископа Красинскаго, въ которомъ онъ между прочимъ, упоминая о жалобахъ и опасеніяхъ монахинь визитокъ, что ихъ выгоять изъ монастыря и отправлять въ Сибирь, изъявляетъ желаніе принять ихъ въ подвѣдомственные ему монастыри того же ордена.

Это письмо нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о тѣхъ мѣрняхъ, которыя здѣшнія визитки разглашали во Франціи на счетъ нашего правительства, которое дало имъ пріютъ, содержаніе и во всемъ ихъ впаднѣ обезпечивало.

Независимо отъ сказаннаго выше, было еще обнаружено, что монахини веди секретную переписку съ настоятельницами монастырей визитокъ въ Аннеси и Реймсѣ, во Франціи, и получили приглашеніе отъ нихъ и отъ французскихъ епископовъ, кромѣ вадлянскаго, — отъ орлеанскаго Dupanloup, діонскаго, шамберійскаго и анесійскаго, которые предлагали имъ монастыри того же ордена въ своихъ епархіяхъ. Одновременно съ симъ полу-

чено свидѣніе о томъ, что находящійся въ Парижѣ папскій пун-
цій обратился къ нашему посланнику съ просьбою объ исходя-
тательствованіи отправленія монахинь во Францію, гдѣ настоятель-
ница визитокъ въ Реймсѣ изъявила желаніе принять ихъ. Вслѣд-
ствіе подобнаго ходатайства визитокъ, возбужденнаго секретною
ихъ перепискою съ заграницею, — имъ было объявлено распоря-
женіе г. главнаго начальника края, что желающія могутъ туда
отправиться безвозвратно; для приготовленія къ отъѣзду былъ
назначенъ имъ недѣльный срокъ; двѣ только монахини, по ста-
рости лѣтъ и слабости здоровья, пожелали возвратиться къ род-
нымъ, а одна, по умопомѣшательству, помѣщена въ больницу
умалишенныхъ. вмѣстѣ съ отправившимися за границу монахи-
нями, согласно обоюдному желанію, разрѣшено было выѣхать и
ихъ духовнику и служанкѣ; при чемъ предоставлено визиткамъ
взять съ собою, кромѣ громоздкой подвижности, всю движимую
ихъ собственность; и, независимо отъ бесплатныхъ издержекъ
до границы, выдано по 50 р. с. на каждую, для дальнѣйшаго
слѣдованія; при чемъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ теченіи не-
дѣли польскія дамы занимались разными приготовленіями къ от-
правленію визитокъ за границу, вліяніе которыхъ на здѣшнее
общество было такъ велико, что въ теченіи столь короткаго
срока пожертвовано было имъ до семи тысячъ рублей на нужные
расходы и первоначальное обзаведеніе въ будущемъ мѣстѣ ихъ
жительства. Отправленіе монахинь было возложено на визита-
тора здѣшнихъ монастырей, который, вмѣстѣ съ командирован-
нымъ нарочно офицеромъ, сопутствовалъ имъ до самой границы.

Намъ случилось быть свидѣтелемъ самаго отъѣзда визитокъ,
а потому постараемся передать наши личныя впечатлѣнія. Такъ
какъ заграничный поѣздъ отправляется обыкновенно въ шестомъ
часу утра, то въ назначенный день, 5 марта, въ 3 часа по по-
луночи, въ костелъ визитокъ была отслужена прелатомъ обѣдня
(тихая мша), при которой присутствовавшихъ, кромѣ прислуги,
почти никого не было. Костелъ, отличающійся особымъ изя-
ществомъ и легкостію конструкціи, былъ тускло освѣщенъ боль-
шими свѣчами, горѣвшими на престолѣ, гдѣ прелатъ совершалъ
таинство; обѣдня скоро отошла; начались сборы къ отъѣзду, во
время которыхъ, чрезъ сѣни нижняго этажа, мы прошли въ боль-
шую широкую галлерею, гдѣ были собраны инокнии. Основы-
ваясь на слухахъ и думая встрѣтить мрачныхъ, окутанныхъ въ
вуали тѣней, грозно смотрящихъ на насъ, мы не мало были
Адивлены, когда увидѣли всѣхъ монахинь безъ вуалей, стоящихъ

каждую при своих вещахъ. Съ нѣкоторыми прощались служанки; изъ которыхъ нѣкоторыя распоряжались при выноскѣ вещей. Инокнии были въ черныхъ пластьяхъ и капорахъ, съ небольшими бѣлыми пелеринками на шеѣ и чернымъ деревяннымъ крестомъ, съ бѣлымъ на немъ изображеніемъ Спасителя, лежащимъ поперекъ груди, отъ лѣваго плеча къ правому боку. Шубы ихъ и теплая одежда были скрыты этимъ одѣяніемъ. Между лицами монахинь встрѣчалось нѣсколько молодыхъ и красивыхъ лицъ, невольно возбуждавшихъ наше вниманіе. Въ разговорѣ ихъ слышались фразы на французскомъ языкѣ и многія на наши вопросы отвѣчали очень чисто по русски. Наконецъ, прелать пригласить инокнии съѣсть въ экипажи. На станціи желѣзной дороги, монахинь ожидали два, особо приготовленные для нихъ, вагона, въ которыхъ онѣ весьма свободно размѣстились. Но, вотъ; наконецъ раздался свистокъ и—поездъ медленно тронулся. Визитки отправилась на чужбину.

На слѣдующее утро, наши путешественницы перѣехали границу; въ Эйдкуменентъ, по случаю отъѣзда пассажирскаго поезда въ 11 часовъ вечера, путешественницы принуждены были остаться на границѣ полсутки. Оригинальный ихъ костюмъ возбуждалъ удивленіе серьезныхъ нѣмцовъ, которые приводили къ нимъ полныхъ любопытства своихъ женъ и дѣтей; были сдѣланы даже замѣчанія на счетъ распатія, не скрываются ли тамъ кинжалы. Между тѣмъ, въ 5 часовъ по полудни, монахини по уставу, должны были совершать молитву, — и когда онѣ начали молиться, публики набилось въ залу еще болѣе прежняго. Монахини составляли такимъ образомъ предметъ общаго любопытства.

Въ заключеніе нельзя не порадоваться, что онѣ наконецъ избавились отъ своего нравственнаго гнета и вліянія здѣшній край и безъ того столь долго страдавшій и переполненный разными политическими сектами и партіями. Тамъ, подъ теплымъ небомъ Франціи, ни кому не вредя, визитки будутъ въ состояніи лучше заняться своими прямыми релігіозными обязанностями. Душевно радуемся еще и тому, что у русской народности, которой суждено наконецъ воскреснуть въ здѣшнемъ краѣ, стало однимъ тайнымъ врагомъ менте.

Освященіе часовни въ г. Клеццелкѣ.

(Гроднен. губ.)

28 числа востановаго февраля мѣсяца, въ заштатномъ городѣ Клеццелкѣ совершено было освященіе часовни во имя Благочерпаго великаго князя Александра Невскаго, при стеченіи народа свыше шести тысячъ. Освященіе совершено было съ подобающимъ торжествомъ. По окончаніи молебствія жители угощали войска, бывшіе въ парадѣ, водкою и булками.

Въ сооруженіи часовни принималъ самое дѣятельное участіе являвшійся г. Клеццель, Антоній Беннфатъевъ *Глицкій* (рим.-кат. испов.), объявившій, что предки его были православные и только подъ угнетеніемъ панства, шляхты и козацковщины опц отступили отъ православія, но что онъ, вполнѣ сознавая свое русское происхожденіе и освободившись отъ гнета панства и козацковъ, въ этотъ торжественный для его роднаго города день возвращается въ лоно православной церкви, въ чемъ и представилъ уваженную ходящую мѣткою благочинному.

Предложеніе митрополита Іосифа въ литовскую д. консисторію.

Его высокопреосвященство Іосифъ, митрополитъ литовскій, далъ въ литовскую духовную консисторію, отъ 5-го февраля 1865 года, за № 342, слѣдующее предложеніе:

Нѣсколько уже разъ напоминаемо и внушаемо было духовенству литовской епархіи о печальномъ положеніи тѣхъ священническихъ семействъ, въ которыхъ священническія жены не могутъ дать дѣтямъ своимъ первоначальнаго русскаго православнаго воспитанія. Новые подобные случаи заставляютъ епархіальное начальство обратить на это и теперь вниманіе.

Благодареніе Господу, образованіе священническихъ дочерей въ вилевскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія принялось вполнѣ удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, и въ послѣдствіи изъ нихъ выйдутъ достойныя и своему званію соответственныя священническія жены и матери. Но и до того времени слѣдуетъ озаботиться, чтобы поступающіе во священство не соединялись бракомъ съ дѣвницами, чуждыми русскому православному образованію.

«Посему предлагаю консисторіи: 1) при рѣшеніи на будущее время о допущеніи къ рукоположенію кандидатовъ во священство и діаконство, имѣть въ виду письменное свидѣтельство благочиннаго и двухъ надежныхъ мѣстныхъ священниковъ о знаніи женою того кандидата: читать исправно по-славянски и по-русски, говорить и писать по-русски, а также знать важнѣйшія церковныя православныя молитвы и катехизисъ; 2) предписать благочиннымъ не допускать брана означенныхъ кандидатовъ во священство и діаконство, прежде удостовѣренія о знаніи невѣстами ихъ упоминаемыхъ выше предметовъ и выдачи ими о такомъ знаніи письменнаго свидѣтельства; 3) въ случаѣ сомнѣнія въ вѣрности такого свидѣтельства, повѣрять оное посредствомъ другихъ благонадежныхъ духовныхъ, и если окажется, что жены кандидатовъ во священство не знаютъ означенныхъ предметовъ, то не допускать сихъ кандидатовъ къ рукоположенію; 4) внушить всему духовенству, чтобъ оно заботилось по возможности о помѣщеніи дочерей своихъ въ виленское училище дѣвицъ духовнаго званія, дабы епархіальное начальство могло въ послѣдствіи не прибѣгать уже къ подобнымъ выщепрописанной мѣрамъ и быть безъ нихъ увѣреннымъ въ надежности на будущее время священническихъ жёнъ и дочерей всей литовской православной паствы. Разумѣется воспитанницы упомянутого дѣвичьяго училища въ означенныхъ выше свидѣтельствахъ не будутъ нуждаться.»

(Л. Е. В.).

Поимка предводителя мятежнической шайки, ксендза Бржоско.

Въ Русс. Инв. пишутъ изъ Варшавы: Послѣдній начальникъ вооруженнаго польскаго возстанія, ксендзъ Станиславъ Бржоско, такъ долго укрывавшійся въ люблинской губерніи, пойманъ, вмѣстѣ съ главнымъ помощникомъ своимъ, Францомъ Вильчинскимъ, и въ ночь съ 18-го на 19-е число оба доставлены въ тюремный замокъ въ Варшаву.

Долгое сопротивленіе банды Бржоско и его искусное укрывательство такъ интересны, что вы, вѣроятно, не посѣтуете на меня за то, что я съ вами подѣлюсь всѣмъ, что мнѣ известно объ этой личности.

Наружность Бржоско не особенно замѣчательна, онъ высокаго роста, черты загорѣлаго лица мѣлки и освѣщены темно-кариими блестящими глазами, и русые длинныя, падающіе космами, по

сторонамъ лица, волосы — сбитые свади отъ колтуна въ бубль, придаютъ какой-то особый отпечатокъ его физиономіи, такъ, что не имѣя рѣзкихъ чертъ, Бржоско производитъ непріятное впечатлѣніе, которому много содѣйствуетъ оборванный и какой-то отчаянный видъ этого послѣдняго польскаго партизана.

Бржоско 33-й годъ отъ роду, отъ дворянина, родился гдѣ-то въ бѣльскомъ уѣздѣ, первоначальное воспитаніе получилъ въ одной изъ уѣздныхъ школъ и 17-ти лѣтъ поступилъ въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ; здѣсь пробылъ два съ половиною года, но по какому-то капризному настроенію, оставилъ университетъ и опредѣлился въ духовную семинарію въ Яновѣ. По истеченіи 5-ти лѣтъ, въ 1857 году, былъ посвященъ въ ксендза и назначенъ викаріемъ первоначально въ м. Соколово, люблинской губерніи въ сѣдлецкій уѣздъ, а въ 1860 году переведенъ оттуда викаріемъ-же въ г. Луковъ.

Священническій санъ и обязанности нисколько не умѣрили пылкой натуры Бржоско, и только привили къ ней столь свойственный польскому духовенству фанатизмъ, который при первомъ же случаѣ высказался вполне.

Осенью 1862 года „центральный комитетъ“ разослалъ своихъ агентовъ для составленія между духовенствомъ особой революціонной организаціи; агентъ, пріѣхавъ изъ Варшавы, собралъ въ м. Радзыминѣ сосѣднихъ ксендзовъ, прочелъ имъ данный ему комитетомъ манифестъ, въ которомъ большія надежды полагались на духовенство. Нѣтъ надобности говорить, что предложенія комитета были приняты, и едва вспыхнуло вооруженное возстаніе, какъ ксендзъ Бржоско, въ одной рукѣ съ крестомъ, а въ другой съ кинжаломъ, явился въ рядахъ банды Левандовскаго; затѣмъ, по уничтоженіи ея, Бржоско былъ дѣятельнымъ сподвижникомъ начальника банды Крысинскаго и командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ кавалеріи. Рана въ ногу на время заставила этого доводцу-ксендза отказаться отъ боевой жизни, но едва онъ поправился, какъ снова сѣлъ на лошадь, и, сформировавъ изъ остатковъ банды Крысинскаго отрядъ, онъ опять является отчаяннымъ партизаномъ.

Летучая банда Бржоско, первоначально доходившая до 200 человекъ и постоянно все сокращавшаяся, такъ что въ концѣ прошлаго года состояла всего изъ 9-ти чел., — быстро начала переходить съ мѣста на мѣсто, разсыпалась по лѣсамъ при приближеніи нашихъ отрядовъ, и удачно, при помощи жителей, укры-

вазась, по преимуществу, въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живетъ мелкая шляхта.

Вліяніе Бржоско на жителей, поддерживаемое короткой расправой, было такъ сильно, что никакія указанія не могли подействовать къ открытію мѣста его пребыванія.

Напрасно полковникъ Занкисовъ съ храбрыми линейцами гонялся за бандой Бржоско: схватятъ двухъ-трехъ его подчиненныхъ, а между тѣмъ самъ начальникъ постоянно ускользалъ изъ рукъ. Наконецъ, около 15-го числа, получивъ вѣрное свѣдѣніе о мѣстѣ укрывательства Бржоско, жандармскій начальникъ изъ г. Минска, варшавской губерніи, и военна-уѣздный начальникъ станиславскаго уѣзда, взявъ 10 казаковъ и вахмистра жандармовъ, направились въ сѣдлецкій уѣздъ, въ люблинскую губернію, въ д. Сыпитки, лежащую въ 4-хъ верстахъ отъ м. Соколова, гдѣ у солтыса, Ксаверія Бѣлинскаго, уже съ февраля скрывался этотъ разбойникъ, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, Францемъ Вильчинскимъ. Последний — сынъ кузееца, молодой человекъ, лѣтъ 20-ти, недурень собою, съ довольно мягкими и пріятными чертами лица. Съ самаго начала бѣгства Бржоско—Вильчинскій сопровождалъ его во всѣхъ походахъ.

У солтыса въ чуланѣ была устроена перегородка, отштукатуренная, совершенно подобно стѣнѣ, за которой почти два мѣсяца прожили названные злодѣи, выходя оттуда только ночью. Малое отверстіе внизу стѣны, заставляемое сундукомъ, было совершенно непримѣтно, и если бы не внимательность дѣлавшихъ обыскъ, то и на этотъ разъ Бржоско могъ бы ускользнуть отъ рукъ правосудія. Звукъ отъ ударовъ въ стѣну обнаружилъ пустоту: Бржоско съ Вильчинскимъ выскочили изъ чулана, сдѣлали по стоящимъ въ дверяхъ солдатамъ два выстрѣла и, увидя, что тѣ подались, бросились, отстрѣливаясь, на дворъ и затѣмъ побѣжали къ лѣсу; но неотстававшій вахмистръ и казаки схватили преступниковъ, а казацкій офицеръ, во время погони, выстрѣломъ изъ пистолета, равнялъ въ руку Бржоско; такимъ образомъ 17-го числа были пойманы послѣдніе остатки бывшихъ вооруженныхъ бандъ.

Мнѣ случилось видѣть одинъ изъ рапортовъ Бржоско въ „жанду народовому,“ гдѣ онъ, съ боку означая отъ кого этотъ рапортъ, называетъ себя — главнымъ кашелажомъ и генераломъ народныхъ войскъ.

Соединеніе этихъ властей было очень пригодно злодѣю, по-

тому что онъ, по званію начальника бацалъ, наделалъ смертные приговоры, а по званію кеендза - предварительно исповѣдывалъ свои жертвы; такъ, извѣстно, что по приказанію Бржоеко, осенью прошлаго года, повѣшены сѣдой старикъ и старуха, по недозрѣнію въ шпионствѣ, причемъ напутственную молитву читалъ самъ ексъ-генералъ кеендзъ Бржоеко.

Л. О.

Полиція эмиссаровъ въ Варшавѣ.

Варшав. Дневникъ перепечатываетъ изъ *Patriotische Z.* слѣдующее письмо изъ Варшавы: «Извѣстіе о пріездѣ и арестованіи эмиссаровъ въ нашемъ городѣ оправдывается. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, дѣло было такъ: Въ теченіе отъ 8-ми до 14-ти дней прибыло въ Варшаву, по крайней мѣрѣ, до 12-ти эмиссаровъ, подъ чужими именами и съ французскими или англійскими паспортами. Эмиссары эти остановились частію въ гостиницахъ, частію въ частныхъ домахъ. Трое главныхъ изъ этого общества остановились въ англійской гостиницѣ. Они были посланы отъ вновь образовавшагося представительнаго комитета, во главѣ котораго находятся Боссакъ и Гутри. Цѣль этихъ эмигрантовъ была взволновать народъ во время предстоящаго реврутскаго набора и сдѣлать покушеніе на жизнь главныхъ представителей здѣшнихъ властей. Полиція слѣдила нѣсколько дней за этими тремя лицами и, собравши всѣ нужныя доказательства объ ихъ преступныхъ замыслахъ, арестовала ихъ. Одинъ изъ нихъ арестованъ на химической фабрицѣ г. Краузе, гдѣ онъ познакомился съ нѣкоторыми рабочими и уже сдѣлалъ завязы, второй—въ булочной Гранта, а третій—въ одной мелочной лавкѣ, на Флекторальной улицѣ. Арестованныя лица суть: два брата Улатовскихъ и недоучившійся студентъ медицинскаго факультета Завиславъ Ячневскій—всѣ трое принимали участіе въ возстаніи. Младшій Улатовскій и Ячневскій приняли ядъ, когда ихъ арестовали. Но ядъ этотъ, который они достойно носили при себѣ, не подействовалъ, потому что имъ тотчасъ дали противоядіе. Жизнь обоихъ спасена и они поправляются. Объ Ячневскомъ извѣстно только-то, что онъ сынъ шляхцкаго адвоката и во время возстанія былъ агентомъ для закупки оружія. Одъ приездѣ на себя завязы оружія въ Литтхѣ и сдѣлалъ за транспортъ оружія въ Силезію до польской границы. Поляки обвиняютъ его въ томъ, что онъ въ Дрезденѣ промѣнялъ съ своими товарищами

80,000 руб., данные ему отъ народоваго жюнда на покупку оружія. Такъ какъ онъ не могъ оправдаться въ этомъ, то хотѣлъ возстановить свою репутацію у поляковъ тѣмъ, что припаялъ на себя исполненіе новаго преступнаго замысла. Въмѣстѣ съ этими тремя эмиссарами были арестованы еще 50 лицъ, въ числѣ которыхъ находятся 30 рабочихъ съ фабрики Краузе и нѣсколько женщинъ. Многіе изъ этихъ арестованныхъ уже освобождены. Генераль-полиціймейстера Трепова, который уже былъ на дорогѣ въ С.-Петербургъ, извѣстили по телеграфу о поимкѣ этихъ трехъ эмиссаровъ. Полиція припала нужныя мѣры для отысканія остальныхъ 9-ти или 10-ти эмиссаровъ; говорятъ, что они отиравились въ провинціи.»

Изъ Витебска.

Учрежденіе бібліотеки въ городѣ Витебскѣ принадлежитъ семинаріи, или собственно ей воспитанникамъ; по русскій человекъ, съ жаромъ взявшійся за какое нибудь полезное дѣло, скоро охладѣваетъ къ нему; тоже самое произошло и съ воспитанниками: сначала они много собирали денегъ для покупки книгъ; теперь же денегъ вовсе не даютъ, постороннихъ средствъ не имѣется и бібліотека живетъ безъ всякаго новаго приобрѣтенія. Впрочемъ, недавно изъ Москвы прислано для этой бібліотеки два ящика книгъ, кажется до 200 экземпляровъ; но это—все старыя изданія, а новыхъ изданій, особенно журналовъ, не имѣется и не выписывается,—денегъ нѣтъ.

Другая частная бібліотека заводится въ витебскомъ духовномъ училищѣ; она получила свое существованіе независимо ни отъ какихъ постороннихъ средствъ. Въ январѣ прошлаго года пріѣхалъ сюда молодой смотритель и сталъ собирать съ учениковъ деньги на бібліотеку; на первый разъ, собрано рублей 30; потомъ онъ каждую треть собиралъ по 10 коп. съ ученика; такимъ образомъ въ годъ собрано рублей 60; всѣ эти деньги отосланы въ Петербургъ на покупку книгъ; теперь бібліотека имѣетъ не болѣе 70 экземпляровъ; ученики съ жаромъ взялись за чтеніе; всѣ книги оказались по вкусу. Къ сожалѣнію, бібліотека не имѣетъ достаточной поддержки и подвигается впередъ очень туго, а за помощію въ самомъ Витебскѣ обратиться некуда, да и не было бы успѣха; къ этимъ вещамъ равнодушно относятся. Желаніе, однакожъ, успѣха этой бібліотекѣ.

Недавно явилась въ свѣтъ и общественная библіотека и нѣсколько членовъ витебскаго общества, говорится въ уставѣ этой библіотеки, сложились по 10 рублей для выписыванія книгъ; 4-го декабря прошлаго года часть выписанныхъ книгъ получена и поступаетъ въ общее пользованіе.

Насъ не мало удивляетъ, что книги большею частію belle-trіческого содержанія, но строго научнаго содержанія почти нѣтъ—потомъ, книгъ на иностранныхъ языкахъ выписано больше, нежели на русскомъ; а вѣдь въ Витебскѣ нѣмцевъ очень мало, а французовъ вовсе нѣтъ.

Основаніе библіотекъ положено хорошее. Можно надѣяться, если складчики не сдѣлаются вдругъ скучными, какъ это часто бываетъ на Руси, то библіотека въ нѣсколько лѣтъ достигнетъ большихъ размѣровъ. Жаль только, что неучастники съ трудомъ могутъ достать здѣсь книжку; они должны имѣть поручителя; поручителемъ можетъ быть только участникъ. Такое поручительство для многихъ недоступно. При томъ чувствуется, что эта библіотека основана только для высшаго аристократическаго круга; складчики изъ этого круга, а средній кругъ, котораго здѣсь большинство, не можетъ имѣть доступа къ ней. Кто же рѣшится пойти къ аристократу и попросить у него поручительства; разумѣется, никто, въ полной надеждѣ, что ему откажутъ. Гораздо лучше было бы устроить библіотеку по образцу петербургскихъ библіотекъ, т. е. найти для ней большое помѣщеніе, завести мебель для читателей и объявить, что желающіе могутъ приходить туда и читать отъ такого до такого часа, съ платою по 5 коп. за входъ. Тогда бы не было затрудненій для лицъ средняго круга пользоваться книгами, тогда бы и денегъ больше собиралось; можно надѣяться, что ежедневно будетъ приходить до 40—50 читателей, а складчики—вѣдь ихъ немного—могутъ брать влиги и на домъ; а то теперь и не знаешь, какъ добраться до библіотеки. Вотъ фактъ: одному изъ средняго круга хотѣлось познакомиться съ исторіею цивилизаціи Бокля; онъ обращается ко мнѣ съ просьбою достать ее изъ библіотеки; но я самъ не имѣю поручителя и слѣдовательно не имѣю доступа къ ней; такъ мы съ нимъ жаждемъ чтенія этой живой воды и не имѣемъ чедовѣка, который бы утолилъ нашу жажду.

Какъ бы то ни было, а все сказанное свидѣтельствуетъ, что Витебскъ идетъ впередъ, прогрессируется. Что нужно, что многое не такъ дѣлается. Хорошо, что хоть что нибудь дѣлается, а въ послѣдствіи все не хорошее можетъ быть исправлено. Вир-

чемъ прогрессомъ Витебска нельзя слишкомъ увлекаться. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ развитія оны не только не идетъ впередъ, но напротивъ, идетъ назадъ. Идетъ назадъ его литературная сторона. Витебская литература, можно сказать, въ младенческомъ состояніи; она, какъ младенецъ, не обладаетъ полнымъ знаніемъ мѣстной жизни, и потому часто и очень лжетъ. Главный органъ витебской литературы—«Витебскія Губернскія Вѣдомости.» Часть официальная у нихъ объемистѣе, а неофициальная—и мала и плоха. Удивляться тутъ нечему: способность писать не очень развита у жителей Витебска. Если неофициальный отдѣлъ и коснется иногда мѣстной жизни, станетъ описывать народный бытъ, состояніе торговли, фабрикъ, разныхъ мѣстныхъ промысловъ; то поищите истины. Случайно мнѣ попался одинъ нумеръ «Губернскихъ Вѣдомостей» за прошлый годъ; тамъ перечислены были фабрики, находящіяся въ витебской губерніи, насчитано ихъ столько, сколько никогда не бывало, однихъ кожевенныхъ фабрикъ насчитано болѣе 3-хъ десятковъ, тогда какъ ихъ нѣтъ ни одной. Дале въ томъ, что фабриками названы тамъ мѣста, куда евреи складываютъ шкуры, скуная ихъ въ большомъ количествѣ для отправки ихъ въ какой нибудь кожевенный заводъ.

Другой литературный органъ г. Витебска выходитъ только разъ въ годъ. Это «Памятная книжка статистическаго комитета». Скоро должна выйти «Памятная книжка» на 1864 годъ. Мы, какъ видите, живемъ цѣлымъ годомъ позади васъ.

17-го марта, 1865 года.

Корреспондентъ.

О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи.

Въ изустномъ преданіи народа, въ минской губерніи, сохранилось много легендъ и пѣсень, относящихся къ варварскимъ временамъ введенія уніи. Нѣтъ городка, мѣстечка, прихода, гдѣ бы православные не испытали гонимія римско-католическаго духовенства и вмѣстѣ не выказали геройскаго противудѣйствія противъ насилія ксендзовъ. Нештоводства язычниковъ въ первые вѣка христіанства, меркнутъ передъ изобрѣтеніями іезуитовъ. Ихъ безчестный девизъ: «цѣль оправдываетъ средства», разрѣшалъ имъ все, что только могъ придумать умъ изверга, съ одной стороны лукаваго, вѣроломнаго, а съ другой насильственнаго и звѣрски свирѣпаго. Русский народъ былъ преданъ са-

нимъ королемъ Сигизмундомъ III на прощаль въ своекорыстныхъ всеяданъ и неукротимой пылкой пылкости. Прочкая въ про-
шедшее, и еще не такъ давно минувшее, изумляемся какъ могли
еще удивить въ этомъ край православия и русская народности,
но, выходятъ, такъ ужъ прочно сотворилъ русский человекъ,
что куда его ни кинь, какъ не переворочивай, во что не наря-
жай, а если до чего придется, такъ онъ и заявитъ себя рус-
скимъ. Последнія событія служатъ тому неоспоримымъ дока-
зательствомъ.

Разъезжая по захолустьямъ минской губерніи я собралъ
изъ народныхъ усть нѣсколько пѣсень, которыя сильно выра-
жаютъ горе и страданія русскаго народа въ эпоху введенія
уніи.

Ниже приводима пѣсня, записанная въ Несвижѣ, жителямъ
котораго чтять св. Георгія и считаютъ его своимъ патрономъ.
Слѣды развалинъ храма во имя этого святаго и теперь еще за-
мѣтны на огородѣ еврейскаго дома, противъ нынѣ упраздненнаго
Бернардинскаго монастыря. По всему вѣроятію пѣсня эта сло-
жилась въ XVI столѣтіи, когда, по совѣту кардинала Гезіуса,
Криштозь Радзивилъ, въ 1584 году, водворилъ въ Несвижѣ іе-
зуитовъ. Вотъ эта пѣсня, въ такомъ видѣ, какъ поютъ ее въ
несвижской окрестности.

I.

Былъ на Руси черный богъ,
Предъ нимъ стоялъ Туровъ рогъ:
Юнъ на Кіевъ поглядавъ,
Гомонъ вѣдьмамъ подававъ;
А Владиміръ нашъ святой
Черна бога сколотивъ,
А мученица Варвара
Устъ вѣдьмы разогнала,
Вѣдьмы, что у ночну пору
Сметались на Лыгу гору.
Святой Юрій прискакавъ,
И въ Несвижѣ церковей ставъ.
Ажъ отъ Ксенця Радзивила
Понайшла ячиста сила,
Русску вѣру потлумала:
Батьки во церкви не служили
А всадны вѣну вѣсили;

Не было къ жемъ а ни слова,
 Ни изъ Слуцка ни съ Турова,
 Не было а ни словечка,
 Юрій ставъ блудна овечка.
 Мы предъ Юріємъ заклечемъ
 Помолимся и заплачемъ—
 Щобъ его святая сила,
 Поконала Радзивила.

Вторая пѣсня на малорусскомъ языкѣ, записанная въ г. Пинскѣ, относится къ эпохѣ козацкихъ войнъ 1648 года, когда поляки вырѣзали и потопили въ р. Пинѣ 14,000 пинскихъ жителей, которыхъ козацкій полковникъ Небаба не успѣлъ спасти. (Архивъ слуцкаго мон. Архивъ М. архим. дома).

II.

Изъ за Слуцка изъ за Клецка,
 Іде Юрба молодецька,
 Отъ княжати изъ підъ Миньска,
 Воевати міста Пинська.
 Міста Пинська воевати,
 Одъ ляховъ обороняти.
 Хотъ прийшли, недали ради:
 Погинули усі одъ зради.
 А я пійду въ мість великий
 До Турова, до владки,
 Щобъ молебень одслухити,
 Тай вояюсь за грѣхи,
 Десь и нічъ буду молити,
 Щобъ згнули ляхи.

Третью пѣсню, записанную въ Мозырѣ, можно отнести къ первой половинѣ XVI столѣтія, когда уніатскій митрополитъ Іпатій Поцѣй, для большаго успѣха распространенія уніи, избралъ базисомъ своихъ дѣйствій Новогрудокъ и Ляховичи. 1).

1) Мѣстечко мозырскаго уѣзда.

III. 25.

Ой колибъ коли
 Москали пришли,
 Москали пришли —
 Наши сродныя,
 Наши сродныя.
 Вѣры одныя!
 Добре... намъ было
 Счастно намъ было:
 Коли Русь уся,
 Тримавчися,
 Одной енлою
 За одно была.
 Къ намъ за грѣхи
 Понавшли ляхи,
 Заняли нашъ край
 Ажъ до Лиховичъ.
 Ой ляхибъ не пришли,
 Щобъ пани не навели,
 Ой пани щобъ вы пропали,
 Що ляхамъ насъ запродали;
 Ой пани щобъ вы згинули
 Що свою вѣру покинули.

Въ настоящее время сѣверозападный край вступаетъ въ новую эру. Православные храмы повсюду создаются и возобновляются, духовенство энергически исполняетъ свой долгъ, по всѣмъ приходамъ устроены народныя школы, отъ которыхъ мы ожидаемъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ для русской народности. Грамотные мужички вылавятъ намъ все, что еще живеть въ ихъ средѣ, и уничтожатъ, что привилось къ народу латынско польскаго.

А. С.

2) Бѣлорусское нарѣчiе мозырскаго уѣзда очень подходитъ къ малорусскому.

„Московскія вѣдомости“ о русскомъ элементѣ въ люблинской и августовской губерніяхъ.

Наши утраты, наши уступки по польскому вопросу могутъ обратиться въ пользу государствъ соседнихъ, а отнюдь не въ пользу несбыточнаго государства польскаго, которое можетъ возникнуть только для того, чтобы сейчасъ же рушиться.

Теперь приподнята завѣса съ внутренней исторіи польской *справы* за последнее время; появилось нѣсколько брошюръ, писанныхъ людьми, принимавшими въ этой *справѣ* дѣятельное участіе. И что же мы видимъ? Такой безобразной анархіи, такой бессмысленной взаимной ненависти между главными руководителями дѣла, такой наглости и грязи не было доселѣ нрмнра даже въ исторіи польскихъ смутъ и возстаній. Все вахло и срадно: нѣтъ освѣжительнаго вліянія дѣйствительной народной жизни, нѣтъ истиннаго народнаго чувства, идущаго изъ глубины. Есть наганный болѣзненный патріотизмъ, раздражающій и сводящій съ ума, но бессильный послужить живою связью даже для тѣхъ, кто жертвуетъ ему всеми жизненными интересами.

Разгадка этого внутренняго безсилія польскаго дѣла заключается въ томъ, что оно не есть народное дѣло. Польская шляхта не могла сохранить свое государство, потому что потеряла свой народъ, потому что у ея государства не осталось живыхъ корней, потому что народная жизнь не питала этого государства, ставшаго паразитомъ.

Польскія претензіи на западно-русскій край обличены событіями. Несмотря на могущество интриги, русское общество повидимому вполне убѣдилось въ несостоятельности этихъ претензій, и если мы будемъ уступать имъ, то уже не можемъ по крайней мѣрѣ ссылаться на убѣжденіе въ ихъ правотѣ. Но пожитія о польской народности Царства Польскаго далеко еще не такъ разъяснились. Тѣмъ важнѣе изслѣдованія, которыя, съ помощью фактовъ, изобличаютъ мнимыя права польской національности на самую землю Царства Польскаго. Мы намѣрены указать сегодня на разысканія полковника Риттиха, уже извѣстнаго своимъ участіемъ въ составленіи весьма любопытнаго и чрезвычайно важнаго этнографическаго атласа Западнаго края. Передъ нами теперь только что появившійся въ свѣтъ его атласъ Люблинской и Августовской губерній, край смежнаго съ

привязанно уже русским землям и потому необходимо признано для Россіи.

Люблинская и Августовская губернія составляют весьма неправильную продолговатую фигуру, или, лучше, это два полюса земли, которая едва между собою соприкасается въ одной точкѣ, подобно материкамъ северной и южной Америки, связаннымъ тонкою нитью Панамскаго перешейка. Разобщенными географически, означенныя двѣ губерніи не много живутъ и другія точки соприкосновения: одна изъ нихъ упирается въ отроги Карпатовъ, другая спускается почти къ самому Балтійскому морю; въ первой преобладаетъ одна племенная масса, во второй другая; Августовская губернія прирвана къ Польшѣ отъ Литвы, Люблинская отъ Руси.

Изъ ряда цифръ приложенныхъ къ атласу, мы видимъ, что въ люблинской губерніи числится 457,000 душъ русскаго племени, почти исключительно малороссовъ, 403,687 поляковъ (считая въ томъ числѣ и тѣхъ, которые по происхожденію русскіе, но давно уже усвоили себѣ польскій языкъ и принявъ католичество). Итакъ, по исчисленію г. Риттиха, мало отличающагося отъ цифръ, приводимыхъ другими исследователями русскихъ оказывается въ Люблинской губерніи болѣе нежели поляковъ. Этотъ выводъ могъ бы показаться подозрительнымъ, еслибъ исторія не явилась въ настоящемъ случаѣ на помощь этнографіи. Она указываетъ, что государство Владиміра Святаго простиралось далеко къ западу, за рубежъ нынѣшней Русской имперіи; фактъ этотъ, ускользнувшій отъ вниманія политиковъ, не былъ пропущенъ учеными, и г. Риттихъ, съ тактомъ, которому нельзя не отдать справедливости, приводя различныя свидѣтельства объ этомъ предметѣ, ссылается преимущественно на заграничныхъ, и особенно на польскихъ ученыхъ. По изслѣдованіямъ географа XVII вѣка Старовольскаго, границею владѣній великаго князя Владиміра была рѣка Вепрь, раздѣляющая южную часть Люблинской губерніи пополамъ отъ юга къ северу; по мнѣнію ученаго Мацвѣйскаго, эта граница углублялась еще болѣе къ западу и съ Вепря переходила на рѣку Сань, составляющую часть границы Царства Польскаго съ Галиціей.

Далѣе на северъ, въ такъ-называемомъ Подлесьи, съ историческими временъ были русскія селенія, начало которыхъ г. Стадницкій относитъ въ норманскому періоду русской исто-

ди. Известный историографъ Червонной Руси, Зубрицкий, разбирая вопросъ о первоначальной границѣ Русской земли, находитъ, что она съ западной стороны проходила еще далѣе чѣмъ ее определяли Мацѣвскій, Стадницкій и Старовольскій, а именно по Вислѣ. Каковы бы ни были впрочемъ теченія границы ея въ глубокой древности, известно, что Казимиръ Великій (въ XIV вѣкѣ) овладѣлъ Червонною Русью, то-есть восточною Галиціей и Люблинскою губерніей, которыя съ того времени остались оторванными отъ Россіи, но не утратили народнаго русскаго типа. Нѣкоторые изъ лицъ, посѣдившихъ восточную часть Люблинской губерніи въ последнее время, называютъ ее Забужскою Русью, и всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что просто-народье въ ней вполне сохранило русскую рѣчь (малороссійскою нарѣчіе) и старинный домашній бытъ. Эти особенности люблинскаго населенія, въ ближайшее къ намъ время не обращавшія на себя вниманія политиковъ, такъ очевидны однакожъ, что подали поводъ нѣкогда сказать Хмельницкому: „Знай, Ляте, — по Санѣ наше!“

Но всѣмъ этимъ причинамъ, на картѣ г. Риттиха вся страна къ востоку отъ Венры, и далѣе къ сѣверу, почти все Подлясье имѣетъ сильно преобладающій *зеленый цвѣтъ*, принятый для обозначенія русскаго племени, такъ что страна эта мало отличается отъ смежныхъ частей Вольнской и Гродненской губерній въ этнографическомъ отношеніи; за то она отличается отъ нихъ въ отношеніи религіозномъ, потому что половина люблинскихъ русскихъ — униаты, а другая, и даже большая половина — католики.

Подобно тому какъ во время *братскаго соединенія* третья народомъ часть Русской земли была прирѣзана къ Польшѣ на юго-востокъ, также на сѣверо-востокъ, хотя и неравнѣсно позже, къ Польшѣ прирѣзана часть земли Литовской. Въ Августовской губерніи считается 256,708 душъ жудиновъ и чистыхъ литовцевъ и 202,627 поляковъ, вмѣстѣ съ мазурами и журпинцами (племенами нѣсколько отличными отъ польскаго.) Что касается до русскихъ, то ихъ всего въ Августовской губерніи съ небольшимъ 30 тысячъ человекъ, изъ коихъ сличковъ 15 т. католиковъ, 8,751 униатовъ и около 5½ т. православныхъ и старообрядцевъ. Не смотря на малочисленность русскаго племени, оно занимаетъ здѣсь очень важное географическое положеніе, а именно: оно врѣзывается въ томъ мѣстѣ, гдѣ Авгу-

стойская губернія имѣеть не болѣе 50 или 60 верстъ ширинѣ и занимая въ окрестностяхъ Августова весь поперечникъ перешейка, отдѣляющаго Гродненскую губернію отъ прусской границы, совершенно разъединяетъ литовцевъ, находящихся отсюда къ сѣверу, съ поляками (мазурами и курпиками), населяющими южную часть губерніи. Выгода такого положенія очевидна. Желательно, чтобы литовское племя отдѣлялось отъ польскаго русскими народонаселеніями, желательно, слѣдовательно, чтобы Августовъ, Райгородъ и другія мѣстечки въ этой мѣстности получили русскій характеръ; желательно также, чтобы группа августовскихъ бѣлоруссовъ плотнѣе примкнула къ группѣ великоруссовъ, находящейся вблизи ея, по границѣ Августовскаго и Сейнскаго уѣздовъ, и чтобы обѣ эти группы образовали сплошную массу русскаго элемента.

Таковъ этнографическій очеркъ восточной части Царства Польскаго. Сѣверная часть Августовской губерніи сплошь занята литовскимъ, средняя русскимъ племенемъ, которое отдѣляетъ его отъ польскаго, и густо, если не сплошь, занимаетъ восточную половину Люблинской губерніи, выдвигаясь въ южной ся части до Сана. Замѣтимъ, что всѣ эти русскіе—не переселенцы, не случаенъ или прихотью зброшенные сюда колонисты, но коренные обитатели, туземцы, составляющіе непосредственное продолженіе населенія Гродненской и Вольинской губерній и Восточной Галиціи.

Итакъ, въ двухъ смежныхъ съ имперіей губерніяхъ Царства Польскаго большинство народонаселенія оказывается не польскимъ, а принадлежащимъ къ одному изъ двухъ племенъ туземныхъ въ западныхъ губерніяхъ; на западной окраинѣ Царства живутъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ и преобладаютъ жѣмцы, которыхъ около 282,000 душъ,—много ли затѣмъ остается чисто польскаго племени и чисто польской земли? Справедливо ли, въ этнографическомъ отношеніи, присвоивать названіе *Польскаго* Царства странѣ, немаловажная часть которой есть очевидное продолженіе русскаго западнаго края, а остальная часть такъ незначительна, что явно не соответствуетъ пышному титулу царства?...

Гдѣ же основанія для польскихъ претензій, не удовлетворяющихся даже этимъ пышнымъ титуломъ и назойливо требующихъ, чтобы королевство Польское стало на мѣстѣ Русской державы? Чѣмъ объяснить себѣ, что онѣ могутъ держаться

въ силѣ? А между тѣмъ онѣ держатся въ силѣ. На поверхности теперь все тихо и смиренно въ нашихъ западныхъ предѣлахъ, но только на поверхности. Втайнѣ продолжается дѣятельная работа съ твердою надеждою на успѣхъ, и эта работа тѣмъ опаснѣе, что неудача вооруженнаго возстанія естественно побуждаетъ къ расширенію круга дѣятельности на иныхъ путяхъ. Польское дѣло, никогда не имѣвшее національнаго характера, обладаетъ всеми условіями для того, чтобы слиться до безразличія со всемъ, что только можетъ внутри и внѣ оказаться непріязненнымъ къ русской національности, а потому благо Россіи требуетъ теперь болѣе всего, чтобы этотъ фальшивый польскій вопросъ былъ окончательно разрѣшенъ и нынѣшній кризисъ счастливо пройденъ. *O navis!... fortiter ossura portum.*

Церковные архивы въ Западной Россіи и на какія соображенія наталкиваютъ нѣкоторые документы, хранящіеся въ нихъ?

Намъ не разъ приходилось рыться въ церковныхъ архивахъ такъ называемой Литовской епархіи; не богаты они документами, большая часть ихъ или перешли, при посредствѣ пановъ, во время господства и деспотическаго преобладанія униі надъ православіемъ и латинства надъ самою униєю—въ руки ксендзовъ, которые, какъ вѣрные преданіямъ своихъ учителей іезуитовъ, предавали эти документы истребленію, — или же попали въ последнее время въ епархіальный центральный архивъ. Остались исключительно одни лишь *визиты* ежегодные отцовъ базильянъ, или другихъ лицъ, посланныхъ епархіальною униатскою властію для осмотра церквей и ихъ имуществъ, да еще кое-гдѣ подтвержденія этихъ визитъ разными униатскими властями. Въ этихъ *визитахъ* (*) дѣлается перечень церковныхъ вещей, описаніе церкви — ея движимыхъ и недвижимыхъ фундушей, церковныхъ книгъ, селъ и дерепень, составлявшихъ парохію церкви, упоминается о священникѣ церкви, его качествахъ — упоминается, болѣею частію, въ самыхъ общихъ фразахъ, о разныхъ цер-

(*) Такъ называются акты, составляющіеся ревизорами униатскихъ церквей послѣ ревизій.

ковныхъ документахъ, записяхъ князей, дворянъ и другихъ лицъ, большую частію латинянь, патронатствовавшихъ надъ униатскими церквами. Тяжелое и скорбное впечатлѣніе производятъ на разбужающаго эти памятники давно минувшихъ дней нашей церкви, — живыя цифры разныхъ вещей и принадлежностей богослуженія, незаконно и насильственно введенныхъ униатскими властями въ православные храмы, — напр. монстрантій (*), пушекъ (**), камешекъ, органовъ, иконъ съ изображеніемъ *Игнатія Лойолы*, *Юсафата* великомученика полоцкаго, — богослужебныхъ книгъ, въ которыхъ, латинско-униатское благочестіе не скупится на прокладія русскимъ отщепенцамъ — беззаконнымъ убійцамъ Юсафата! Эти цифры представляютъ живую и наглядную картину погребеннаго, совершавшагося не безъ сильной борьбы, удаленія западнорусской церкви отъ начала православія. Къ сожалѣнію — эти визиты не восходятъ далѣе первой половины прошлаго вѣка. Но и тѣхъ, какія есть, довольно, чтобы составить себѣ по нимъ представленіе о томъ, какъ латинство съ полонизмомъ въѣхало въ униатскую церковь до самыхъ мелочей: все вещи носятъ латинское или польское названіе, самыя визиты писаны или на латинскомъ, или на польскомъ изуродовавшемъ латинизмами языкъ. Униатская церковь видимо погрязла въ латинскихъ новшествахъ.

Но кромѣ подобныхъ грустныхъ воспоминаній, — западнорусскіе церковныя архивы съ своими визитами, приводя къ очень практическимъ соображеніямъ и выводамъ, пригоднымъ для настоящаго времени, возбуждаютъ въ душѣ и пріятныя воспоминанія о нашемъ древнемъ православіи, о приверженности къ нему какъ простыхъ, такъ и сановитыхъ людей, строившихъ монастыри, отъ которыхъ и слѣда не осталось до нашего времени. Какъ ни глухо говорятъ церковныя визиты о церковныхъ фундашахъ, донатіяхъ, записанныхъ церкви какимъ либо княземъ, но по мѣстамъ, помимо воли составителей визитъ, пробивается въ нихъ яркій свѣтъ истинны. Говорится напр. въ нихъ, что земля и угодія NN церкви для содержанія причта *надале*, по выраженію этихъ документовъ, еще въ 1560 г., напр. хотъ бы князь *Теодоръ Массальскій*, православный магнатъ, и что при церкви имѣется засвидѣтельствованная униатскими властями копія донатіи

(*) Тоже, что наши дарохранительницы.

(**) Большія чаши съ покрывшкою — для даровъ.

этого князя. Увидеть мы этой копии и, къ счастью, находимъ ее неповрежденною; написана она, положимъ, польскими буквами,—нельзя же было онолеченнымъ чиновникамъ брестскаго епископа Володимира енимать копию по Русски, но написана на чистомъ западнорусскомъ нарѣчїи XVI вѣка. Какъ сохранилась эта копия, мы не знаемъ; но она тѣмъ драгоценнѣе для насъ, что ее засвидѣтельствовали униатскія власти, слѣдовательно признали несомнѣнными и тѣ факты, которые представляетъ намъ запиской актъ князя Массальскаго. Вотъ эти факты: что NN перновъ основана православнымъ, русскимъ княземъ, Городненскимъ старостою, на православный мужской монастырь; монастырю этому даются земли и угодья въ опредѣленномъ количествѣ — на вѣчныя времена; монастырь подчиняется виленскому св. Духову монастырю. Князь — основатель закладываетъ своихъ потомковъ не измѣнить ни іоты въ православной вѣрѣ,—иначе, говоритъ онъ, я разсужусь съ ними на страшномъ судѣ Божіемъ. Давно уже не существуетъ этотъ монастырь; исчезла объ немъ и память въ народѣ; какъ и о князѣ—основателѣ. Указываютъ, впрочемъ, одно мѣсто ничѣмъ незастроенное, поросшее старыми столѣтними соснами и покрытое большими камнями, на которыхъ до сихъ поръ замѣтны кресты, эмблема смерти; къ нему народъ питаетъ особенное уваженіе какъ къ святому мѣсту, а старики говорятъ, что ихъ дѣды рассказывали имъ, что тутъ былъ когда-то монастырь. Странно какъ-то фигурируетъ построенный почти на самомъ мѣстѣ монастыря—костель; между тѣмъ какъ церковь монастыря перенесена въ другое мѣсто, именно поближе къ угодьямъ, которые одни остались памятникомъ того, что здѣсь давнымъ давно былъ монастырь православный. Пересматривая архивъ этой церкви, мы замѣтили очень оригинальное явленіе: чѣмъ новѣе и ближе къ нашему времени визиты,—тѣмъ количество угодій церковныхъ все уменьшается и обрывается. Родъ Массальскихъ перешелъ въ латинство, вопреки строгому заклѣтію предка,—а потомъ и совсѣмъ угасъ; церковь съ фундаментомъ поступила подъ патронатъ разныхъ латинянъ-панковъ, которые нашли нужнымъ обрывать церковныя фундамы и присоединять ихъ къ своимъ землямъ. Такимъ образомъ изъ 12 вѣложъ земли, записанныхъ Массальскимъ, остался при церкви навѣкъ ибудь 3 и того менѣе, хотя, по завѣщанію, никто не смѣлъ отнимать этого фундама у церкви, подъ угрозою вѣчнаго суда и временнаго наказанія по приговору свѣтскаго суда. Но чины не трусили ни передъ Божіимъ, ни передъ человѣческимъ

судомъ своего времени, они нагло и святотатственно нарушали завѣщанія.

Мы взяли для примѣра одну церковь; но изъ архивовъ и другихъ церквей мы узнаемъ тоже. Мало по малу патроны униатскихъ, бывшихъ прежде православными, церквей отнимаю у нихъ, вопреки воли фундаторовъ фундаши и угоды, пользуясь безнадежностью польскаго суда и временами панскаго самоуправства. Въ документахъ этихъ церквей, которыхъ не успѣли истребить паны, точно обозначаютъ даже мѣста грунтовъ, сѣнокосовъ и другихъ фундашей, записанныхъ такой-то церкви ея православнымъ основателемъ. Вотъ практическій результатъ, происходящій отъ соображенія этихъ фактовъ: земли и фундаши, записанныя основателями церквей на украшеніе и разныя ея нужды на *вѣчныя* времена, но въ теченіи времени незаконно присвоенны латинскими помѣщиками, на основаніи лишь того, что они принимали надъ церковію патронатство,—такія земли и фундаши должны бы, кажется, отойти, отъ помѣщиковъ къ церквамъ, какъ древнее и неприкосновенное достояніе ихъ. Священникамъ не мѣшало бы собрать и тщательно пересмотрѣть церковные документы, и какъ только найдутся документы (ихъ скорѣе всего можно находить между визитовъ), которыми записаны въ собственность церкви на *вѣчныя* времена—земли и фундаши,—а документовъ, изъ которыхъ видно было бы, что земли эти перепроданы или уступлены были кому бы то ни было законнымъ порядкомъ, не имѣется,—то предъявлять такіе документы, кому слѣдуетъ, для того, чтобы по нимъ возвращены были церкви принадлежащія ей земли. Случается, впрочемъ, такъ, что самаго документа или копій его нѣтъ въ церковномъ архивѣ, но есть намеки или цифровыя указанія, что извѣстная часть земли должна принадлежать церкви, между тѣмъ ею владѣть, безъ всякихъ основаній, помѣщикъ. Въ такомъ случаѣ лучше всего обратиться въ консисторію, гдѣ нерѣдко можно найти самыя записи или копія съ нихъ. Какъ бы то ни было, эта статья очень важная. По какому праву будетъ владѣть помѣщикъ церковною землею, тогда какъ документы на нее принадлежатъ церкви? Развѣ мало наши помѣщики перетаскали цѣнныхъ вещей и документовъ изъ церквей, состоя надъ ними патронами и колыторами? Разумѣется, тогда только можно завести тяжбу съ паномъ о землѣ, когда есть на лицо неподлежащія сомнѣнію документы на эту землю, чтобы и вида не было при этомъ незаконности и насилія.

Мы сказали, что паны, пользуясь правомъ патроновъ надъ

церковно—вмѣшиваясь въ ея дѣла, и по своему всемогуществу, въ послѣднее время существованія Польскаго королевства, державшіе бѣдныхъ и невѣжественныхъ униатскихъ священниковъ съ душою и тѣломъ въ своихъ рукахъ, — перетаскали изъ церквей много документовъ, неоспоримо подтверждавшихъ факты, что униатскія церкви были когда-то православными и что эти церкви имѣютъ права на извѣстные фундаши, которые панамъ хотѣлось бы отнять у нихъ. Мы можемъ рассказать подробнѣе какъ это дѣлалось, на основаніи свидѣній, собранныхъ нами отъ старыхъ ех-униатовъ священниковъ. Вотъ какъ обыкновенно велъ тактику отнятія документовъ у церквей—помѣщикъ. Болѣе энергическій по характеру, вида, что у него священникъ униатскій въ рукахъ вещь, что буквально жизнь и смерть священника въ его власти, приступалъ къ нему строго и рѣшительно, требуя выдачи важныхъ для помѣщика документовъ. Священникъ, разумѣется, не отваживался прекословить, боясь потерять мѣсто и пойти по міру съ семействомъ. Менѣе рѣшительные паны употребляли разные маневры, чтобы выманить у священника необходимые имъ документы они приглашали къ себѣ священника, принимали его ласково, угощали; священникъ, непривычный къ такимъ милостямъ, таялъ отъ удовольствія и по одному намеку отдавалъ помѣщику документы. Бывало и такъ, что помѣщикъ повадится бывать у священника въ гостяхъ, повѣситъ, гдѣ у него лежатъ книги и рукописи, заставить его будто для справки пересмотрѣть передъ нимъ свой архивъ и, улучивши свободную минуту, стащить документъ, необходимый для его цѣлей. Впрочемъ, такъ какъ униатскіе священники, должно быть въ силу извѣстнаго прозѣта ксендза-іезуита, были крайне бѣдны, то помѣщику очень легко было добыть у своего священника любой документъ за шапокъ жита (*) или пшеницы. Притомъ, зачѣмъ нужны были эти документы священнику, который по своей малограмотности и разобрать ихъ не могъ? Такимъ путемъ перешло въ руки пановъ много очень важныхъ документовъ, обезпечивавшихъ навсегда церкви и многіе причты въ Западной Россіи. Какъ поступали съ ними паны—намъ не извѣстно, извѣстно лишь то, что они не сдавали ихъ ни въ какіе архивы, а вѣроятно, по примѣру своихъ учителей и воспитателей-іезуитовъ, сожигали или инымъ образомъ истребляли.

(*) Мѣра ржи, равняющаяся половинѣ четверти.

Такииъ же путемъ переходили многие документы церковныя въ руки латинскихъ епископовъ. Какъ панъ старался уничтожить такіе документы, которыми на церкви записывались земли и фундаши, находящіяся въ ихъ помѣстьяхъ, такъ епископы потребляли такіа данныя, которыя могли бы когда нибудь выдать тайну, что они незаконно, насильственно обратили церковное зданіе въ костелъ. И кто являеть, можетъ быть большая часть костеловъ, которыми населена западная окраина Бѣлорусіи,—принадлежала прежде православнымъ или униатамъ; можетъ быть эти костелы были когда-то церквами, или строились эти зданія на церкви и насильственно отняты латинянами, во время страшнаго латинскаго террора въ прошломъ столѣтіи надъ владиславными, и латинскаго преобладанія надъ униатами даже въ нѣтънпшамъ столѣтіи? Намъ передавали такого рода факты, подтвердившіеся потомъ собранными нами свидѣніями у старожиловъ-крестьянъ. Въ приходской церкви, положимъ, села Л., былъ документъ такогорода, что имъ приписывалось къ церкви зданіе, которое теперь состоитъ подъ костеломъ; въ этомъ зданіи предполагалъ епископъ образовать приписную церковь къ Л... приходской. Какъ перешло это зданіе къ латинянамъ—неизвѣстно. Одно извѣстно, что не документомъ оно должно принадлежать церкви, а не костелу. Этими документами не разъ хвалился покойный священникъ села Л. о. А—ій. Разуиѣется проиѣдали объ этомъ епископы и какъ имъ не хотѣлось терять костела, а съ димъ и своего вліанія на ошесываемую мѣстность, то они уговорили патрона Л—ій церкви г. Д., чтобы тотъ такъ или иначе досталъ документъ у о. А—го. Г. Д., какъ пріятель о. А., выпросилъ у него документъ на время, который ему показался, по его словамъ, очень любезнымъ, чтобы снять съ него копию. О. А. былъ такъ простодушенъ и доверчивъ, что далъ этотъ документъ г-ну Д., но послѣ этого больше уже не видѣлъ документа. Конечно онъ дошелъ къ тому, кто желалъ его имѣть, и такимъ образомъ Л—ская церковь потеряла право на владѣніе зданіемъ, на ея имя зданіемъ, а латиняне до сихъ поръ владѣютъ имъ и въ той мѣстности не перестаютъ вести своей тайной проваганды,—тѣмъ болѣе, что тамъ до сихъ поръ былъ владиславный священникъ—не совсемъ акуратный въ исполненіи своей должности. Между тѣмъ живутъ еще тѣ люди, которые видѣли и читали документъ;—живутъ старики-крестьяне, которые рассказываютъ, что ихъ дѣти, будучи еще дѣтьми, носили своимъ отцамъ, работавшимъ при постройкѣ зданія, хлѣбъ и гово-

рши имъ, что это здание строилось на державу, а не на костель. И действительно костель въ описываемой мѣстности совершенно лишній; масса народонаселенія крестьянскаго—православная; помѣщиковъ теперь очень мало, потому что большая часть крестьянъ поступала въ казну давнымъ давно. Между тѣмъ въ прошедшемъ году въ костель собиравось множество подозрительнаго свойства богомольцевъ, которые распѣвали патріотическіе гимны, шумѣли, а потомъ срывались поокружающимъ дремучимъ лесомъ, прилежаниемъ къ Беловѣжской цѣпцѣ. И латинскія дубовныя власти посылають сюда кседавалъ не совсѣмъ не политическаго направленія и пропагандистическаго характера и, что болѣе удивительно, какъ только арестуютъ одного—онъ сейчасъ же посылають сюда другаго священника, какъ будто опасаясь потерять это мѣсто и свое вліяніе на эту мѣстность.

Фактъ, представляемый нами объ образованіи латинскихъ пунктовъ тамъ, гдѣ имъ совсѣмъ не слѣдуетъ быть, посредствомъ отнятія латинянами церковныхъ зданий и обращенія ихъ въ костелы, не единичный, сколько и намъ извѣстно. Практическій выводъ изъ сказаннаго нами повторяемъ, тотъ, что священникамъ не мѣшало бы хорошенько пересмотрѣть церковные документы, хранящіеся какъ при самыхъ церквахъ, такъ и въ центральномъ архивѣ: пѣтъ-ли въ нихъ слѣдовъ, намековъ или прямыхъ указаній, что тотъ или другой костель построенъ на церковь и здание его приписано къ такой-то церкви? Если отыщутся указанія или слѣды этого, — предъявить подобные документы по начальству съ просьбою, чтобы костелы, помѣщающіеся въ церковныхъ зданияхъ, были закрыты, а здания обращены были по назначенію, указанному въ документахъ. Только пусть это дѣлается путемъ законнымъ и справедливымъ. Насилія въ этомъ не будетъ латинству никакого: довольно они живились православнымъ добромъ; пора, давно пора, кажется, возвратить его по принадлежности. Такимъ образомъ исчезнутъ сами собою костелы, ненадобные въ Западной Россіи и тогда не нужно будетъ прибѣгать къ разнымъ мѣрамъ обращенія латинявъ въ православіе: исчезнутъ костелы, исчезнутъ и латиняне; ибо у насъ изстари ведется тотъ порядокъ, что не послѣ явленія латинявъ—является костель, а наоборотъ—послѣ появленія костела являются латиняне!

Западна Русь.

26 сентября.

Замѣтка о Вильнѣ с.-петербургскаго путешествіи.

Вильна, 2-го ноября.

Въ Вильнѣ чувствуешь себя дома, и притомъ у такого хозяина, который все держитъ въ порядкѣ. Въ то время, какъ изъ Петербурга, какъ будто съ каждымъ годомъ, все болѣе уходитъ русскихъ людей, въ Вильнѣ все старается казаться русскимъ. Актеры играютъ по русски, народъ съ замѣтнымъ рвеніемъ отвѣчаетъ на нашъ языкъ. Въ городѣ большое оживленіе; вы не увидите недовольныхъ лицъ, ни враждебныхъ взглядовъ, какъ то было прежде. Едва вѣрится, что еще такъ недавно сбивались на улицахъ толпы растрепанныхъ женщинъ въ черной одеждѣ, которыя бросались другъ къ другу на шею, и густою массой, обнявшись, плакали на взрыдъ о несчастіяхъ „ойчизны.“ Теперь все смотритъ такъ весело и бодро, какъ будто всѣ ради-радехоньки, что избавлены отъ тягостной роли плакальщицъ и кинжалщиковъ.

Отрадиѣ всего для сердца русскаго видѣть въ Вильнѣ возобновленіе православныхъ церквей, опозоренныхъ іезуитами и евреями, во время ихъ печальнаго владычества. Польское возстаніе вывело все это на чистую воду. Я слышала, что предположено основать въ Вильнѣ женскій православный монастырь на самыхъ благотворныхъ началахъ. Здѣсь при содѣйствіи образованныхъ сестеръ милосердія изъ среды монахинь, больные будутъ имѣть уходъ, а дѣти получать воспитаніе. Этимъ учрежденіемъ очень усердно занимаются многія дамы и инокини, способныя принести большую пользу этому дѣлу. Дай Богъ полный успѣхъ благодѣтельному начинанію!

Мѣстоположеніе Вильны очень красиво. Уже видны многія улучшенія: разбиваютъ садъ у подошвы цитадели, въ виду горъ, которыя своими очертаніями много напоминаютъ Германію. Во время пресобладанія католицизма, городъ, воспѣтый Мицкевичемъ, долженъ былъ казаться мрачнымъ до крайности. Кривыя, узкія улицы ганзеатическихъ городовъ, гдѣ встрѣчались на каждомъ шагу злобщія фигуры среднесѣковыхъ монаховъ, вѣроятно, наводили на душу невыносимое уныніе. Теперь все это исчезло, нѣтъ больше инквизиторскаго колорита и городъ Вильна остался только интересенъ своею старинною физономіей. Въ настоящее время тамъ можно встрѣтить очень хорошее русское

общество и добрый, гостеприимный присажь. Всякій, кто сердеч-но интересуется русскимъ дѣломъ, будетъ тамъ не чужой.

Климатъ въ Вильнѣ сравнительно гораздо мягче въ октябрѣ мѣсяцѣ, погода тамъ стоитъ лѣтняя, дамы прогуливаются въ легкомъ платьѣ и по вечерамъ слушаютъ въ новоустроенномъ саду военную музыку. Въ мою бытность въ виленскомъ театрѣ случался бенефисъ. Играли... чтобы вы думали? Князя Кугушева? Нѣтъ, Шекспира; играли *Шейлока*. За выборъ спасибо. Зрители вынесли отрадное впечатлѣніе. Такъ всегда великъ Шекспирь.

Русскій Инвалидъ о польскомъ мятежѣ 1863 г.

Многими поразительными явленіями ознаменовалось польское возстаніе 1863 года, но было между ними одно, которое придавало ему характеръ вполне самобытный и оригинальный. Мы подразумеваемъ здѣсь отношенія массы польскаго общества къ революціонной партіи. Явилась подземная власть, которую никто не зналъ по имени и не видалъ въ лицо; властью этою пользовались люди, ничѣмъ не выдвигавшіеся изъ толпы, люди безъ роду и племени, искатели приключеній и даже школьники, снѣшившіе промѣнять учебныя занятія на тревоги политической агитации, никто не давалъ полномочія этой власти, а между тѣмъ всѣ слѣпо повиновались ей; она собирала налоги, предавала неистовымъ истязаніямъ и убійствамъ сотни мирныхъ жителей, которыхъ считала ненадежными для своихъ цѣлей; никто не могъ поручиться ни за свое достоиніе, ни за свою жизнь, въ виду этой страшной организаціи, поражавшей свои жертвы среди бѣлаго дня и вопреки всѣмъ предосторожностямъ. Можно смѣло сказать, что исторія тайныхъ обществъ не представляла еще ничего подобнаго. Это было какое-то ошѣменение народа, какая-то истощающая атакія, вдругъ охватившая цѣлое общество, надъ которымъ надвигалась грубая сила и вела его на гибель. Пусть не объясняютъ явленіе, о которомъ говоримъ мы, лекуствомъ и лѣткостью людей, управлявшихъ мятежною организаціею: мы знаемъ теперь, что это были люди вполне ничтожные, по большей частіи лишеныя всякихъ способностей, а между тѣмъ они пользовались усмѣхою, о которомъ не доводилось и думать имъ, обративъ ее ремеслу въ другія страхи.

Европы. Пусть не говорят также, что успехом этихъ обла- ны они были единичному содѣйствію имъ. дапр: мы знаемъ, что значительная часть общества стояла, въ виду кончатого матеріальнаго равренія, въ виду страшныхъ жертвъ, на кото- рыхъ обрекали се эти подаемные агитаторы, и все-таки не нахо- дила въ ней достаточно энергии для днанаго дмъ отпора. Не- вѣроятно, странное зрѣлище это, не скоро изгладится изъ на- памяти тѣхъ, кому случилось быть его очевидцами.

Дай Богъ, чтобы ничто подобное не могло повториться на будущее время, а между тѣмъ, гдѣ искать тому ручательства, если мы не примемъ надежныхъ и вѣрныхъ средствъ противъ обнаружившагося зла? Фактъ представляется предъ нами во всей своей наготѣ и безобразіи; недостаточно, однако, изумляться ему; но нужно изслѣдовать его причины и озаботиться объ ихъ от- страненіи. Фактъ этотъ обнаружилъ, что корень зла лежитъ въ самомъ польскомъ обществѣ, въ его характерѣ и свойствахъ, сложившихся историческимъ путемъ. Главнѣйшее призваніе русскаго правительства должно состоять въ томъ, чтобы оза- ботиться—скажемъ прямо—о спасеніи польскаго общества, о томъ, чтобы въ средѣ его не могли повториться на будущее время страшныя явленія истекшаго года, когда огромное большинство населенія очутилось въ рукахъ злодѣевъ, иправившихъ его досто- янствъ и жизнью. Въ вышней степени безразумно думать, что задача эта можетъ быть достигнута только полицейскими мѣра- ми для охраненія порядка,—нѣтъ, мѣры такого рода не приво- дуть къ ожидаемому результату, если въ недрахъ самаго обще- ства не произойдетъ коренной переломъ, имѣющей целью со- зданіе консервативныхъ элементовъ, безъ которыхъ немислимо существованіе никакого правильнаго гражданскаго устройства. Постараемся выслѣпить нашу мысль.

Публицисты западной Европы привыкли называть известное раздѣлы Польши „великимъ беззаконіемъ“ (la grande iniquité) XXII вѣка. Не издаваясь въ долгій споръ объ этомъ, спросимъ только, неужели обьятіе, о которомъ идетъ рѣчь, могло про- исходить изъ случайныхъ обстоятельствъ, вследствие того, что напавшій около Польши достаточно сильный соседъ, кото- рому, во имя грубаго произвола, выпала на эту страну и лишшии се политической независимости? Объяснить, какими образомъ, причина упадка феударетви возможно было два столѣтія тому назадъ, не въ наше время не найдется ни одного мыслителя,

не одного политика, который не устыдился бы подобными объяснениями. Польша могла погибнуть так, или иначе, но погибнуть она была должна, потому что политическое и гражданское ее устройство не могло в себя очевидно принести разложения и не в состоянии было существовать долге. Болель, причинившая гибель Польши, была так очевидна для современников событий XVIII века, что, как бы находясь у постели умирающего, слышали они, со дня на день, во всеми страшными симптомами этой болель. В последние время обнаружено было множество любопытных исторических документов, относящихся къ этой эпохе, — депешы, записки, инструкци, указы резидентов и посланников, пребывавших въ Варшавѣ, — и пусть укажутъ намъ на одинъ изъ этихъ документовъ, хотя бы принадлежалъ онъ лицу, открыто враждебному Россіи, въ которомъ выражена была бы мысль, что Польша заключала въ себя задатки разумнаго и прочнаго развитія. Недалеко до развала 1772 года французское правительство отпрарило знаменитаго Дюмурье на помощь полякамъ, и какой же отзывъ слышалъ о Польшѣ этотъ человекъ, явившійся къ ней въ качествѣ ея спасителя? Правленіе въ Польшѣ чисто аристократическое, говоритъ онъ; но у аристократіи нѣтъ народа, которымъ бы она управляла, ибо нельзя дать это имя миллионамъ рабочихъ и крестьянскихъ къ землям; Польша представляетъ тѣло съ головами и желудками, но безъ рукъ и ногъ; Польша походитъ на сахарную плантацію и потому не можетъ сохранить независимости; завоеванная часть края выиграла съ царскимъ властителемъ.

Прислушиваясь къ этому сужденію, кто станетъ отрицать, что слова Дюмурье могли также законно относиться къ Польшѣ XVIII века, какъ и къ Польшѣ теперешней? Да и могло ли быть иначе? Польское королевство утратило въ прошломъ столѣтіи свою независимость, вследствие болельнаго упадка внутреннихъ своихъ силъ, вследствие конечнаго разложенія политическаго и гражданскаго своего организма, но съ техъ поръ, и до нашего времени, слышали ли были какія нибудь попытки для того, чтобы исцѣлить тохившую его язву? Нисколько. Для Польши придумывались и до сихъ поръ еще придумываются добротоласлаждами ея въ Европѣ различныя политическія комбинаціи; великое множество проектовъ всякаго рода пускаемо было въ ходъ, съ цѣлью обезопасить болель или менѣе самостоятельное су-

«действие»: система военного управления, система конституционного устройства, система административной автономии испробованы были для нас въ разныхъ времена—и никто не могъ достаточно надвинуться, почему все эти комбинации и системы окончивались полнѣйшимъ fiasco. Но разумно ли было удивляться этому? Могло ли возникнуть какое либо правильное политическое устройство тамъ, гдѣ не существовало для него необходимой почвы, гдѣ все общественные элементы поставлены были въ такія отношенія между собою и каждый изъ нихъ находился въ такихъ условіяхъ, что политическое и гражданское развитіе польскаго общества не могло породить ничего, кромѣ самой безобразной анархіи. Польша XIX вѣка осталась тою же самою, какою была Польша XVIII столѣтія. Наполеонъ I пытался, быть можетъ, лучше многихъ другихъ, невозможность «вдохнуть самостоятельную жизнь въ это одряхлѣвшее тѣло; доказательствомъ служить то, что, не смотря на пышныя обѣщанія, никогда не въ состояніи былъ придумать онъ что нибудь для этой страны; онъ сознавалъ настоятельную необходимость перестроить внутренней ея строй, и съ этою цѣлью постыпился даровать ей свой кодексъ, но кодексъ Наполеона коснулся лишь поверхностно польскаго общества и не уничтожилъ паразитическихъ аномалій, господствовавшихъ въ его средѣ. Не смотря на внѣшнюю равноправность, самый многочисленный классъ населенія, остался, по прежнему, въ рабской зависимости отъ меньшинства; по прежнему несчастная страна эта представляла, какъ выразился о ней Дюмурье, тѣло съ головою и съ желудкомъ, но безъ рукъ и ногъ. И послѣ Наполеона, вплоть до нашего времени, осуждена была Польша бороться въ мучительныхъ судорогахъ, служа предметомъ недоумѣнія для Европы и безплодныхъ заботъ объ ея благосостояніи для русскаго правительства.

Мы видѣли въ прошломъ году, къ чему привело такое бездѣльное положеніе дѣлъ. Мы видѣли, что конечнымъ результатомъ его была анархія, которой трудно отыскать подобіе, анархія, при господствѣ которой поколебался всякій авторитетъ въ обществѣ и само общество сдѣлалось игрушкою злодѣевъ терзавшихъ его, жившихъ его едени, между тѣмъ какъ оно пребывало въ какомъ-то тупомъ бездѣйствіи и не думало даже отъ нихъ оборониться. Трудно было бы сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ на этомъ печальномъ пути. Все говорило о необходимости

специальнаго, переворота въ иѣдрахъ нации, и изображеніе наше одиавливается передъ мыслью, какихъ новыхъ и болѣе ужасныхъ, бѣдствій слѣдовало бы ожидать впереди, если бы прежній порядокъ искусственно поддерживающъ былъ еще на иѣбитарое время. Реформа, къ которой приступило теперь русское правительство, получаетъ такимъ образомъ громадное значеніе въ нашихъ глазахъ. Реформа этой суждено осуществить то, чего не въ состояніи было выработать изъ себя польское общество, — она должна водворить въ странѣ равноправность, отсутствіе которой тяготѣло надъ ней вѣчнымъ проклятіемъ, должна принять къ участию въ гражданской жизни многочисленный классъ наследенія, осужденный досель на рабское бѣдствіе, должна создать тѣ консервативные элементы, безъ которыхъ не въ состояніи существовать никакое общество, какова бы то ни была форма ея политическаго устройства. До тѣхъ поръ, пока не приведенъ будетъ къ концу этотъ трудный процессъ перерожденія народа, придумывать политическія для него комбинаціи было бы непростительнымъ легкомысліемъ и ребячествомъ. Мы должны до того времени оставаться совершенно равнодушныя къ воплямъ заграничныхъ публицистовъ, которые требуютъ, чтобы русское правительство, подавивъ возстаніе въ Польшѣ, приступило немедленно къ водворенію въ ней либеральныхъ учреждений, какъ будто ничего ровно не случилось, какъ будто событія не добавляли съ полною очевидностію, что учрежденія эти не могли пустить тамъ прочныхъ корней. Пора убѣдиться намъ, что развивать теперь въ Польшѣ упомянутыя учрежденія значило бы строить зданіе на песокъ; прошло бы нѣсколько лѣтъ и зданіе, воздвигнутое нами, рушилось бы снова безъ слѣда и снова распространилась бы въ странѣ анархія со всеми тѣми ужасами, свидѣтелями которыхъ мы были въ прошломъ году.

Если заграничные публицисты не находятъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы клеймить темереншій образъ дѣйствій русскаго правительства въ царствѣ Польскомъ, то объяснить это мы не можемъ ничѣмъ другимъ, какъ поразительнымъ ихъ невѣжествомъ и очевидно злыми настрѣеніями. Вотъ, напримеръ, что мы прочли недавно въ „*Journal des Débats*“: „Съ нѣкотораго времени господствуетъ въ совѣтахъ русскаго правительства новая партія, которую можно назвать *молодою русскою партіей*. Она воспользовалась принципами и формулами демократіи, чтобы

прикрыть ими свои разрушительныя икры касательно Польши. Подъ предлогомъ равенства, она принимаетъ икры, отличающіяся безпримѣрнымъ радикализмомъ и дѣйствительная цѣль которыхъ клонится къ разрушенію того польскаго общества, какии сдѣлала его десять вѣковъ историческаго существованія. — Какое побужденіе — невѣжество, или злонамѣренность руководили этими словами? Вы сожалѣете о томъ, что измѣняется гражданскій строй Польши, созданный ея вѣковою исторіею; но развѣ сама исторія не произнесла надъ нимъ безошадно строгаго приговора? Развѣ обезпечилъ онъ ея внутренній порядокъ? Развѣ не привелъ онъ ее къ самому бѣдственному упадку? Что же такъ возмущаетъ васъ во внутреннемъ быту этого польскаго общества? Мы видимъ націю, въ средѣ которой многочисленное крестьянское сословіе, разоренное, задавленное, находилось въ зависимости, напоминавшей собою средніе вѣка, мы видимъ страну исключительно земледѣльческую, необладающую ни промыслами, ни торговлею, и въ которой, не смотря на то, считается болѣе милліона горожанъ, лишенныхъ всякихъ средствъ существованія и всегда готовыхъ служить орудіемъ для смуть и воиновъ; мы видимъ духовенство, въ средѣ котораго іезуитская пропаганда сдѣлала наиболѣе успѣховъ, — духовенство, поглощающее исключительными своими цѣлями и, въ дѣйствіе того, совершенно чуждое интересамъ массы населенія: какая надежная закваска для бесконечнаго ряда революцій, и это-то бѣдственное состояніе польскаго общества вы выставяете вы предметомъ гордости для него!

Вы явно сожалѣете о томъ, что Польша осводится, быть можетъ, благодаря начатой теперь реформѣ, отъ страшнаго недуга, завѣщаннаго ей десяти вѣковымъ историческимъ существованіемъ, и не задумываетесь заподозрить гнуснымъ намекомъ намѣреній и дѣйствій русскаго правительства. Еще реформа только начата и не шло объ ея ходѣ никакихъ положительныхъ свѣдѣній, кромѣ злонамѣренныхъ толкованій той самой шайки людей, которая причинила недавно страшныя бѣдствія своему отечеству, вы ищете въ ней какихъ-то социалистическихъ тенденцій. Не социалистическимъ, а социальнымъ характеромъ отличается она, и въ этомъ заключается великое ея достоинство, сравнительно со всемъ, что предпринималось было для Польши съ конца XVIII вѣка. Требовать для Польши противнаго, —

того, чего не въ состояніи воспринять она въ себя при существо-
ющихъ условіяхъ, значило бы не понимать ея истеріи и, вмѣ-
стѣ ожидаемаго благоденствія, приготовить для нея только
потрясенія и смуты.

(Русс. Инв. N. 228.)

Впечатлѣнія туриста въ Вильнѣ.

Позвольте, любезные читатели, заѣзжему Москвичу, при-
выкшему бесѣдовать, посредствомъ печатнаго слова, о всякой
всячинѣ съ любителями фельетоннаго чтенія—отъ нечего дѣ-
лать побесѣдовать кое о чемъ и съ вами. Положимъ, что едва-ли
придется ему сказать вамъ что нибудь новое, развѣ только по-
дѣлиться съ вами впечатлѣніями, произведенными на него здѣш-
нимъ городомъ, который доселѣ былъ ему извѣстенъ только
по наслышкѣ, и по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о немъ москов-
скими и петербургскими газетами.

Прежде всего, мы чистосердечно признаемся, что видъ этой,
мирно и стройно текущей, здѣшней городской жизни, совсѣмъ
вышними ея проявленіями, заставилъ насъ, на одну минуту,
невольнo призадуматься при воспоминаніи о томъ, что въ стѣ-
нахъ этого самого города, такъ стройно обстановленнаго, столь
недавно еще раздавалось сильное эхо отъ внутреннихъ и со-
сѣднихъ потрясеній. Едва вѣришь глазамъ. Не осталось ни
малѣйшаго слѣда отъ минувшихъ событій,—прошлое—кануло
въ вѣчность.

Первое, что въ Вильнѣ обращаетъ на себя вниманіе пріѣз-
жаго, это наружный видъ города, т. е. лицевая сторона мѣ-
стности, которая здѣсь проявляетъ себя отдѣльною характери-
стикой строеній, отмѣченныхъ перстомъ давно минувшихъ вре-
менъ. Эта-то печать отдаленной старины и придаетъ особую
физиогномію городу, который, въ глазахъ свѣжаго наблюдате-
ля, похожъ на одну изъ тѣхъ старенькихъ, нѣсколько объеми-
стыхъ, бабушекъ, которые сохранили, не смотря на морщины
въ лицѣ, крѣпенькое здоровье и почтенную наружность.

Странствуя по городу, подъ руководствомъ любезнаго чи-
черона, и осматривая преимущественно все то, что могло на-
помянуть намъ родныя мѣста, вскормившія насъ съ самого
дѣтства и научившія любить все русское,—мы не могли не за-
мѣтить, что, кромѣ нынѣ существующихъ православныхъ цер-

квей, воздвигаются, или возобновляются новые храмы изъ развалинъ прежде существовавшихъ и бывшихъ долго въ запустѣніи, древнѣйшихъ памятниковъ православія. Безмолвные свидѣтели вѣковыхъ переворотовъ, они смиренно ожидали спасительной руки для ихъ восстановленія. Это время теперь настало для нихъ, и вскорѣ православный крестъ надъ ними величаво будетъ возноситься къ небу, возвѣщая въ дѣмъ ихъ возрожденіе. Церкви св. Параскевіи, митрополитальный соборъ Пречистой Богородицы, церковь св. Николая, возродившись въ прежнемъ ихъ величїи, краснорѣчиво будутъ говорить всѣмъ русскимъ людямъ о минувшихъ ихъ судьбахъ.

Вообще, отрадно русскому чловѣку находиться теперь въ стѣнахъ города Вильны, гдѣ на каждомъ шагу слышишь рускую рѣчь, гдѣ существуютъ русскія школы, русскій театръ, русскій дворянскій клубъ, и гдѣ русская жизнь проникаетъ повсюду. Этого жизненно-бьющій ключъ русской народности, широкой струею разливающейся по всему сѣверо-западному краю, родственнымъ союзомъ скрѣпитъ навсегда неразрывную связь его съ остальной русской землей. Теперь уже каждый проникается тѣмъ мыслію, что благоденствіе страны обуславливается тѣснымъ, нелицемѣрнымъ, братскимъ соединеніемъ съ братьями во внутренней Россіи. Сильный этимъ единствомъ, край здѣшній будетъ плодотворно подвигаться на пути гражданскаго бытія, не нуждаясь въ чужихъ симпатіяхъ, ни опасаясь чужаго недоброжелательства.

Посѣтивъ русское и другія городскія кладбища, и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности города, какъ русскому чловѣку не побывать въ театрѣ, тамъ, гдѣ существуетъ русская сцена? Намъ приходилось быть на нѣсколькихъ представленіяхъ, въ которыхъ участвовалъ г. Васильевъ, и мы любовались мастерскою игрою этого даровитаго артиста, ангажированнаго на цѣлый годъ при здѣшней сценѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что пребываніе его при вилнскомъ театрѣ, и къ тому еще въ качествѣ режисера, будетъ благотворно дѣйствовать на цѣлую труппу. Такова сила истиннаго таланта, что побуждаетъ самую посредственность къ усиліямъ стать въ уровень съ нимъ, и если эти усилія не всегда увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ, то одно стремленіе къ нему уже достойно одобренія и остается не безъ хорошихъ послѣдствій. Сознаемъ, по долгу справедливости, что здѣшняя театральная труппа, вообще, весьма добросовѣ-

стно исполняетъ свое дѣло, конечно, въ предѣлахъ того, чего по-святители театра въ правѣ ожидать отъ труппы, не обладающей значительными матеріальными средствами, и многіе члены которой еще не вполне свыклись съ игрою на рускомъ языкѣ.

Изъ видѣнныхъ нами пьесъ болѣе другихъ помнится намъ комедія *Авз* и *Фертъ*, благодаря прекрасной игрѣ г-жи Павловой, въ роли кухарки Акулины. Она является въ одной только сценѣ, а именно въ той, когда, послѣ разбившагося за сценою, будто дорогогаго, фарфороваго сервиза, Акулина, вся растерянная, и ломая руки съ отчаянія, впадаетъ на сцену, и прямо къ ногамъ своего хозяина, съ плачемъ и рыданіями. Разскажъ ея, какимъ образомъ случилось это несчастіе, ея: *охъ батюшки, охъ родимый*, до того были естественны и согрѣты той наивной теплою, свойственной простой русской женщиной, что мы невольно подумали: здѣсь русью пахнетъ. Въ этой безыскусственной, но вѣрнѣйшей игрѣ, видѣнъ былъ настоящій типъ многочисленныхъ Акулинъ, Марей и Авдотій, встрѣчающихся, сплошь—да рядомъ, въ домахъ великороссійскихъ семействъ средняго класса, и составляющихъ какъ-бы необходимую принадлежность ихъ семейной обстановки. Г. Павлова была-бы, безспорно, украшеніемъ любой русской сцены; для характеристическихъ ролей.

Изъ ряда прочихъ артистовъ здѣшней труппы, весьма рельефно выступаетъ г. Домбровский, обладающій замѣчательнымъ комическимъ талантомъ. Каждое появленіе его на сценѣ замѣтно оживляетъ ходъ пьесы, что дѣлается имъ безъ той утрировки, къ которой часто прибѣгаютъ лучшіе комическіе артисты. Г. Домбровский, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если, отдавая полную справедливость его прекрасному таланту, мы вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ присоединить къ этому маленькое замѣчаніе. Первое появленіе его на сценѣ, въ началѣ пьесы, всегда художественно, эффектно и общаетъ много; но въ дальнѣйшемъ ходѣ пьесы игра его не всегда удерживается на той же высотѣ, или лучше сказать, не подымается выше, что, строго взято, одно и то же. *Qui p'avance pas—recule.*—Комедія—какъ ни обыденнымъ можетъ казаться намъ значеніе этого слова—занимаетъ весьма почетное мѣсто въ области драматическаго искусства. Назначеніе ея,—представляя намъ картину собственныхъ нашихъ слабостей, недостатковъ и пороковъ,—заставляетъ насъ невольно смѣяться надъ ними, и тѣмъ самымъ вести насъ

на путь бессознательнаго исправленія себя самихъ. *Ridendo castigat mores*. Задача артистовъ, подобныхъ г. Домбровскому, который справедливо пользуется сочувственнымъ вниманіемъ зрителей, и состоитъ именно въ томъ, чтобы, посредствомъ *разнообразія, градаци и выдержанности* игры, владѣть, такъ сказать, этимъ вниманіемъ, и поддерживать его въ продолженіи всей пьесы, не давая ему остывать ни на минуту, дабы съ послѣднимъ опущеніемъ завѣса оставалась въ немъ, во всей полнотѣ, то впечатлѣніе, которое должна производить на него болѣе или менѣе нравственная идея, положенная авторомъ въ основаніе пьесы.

О прочихъ членахъ здѣшней труппы предоставляемъ себѣ поговорить въ другой разъ, когда успѣемъ познакомиться съ ними поближе.

При постоянной заботливости театральной дирекціи о пресуспѣаніи здѣшняго театра, и съ помощію вновь ангажированнаго капельмейстера для оркестра, должно надѣяться, что въ составъ будущаго репертуара войдутъ и такія пьесы, въ которыхъ отведено будетъ хоть не большое мѣсто и вокальной музыкѣ, безъ участія которой сцена лишена одного изъ лучшихъ украшеній всякаго сценическаго представленія.

Воспользовавшись любезностію добрыхъ людей, мы успѣли побывать раза два-три въ виленскомъ дворянскомъ клубѣ, не уступающемъ лучшимъ столичнымъ клубамъ въ изящномъ, и во всѣхъ отношеніяхъ прекрасномъ устройствѣ. Обширное помѣщеніе съ богато убранною танцевальною залою, внимательная прислуга, отличный столъ и другія удобства не оставляютъ ничего болѣе желать. При всемъ этомъ клубъ, сравнительно съ довольно высокой цифрой постоянныхъ членовъ, до невѣроятности мало посѣщаемъ. Какъ ни различны мнѣнія о клубахъ, вообще, а по нашему мнѣнію, задача ихъ двоякая; *во первыхъ*: служить мѣстомъ отдыха и развлеченія, послѣ дневнаго труда для членовъ и посѣтителей, т. е. мѣстомъ вполне соответствующимъ этому назначенію, исключаяющимъ всякое сословное различіе, и не налагающимъ другихъ ограниченій, кромѣ указываемыхъ каждому благососчитанному человеку собственнымъ чувствомъ приличій; *и во вторыхъ*: способствовать къ развитію общественности, къ возможному сближенію и сдѣланію разнородныхъ общественныхъ элементовъ. Оба эти назначенія осуществляются съ одной стороны, при сочувствіи членовъ къ инте-

ресамъ клуба, съ другой—постоянной заботливостію старшинъ или директоровъ обо всемъ, что можетъ вызывать и поддерживать это сочувствіе. Вне этихъ условій, прочное существованіе клубовъ, вообще, не мыслимо.

Газовый освѣщеніемъ города, бывшимъ по сіе время у насъ удѣломъ одного лишь красавца-Петербурга, городъ Вильна опередилъ даже матушку Москву, гдѣ теперь только приступаютъ къ устройству газоваго освѣщенія. Говорятъ, что послѣ этого, пометитъ блестящаго начала на пути новѣйшихъ полезныхъ учрежденій, начальство намѣрено обогатить городъ и другимъ полезнымъ учрежденіемъ, а именно городскою почтою, вносящею столько жизни въ общественный бытъ жителей обширнаго города, облегчающею взаимныя ихъ сношенія, и забавляющею отъ досуга времени и траты на извозчиковъ.

Нельзя не пожалѣть, что при существенно меркантильномъ направленіи нашего времени, когда мы видимъ у насъ, какъ и вездѣ, представителей лучшихъ фамилій, стоящихъ во главѣ коммерческихъ предпріятій, что не нашлось до сихъ поръ въ Вильнѣ ни одного, ктобы снабдилъ городъ omnibusами, въ которыхъ онъ, по размѣрамъ его и числѣ народонаселенія, преимущественно средняго класса, имѣетъ самую ощутительную потребность или, на примѣръ хоть, одной коммисіонерской конторою, на подобіе существующихъ въ столицахъ, на прочныхъ, внушающихъ довѣріе, основаніяхъ и назначенныхъ посредничествовать при ежедневно встречающейся потребности въ продажѣ, куплѣ, залогѣ, залогахъ, и тѣмъ подобнымъ операціямъ, составляющимъ очень исключительную принадлежность евреевъ. Пора бы, кажется, позаимствовать у нихъ хоть нѣсколько торговой ихъ дѣятельности. Это было бы не безъ пользы и для нихъ самихъ. Встрѣчая правильно организованную конкуренцію, они будутъ заботиться о болѣе безкорыстномъ образѣ дѣйствій; или же, уступая другимъ мѣсто на мочкѣ, такъ долго ими обрабатываемой, они принуждены будутъ принимать свою практическую изобрѣтательность къ чему нибудь болѣе современному и для нихъ не менѣе полезному.

Пора, прощайте! Мы постараемся возобновлять, по временамъ, подобныя бесѣды, предметомъ конкъ будемъ стараться всегда избирать все то, что имѣетъ, болѣе или менѣе, мѣстный, современный и общественный интересъ.

Москвича.

7-го января.

Разговоръ императора Николая I съ французскимъ посланникомъ Барономъ Бургонномъ о полякахъ.

Баронъ Бургоннъ, посланникъ короля Филиппа, пользовавшийся довѣренностію имп. Николая, въ своихъ запискахъ пишетъ: империальникъ просилъ императора забыть, что предъ нимъ находится уполномоченный французскаго правительства и дозволить ему въ качествѣ лица, имѣвшаго счастье пользоваться его довѣріемъ, высказать совершенно частнымъ образомъ свои мысли и предположенія по поводу польскаго вопроса. Получивъ это дозволеніе, Баронъ Бургоннъ замѣтилъ, что Франція и Англія желали бы лишь одного, а именно, чтобы возстановленъ былъ въ Польшѣ тотъ порядокъ вещей, который существовалъ тамъ до возстанія.

„Услышавъ это, говоритъ авторъ, императоръ произнесъ достопамятныя слова, которыя привожу я здѣсь въ точности, ибо записалъ ихъ въ тотъ же самый день:

„Я долженъ выполнить обязанности, сказалъ онъ, которыя лежатъ на мнѣ, какъ на русскомъ монархѣ; онѣ побуждаютъ меня избѣгать ошибокъ, причинившихъ послѣднюю кровавую борьбу. Поляки не возбуждаютъ уже со стороны моей ни малѣйшаго дѣврія—и вотъ мое оправданіе тому: покойный братъ мой расточалъ благодѣянія свои польскому царству и я свято соблюдалъ установленный имъ порядокъ. Что такое была Польша, когда Наполеонъ и французы вступили въ нее въ 1807 году? Пустыня, покрытая пескомъ и грязью, — мы проложили тамъ прекрасныя и прочныя дороги, перыли каналы въ различныхъ направленіяхъ. Никакой промышленности не существовало въ этой странѣ, — мы завели въ ней суконныя фабрики, развили горный промыселъ — разработку рудниковъ и обезпечили значительное развитіе за этою важною отраслью народнаго богатства. Я расширилъ, украсилъ Варшаву. Важныя преимущества, дарованныя мною польской промышленности, возбудили даже зависть остальныхъ моихъ подданныхъ. Я открылъ даже полякамъ всѣ русскіе рынки, и они могли безпрепятственно посылать свои произведенія до самыхъ предѣловъ Азіи; въ русскомъ торговомъ мѣрѣ возникло даже мнѣніе, что всѣми этими льготами пользовались мои младшіе дѣти въ ущербъ дѣтямъ старшимъ. Вы возразите, быть можетъ, что все это блага

матеріальныя, но что сердце человѣческое носитъ въ себѣ другія стремленія, кромѣ стремленій къ прибыли и довольству. Хорошо; посмотримъ же не сдѣлали ли вы—Я и братъ М.й.—все, что способно было польстить этимъ болѣе возвышеннымъ чувствамъ, этимъ патріотическимъ и національнымъ воспоминаніямъ и даже требованіямъ свободы. Императоръ Алек андръ возстановилъ польское королевство, чего не осмѣлился сдѣлать самъ Наполеонъ. Братъ мой допустилъ, чтобы все преподаваніе въ школахъ происходило на народномъ языкѣ; онъ оставилъ полякамъ ихъ кокарду, ихъ старинные королевскіе ордена—св. Станислава, Бѣлаго Орла и даже тотъ военный орденъ, который носили они въ воспоминаніе о войнахъ, въ которыхъ они участвовали съ нами и противъ насъ. Поляки имѣли армию совершенно отдѣльную отъ русской и съ своими національными жундирами. Благодаря намъ, явились въ Польшу арсеналы, литейные заводы. Мы даровали имъ, слѣдовательно, все, что обезпечиваетъ матеріальные интересы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все, что можетъ льстить законной гордости,—и все наши благодѣянія были презрѣны ими!“

Оставьте же имъ эти благодѣянія, государь,—замѣтилъ баронъ Бургоймъ. Когда, побѣдивъ поляковъ, вы простите ихъ, сохраните за ними льготы, которыя они получили отъ васъ, то они проникнутся благодарностью вамъ: нужно привязать ихъ къ себѣ великодушіемъ.

„Оставить имъ все, что было имъ даровано! воскликнулъ Императоръ, но въ такомъ случаѣ опытъ не послужилъ бы ровню ни къ чему. Развѣ не воспользовались они противъ меня моими же собственными благодѣяніями? Развѣ превосходная армія такъ отлично организованная моимъ братомъ Константиномъ, не схватилась за оружіе, для борьбы съ Россіей? Развѣ арсеналы, литейные и оружейные заводы не служатъ мятежникамъ орудіемъ противъ русскихъ? Мало того: когда овладѣлъ я Варной, то нашелъ тамъ три пушки съ гербомъ старинной польской республики, которыя хранились тамъ, какъ трофеи послѣ того, какъ отняты были у Владислава IV. Какъ же поступилъ я? И на этотъ разъ рѣшился я польстить національному чувству поляковъ и отправилъ три пушки въ подарокъ городу Варшавѣ. И этими-то самыми пушками они дѣйствуютъ теперь противъ меня; они стрѣляютъ изъ нихъ въ моихъ солдатъ; неужели-же,

послѣ всего случившагося, не слѣдуетъ мнѣ принять мѣру предосторожности на будущее время?"

Баронъ Бургонъ былъ видимо смущенъ этими аргументами. Не зная что отвѣтитъ на нихъ, началъ онъ проводить весьма неловкую параллель между поляками и венгерцами, восхваляя доблесть послѣднихъ и ихъ привязанность къ габсбургскому дому. И снова возвратился къ любимой своей мысли, что необходимо возвратитъ Польшу хоть нѣкоторыя изъ учреждений, существовавшихъ въ средѣ ея до начала возстанія.

„Я не сдѣлаю этого, повторялъ императоръ; пусть самые восторженные приверженцы Польши укажутъ мнѣ, въ какую эпоху—подъ владычествомъ ли Пруссіи, во времена ли варшавскаго герцогства или даже прежде—существовала Польша болѣе богатая, лучше устроенная, съ такою прекрасною арміею, съ такимъ широкимъ развитіемъ промышленности и торговли, какъ теперь? Поляки не воспользовались этими благодѣяніями; между нами и мною не можетъ быть доверія.“

Въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника“ въ статьѣ: „По поводу закрытія нѣкоторыхъ монастырей въ Царствѣ Польскомъ,“ выражено, но не вниманію наборщика въ несправедливо корректуры, много ошибокъ. Исправляемъ важнѣйшія изъ нихъ.

Напечатано:

Нужно читать:

Стр. 17	Укажите имъ	Укажите намъ
—	Мы не говоримъ: <i>больше;</i>	Мы не говоримъ: <i>бълое;</i>
— 18	для насъ понятна	для насъ понятны
— 20	непогрѣшаемъ	непогрѣшная
— 21	самыхъ	самыхъ
—	руководящихъ руководи- мыхъ	руководящихъ и руководи- мыхъ
— 22	на образованіе нравственна- го	на образованіе православ- наго
— 24	монарха	Монарха
—	тѣхъ монаховъ	тѣхъ монаховъ

Ред.

СОДЕРЖАНИЕ 7-Й КНИЖКИ „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“

ЗА 18⁶⁴/₆₅ Г.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 8-й ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПОЛОЦКОЙ АРХІЕПИСКОПИИ. — 1) **Инва-
ментаръ** полоцкой архіепископіи 1588 г. Стр. 33 — 2) **Инва-
ментаръ** книжный составленный при передачѣ ихъ во владѣніе архіепископу
Гедсону Брольницкому въ 1661 г. Стр. 40.

№ 9-й ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНИИ. — 1) **Челобитная** депу-
тата виленскаго православнаго братства сеймовымъ чинамъ, о равныхъ наследіяхъ
и обихахъ, претерпѣваемыхъ православными отъ уніятскаго митрополита Ипатія
Потѣя и виленскихъ магистратскихъ властей. 1603 г. Стр. 44. — 2) **Жале-
ванная** подтвердительная, королевская грамота литовско-русскимъ и поль-
скимъ православнымъ обывателямъ, духовнымъ и мирскимъ, о неприкосновен-
ности правъ и привилегій, издавна дарованныхъ имъ въ исповѣданіи греко вост-
точной православной вѣры, церковныхъ чиновъ положеній и обрядовъ, съ общаіемъ
назначать имъ вновь духовныхъ властей на мѣста убыльма 1607 г. Стр. 48.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

КІЕВО ВЪДУБИЦКІЙ свято-Михайловскій монастырь и его владѣнія до занятія его
уніятами. **Свящ. Павла Троцкого.** Стр. 51.

КОВЕНСКІЕ протестанты XVII и XVIII столѣтій. **И. Величанова.** Стр. 174.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

НОВѢЙШАЯ пропаганда. Стр. 27.

ФИЗИЧЕСКІЯ и нравственныя элементы сѣверо западныхъ губерній Россіи. **Воб-
ровскаго.** Стр. 32.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ВОЕВОДА Волчій Хвостъ, повѣсть (продолженіе) **Сементовскаго.** Стр. 315.

СОВРЕМЕННЫЕ очерки: Мимолетная тучка. **Шингарина.** Стр. 330.

ПИСЬМО изъ западнаго края IX. Стр. 340.

О ЮЖНО РУССКИХЪ пословицахъ (окончаніе). **Ем. Вѣлброва.** Стр. 346.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО въ Россіи, историческіе очерки графа Дмитрія (Андреевича)
Толстого. Стр. 357.

О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ значеніи у р. католиковъ сѣв. зап. края Россіи церковной памя-
ти польскаго королевича Казимира. Стр. 387.

АКТЪ возвращенія православію православной церкви, обращенной въ р. католическій
костель. Стр. 394.

АКТЪ по случаю возложенія мельхіоровыхъ крестиковъ на новообращенныхъ р. като-
ликовъ. Стр. 396.

РАЗДАЧА бронзовыхъ изображеній св. Благотѣрнаго великаго князя Александра Нев-
скаго по вольнской губерніи. Стр. 398.

ВЫСОЧАЙШІЙ рескриптъ, данный на имя генерала отъ инфантеріи, графа **Муравь-
ева Э.** Стр. 402.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Русскій** инвалидъ по поводу Высо-
чайшаго рескрипта, даннаго на имя графа Муравьева 2-го. Стр. 404. — **Празд-
никъ** Пасхи въ Вильнѣ. Стр. 407. — **Еще** о томъ же праздникѣ. Стр. 409. —
Закрытіе виленскаго монастыря визитокъ. Стр. 412. — **Освященіе** часов-
ни въ г. Клеццеляхъ. Стр. 416. — **Предложеніе** митрополита Юсѣя въ литов-
скую д. консисторію. Стр. 416. — **Понима** ксендза Бржоско. Стр. 417. — **Понима**
эмиссаровъ въ Варшавѣ. Стр. 420. — **Изъ Витсбена.** Стр. 421. — **О народ-
ныхъ** пѣсняхъ минской губерніи. Стр. 423. — **Московскія** Вѣдомости о рус-
скомъ элементѣ въ люблинской и августовской губерніяхъ. Стр. 427. — **Цер-
ковныя** архивы въ западной Россіи и на какія соображенія наталкиваютъ нѣ-
которые документы, хранящіеся въ нихъ! Стр. 431. — **Замѣтка** о Вильнѣ
с.-петербургскаго путешественника. Стр. 438. — **Русскій** Инвалидъ о польскомъ
мѣтежѣ 1863 года. Стр. 439. — **Впечатлѣнія** туриста въ Вильнѣ. Стр. 445. —
Разговоръ императора Николая I съ французскимъ посланникомъ барономъ
Бургомномъ о полякахъ. Стр. 450.

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. This ensures transparency and allows for easy verification of the data.

In the second section, the author outlines the various methods used to collect and analyze the data. These include direct observation, interviews with key personnel, and the use of specialized software tools. Each method is described in detail, highlighting its strengths and potential limitations.

The third section presents the results of the study. It shows that there is a significant correlation between the variables being measured. The data indicates that as one variable increases, the other tends to decrease, which is contrary to the initial hypothesis.

Finally, the document concludes with a series of recommendations for future research. It suggests that further studies should be conducted to explore the underlying causes of the observed trends. Additionally, it recommends that the findings be applied to improve current practices in the field.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

«ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ» на 18⁶⁴/₆₃ годъ выходитъ съ іюля 1864 года по іюль 1865 года, *ежемесячно*, книжками отъ 13—15 листовъ обыкновенной печати.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Вильнѣ, въ редакціи журнала и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ *г. Сеньковскаго*; *въ С.-Петербургѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Ѡ. Базунова*, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, и въ книжномъ магазинѣ *С. И. Литова*, на углу Невскаго Проспекта и Малой Садовой; *въ Москвѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *А. Н. Ѡерапонтова*, на Никольской улицѣ, во флигелѣ заиконоспаскаго монастыря, у книгопродавца *Черенина*, на Никольской улицѣ, и у книгопродавца *И. В. Базунова*; *въ Кіевѣ*, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ *С. И. Литова*; *въ Варшавѣ*, у книгопродавца *Дутова* и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ЦѢНА «ВѢСТНИКА» ЗА ГОДЪ.

Для жителей *Вильны*, безъ доставки, 6 руб. 50 коп., съ доставкой на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями *исключительно* въ редакцію журнала „Вѣстникъ Западной Россіи“, *въ Вильну*.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору-издателю «Вѣстника» Ксенофону Антоновичу *Говорскому*, *въ Вильну*.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за *истекшіе* годы дѣлается уступка: за 18⁶²/₆₃ годъ, для жителей Вильны по 5 р. 50 к., для иногородныхъ по 6 руб. 50 коп.; за 18⁶³/₆₄ годъ— для первыхъ по 6 руб., для послѣднихъ по 7 руб. 50 коп.— съ пересылкою.

Редакторъ-Издатель **К. Говорскій.**

О Т Д Ъ Л Ъ I.

№ 8-й ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ПОЛОЦКОЙ АРХІЕПИСКОПИИ. — 1) **Инварь** полоцкой архіепископіи 1588 г. Стр. 33 — 2) **Инварь** имѣній полоцкой архіепископіи, составленный при передачѣ ихъ во владѣніе архіепископу Гедеоу Брольницкому въ 1661 г. Стр. 40.

№ 9-й ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРИИ УНШ. — 1) **Челобитная** депутата виленскаго православнаго братства сеймовымъ чинамъ, о разныхъ насиліяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ православными отъ уніятскаго митрополита Платія Потѣя и виленскихъ магистратскихъ властей. 1603 г. Стр. 44. — 2) **Жалованная** подтвердительная, королевская грамота литовско-русскимъ и польскимъ православнымъ обывателямъ, духовнымъ и мирскимъ, о неприкосновенности правъ и привилегій, издавна дарованныхъ имъ въ исповѣданіи греко-восточной православной вѣры, церковныхъ чиноположеній и обрядовъ, съ обѣщаніемъ назначать имъ вновь духовныхъ властей на мѣста убылыя 1607 г. Стр. 48.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

КІЕВО ВЫДУБИЦКІЙ свято-Михайловскій монастырь и его владѣнія до занятія его уніятами. **Святи. Павла Троицкаго.** Стр. 51.
КОВЕНСКІЕ протестанты XVII и XVII столѣтій. **Н. Великанова.** Стр. 174.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

НОВѢЙШАЯ пропаганда. Стр. 27.
ФИЗИЧЕСКІЯ и нравственныя элементы сѣверо-западныхъ губерній Россіи. **Бобровскаго.** Стр. 32.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ВОЕВОДА Волчій Хвостъ, повѣсть (продолженіе) **Сементовскаго.** Стр. 315.
СОВРЕМЕННЫЕ очерки: Мимолетная тучка. **Шугарина.** Стр. 330.
ПИСЬМО изъ западнаго края IX. Стр. 340.
О ЮЖНО РУССКИХЪ пословицахъ (окончаніе). **Ем. Бѣлоброва.** Стр. 346.
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСТВО въ Россіи, историческіе очерки графа Дмитрія (Андреевича) **Толстого.** Стр. 357.
О ПОЛИТИЧЕСКОМЪ значеніи у р. католиковъ сѣв. зап. края Россіи церковной памяти польскаго королевича Казимира. Стр. 387.
АКТЪ возвращенія православію православной церкви, обращенной въ р. католическій костелъ. Стр. 394.
АКТЪ по случаю возложенія мельхиоровыхъ крестиковъ на новообращенныхъ р. католиковъ. Стр. 396.
РАЗДАЧА бронзовыхъ изображеній св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго по волынской губерніи. Стр. 398.
ВЫСОЧАЙШІЙ рескриптъ, данный на имя генерала отъ инфантерій, графа **Муравьева 2.** Стр. 402.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ. — **Русскій** инвалидъ по поводу Высочайшаго рескрипта, даннаго на имя графа Муравьева 2-го. Стр. 404. — **Праздники** Пасхи въ Вильнѣ. Стр. 407. — **Еще** о томъ же праздникѣ. Стр. 409. — **Закрытіе** виленскаго монастыря визитокъ. Стр. 412. — **Освященіе** часовни въ г. Клецеляхъ. Стр. 416. — **Предложеніе** митрополита Йосефа въ литовскую д. консисторію. Стр. 416. — **Новина** ксендза Бржоско. Стр. 417. — **Новина** епископа въ Варшавѣ. Стр. 420. — **Изъ Витебска.** Стр. 421. — **О народныхъ** пѣсняхъ минской губерніи. Стр. 423. — **Московскія** Вѣдомости о русскомъ элементѣ въ люблинской и августовской губерніяхъ. Стр. 427. — **Церковныя** архивы въ западной Россіи и на какія соображенія наталкиваютъ нѣкоторые документы, хранящіеся въ нихъ. Стр. 431. — **Записка** о Вильнѣ с.-петербургскаго путешественника. Стр. 438. — **Русскій** Инвалидъ о польскомъ мятежѣ 1863 года. Стр. 439. — **Впечатлѣнія** туриста въ Вильнѣ. Стр. 445. — **Разговоръ** императора Николая I съ французскимъ посланникомъ барономъ Бургойномъ о полякахъ. Стр. 450.

